

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

11

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Н О Я Б Р Ъ

О Г И З ★ 1936
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 11

	Стр.
Передовая — Великая годовщина	1
Докатились	4
А. Вышинский — Выше знамя социалистической законности	6
Г. Леплевский — К вопросу об общем надзоре	11
С. Голунский — Нужна ясность	12
Г. Рогинский — Надо улучшить свою работу	15
А. Сольц — Декрет от 27 июня 1936 г.	20
А. Бажанов — Предложения к главе IX проекта сталинской Конституции	21
И. Крастин — Сталинская Конституция и задачи правового образования	27
В. Лебединский — Участие общественности в борьбе за социалистическую законность	30
Конев — Проект Конституции и защита прав женщин в национальных республиках	34
П. Велков — Сталинская Конституция и секции революционной законности при горсоветах	36
Тарасов — Новая Конституция — основа работы юрисконсультов	38
С. Миронов — О работе и ближайших задачах подной прокуратуры	39
Г. Старцев — Необходимые изменения Гражданского кодекса	41
Г. Горнштейн — Право наследования родителей	43
Л. Шейнин — Задачи следственных отделов	43
Л. Зонненберг — За высокое качество следственной работы по хозяйственным преступлениям, требующим бухгалтерской экспертизы	46
М. Строгович — Всесоюзные учебные конференции следователей	48
П. Тарасов-Родионов — Повышение квалификации народных следователей	50
Совещание Прокурора Союза т. Вышинского с народными следователями	54
М. Гершаинов — К итогам Всесоюзной конференции следователей	61
И. Ильинский — Подготовка советских защитников	61
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	63
Из практики Прокуратуры Союза по общему надзору	71
По союзным республикам	73
Право, процесс и судостроительство в капиталистических странах	78
Библиография	87
Официальный отдел	92
Сводка важнейших постановлений	97

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

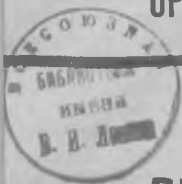
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

НОЯБРЬ
1936 г.

11

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

ПЛАМЕННЫЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОМУ VIII ВСЕСОЮЗНОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТОВ

ВЕЛИКАЯ ГОДОВЩИНА

19-ю годовщину Великой социалистической революции в СССР наша родина встретила в условиях полной и окончательной победы социализма и блестящих успехов в борьбе за построение бесклассового социалистического общества.

СССР — великая и могучая крепость социализма, оплот — единственный и несокрушимый подлинной демократии, подлинной свободы, равенства и братства народов. Героическими усилиями рабочего класса в союзе с основными крестьянскими массами и советской интеллигенцией СССР преодолел все трудности на пути своего исторического развития. Он преодолел эти трудности в хозяйственной жизни, в государственном и культурном строительстве.

Деятнадцать лет в жизни народов и государств — ничтожный срок. В СССР в этот срок, под руководством величайшей коммунистической партии, во главе с ее гениальными вождями Лениным и Сталиным, советский народ прошел столетний путь своего развития. Каждый годом своей борьбы советский народ одводил и подводил итоги целых десятилетий труда и побед. Из страны почти самой отсталой в мире, из страны почти поголовно неграмотной, почти нищей, героические подвиги трудящихся СССР превратили нашу родину в страну самую передовую, страну сплошной грамотности и великой, новой, подлинно социалистической культуры, в страну богатую изобилиующую гигантскими творческими ресурсами, в страну непреодолимой мощи и си-

высот культурно-исторического развития нашу родину, когда-то забитую, угнетенную и замученную помещиками и капиталистами.

До прихода к власти большевиков, до великой большевистской победы печальна была история нашей родины.

На Первой всесоюзной конференции работников социалистической промышленности в 1931 г. товарищ Сталин в ярких словах так говорил об этой истории: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские пань. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно».

Великая социалистическая революция, освободившая народы СССР от эксплуататоров и эксплуатации, от рабской нищеты, от национального порабощения, покончила с этой историей, покончила навсегда и бесповоротно. Великая социалистическая революция быстро и радикально залечила страшные раны, нанесенные нашему народному хозяйству империалистической войной и жестоким сопротивлением делу социализма со стороны разгромленных и пущенных ко дну эксплуататорских классов. Быстро восстановив и реконструировав промышленность, превратив советскую индустрию в индустрию социалистическую, ставшую мощной основой всей новой социалистической экономики, в ряде областей промышленного строительства догнав и перегнав самые передовые в техническом отношении капиталистические

Две пятилетки — этот гениальный стратегический план перестройки всего народного хозяйства — обеспечили волшебное превращение СССР в великое социалистическое государство рабочих и крестьян, поднявших до громадных

страны, Великая социалистическая революция своим победоносным штурмом последних убежищ капиталистических элементов увлекла за собой широчайшие массы трудящегося крестьянства и на основе коллективизации крестьянского хозяйства ликвидировала последний и самый отвратительный из эксплуататорских классов — кулачество.

Эти две победы всемирноисторического значения, победа индустриализации и победа коллективизации, явились осуществлением гениального сталинского плана социалистического переустройства СССР, осуществлением плана построения в нашей стране бесклассового социалистического общества. Эти победы дались не легко, они стоили больших и тяжелых жертв. С первых дней своего существования Великая пролетарская революция встретила жесточайшее сопротивление со стороны господствующих классов старого общества. Стоит только вспомнить чиновничий саботаж в первые дни Октябрьской революции, открытые контрреволюционные выступления всяких генеральских, белогвардейских организаций, вроде «тактического центра», «национального центра» и т. п.

Стоит вспомнить яростные антисоветские выступления меньшевиков и эсеров, всяких и всяческих оппозиционных групп и группировок и особенно таких, которые логикой классовой борьбы скатились в последующие годы в болото открытой фашистской контрреволюции. Стоит вспомнить только борьбу против генеральной линии партии правых и «левых», всего этого контрреволюционного сброда, объединившегося под знаменем Троцкого и Зиновьева, этих руководителей фашистско-троцкистских террористических банд, в союзе с охранниками из Гестапо, разведчиками, шпионами и диверсантами, поднявшими свою преступную руку против Советского государства, против коммунистической партии, против ее великих вождей и руководителей.

Великая социалистическая революция разгромила не один отряд вредителей, диверсантов, шпионов, террористов, интервентов, посягавших и посягающих на благо и счастье советского народа. Наша партия, под руководством нашего великого вождя товарища Сталина, разгромила буржуазную контрреволюцию, разгромила ее самые передовые и самые опасные фашистские отряды. Наша партия разгромила и разоблачила самый последовательный и самый подлый из этих отрядов фашистской контрреволюции — троцкистов, давших контрреволюционной буржуазии и духовное, и тактическое, и организационное оружие против большевизма и социалистического строительства.

Автор контрреволюционной теории о невозможности построения социализма в нашей стране—Троцкий, превратившийся в открытого агента германского Гестапо и германского фашизма, организовал блок с зиновьевцами и фашистскими разведчиками, пытаясь при помощи маузера и бомбы осуществить свой последний план борьбы с советской властью.

Перейдя к индивидуальному террору против руководителей ВКП(б) и Советского государства, троцкистско-зиновьевские бандиты превратились окончательно в оруженосцев и глашатаев капиталистической реставрации, в агентов международного фашизма, несущего террор и войну, голод, разорение и нищету трудящимся массам.

Наша партия разгромила без остатка и устранила со своего пути контрреволюционный троцкизм. Контрреволюционная природа троцкизма была разоблачена товарищем Сталиным еще тогда, когда товарищ Сталин спрашивал: «Кто дал духовное оружие международной контрреволюции?». И отвечал: «троцкизм». Когда товарищ Сталин спрашивал: «Кто дал организационное оружие контрреволюционной буржуазии?». И на этот вопрос также отвечал: «троцкизм». Когда, наконец, товарищ Сталин ставил вопрос: «Кто дал международной контрреволюционной буржуазии свое тактическое оружие?» И на этот вопрос точно там же отвечал: «троцкизм, троцкизм». Уже в 1927 г. превратившийся в передовой отряд международной контрреволюции троцкизм все дальше и дальше катился по наклонной плоскости, пока не оказался полностью в объятиях Гестапо, пока между Троцким и троцкистами и между Гимлером (начальник фашистских охранных отрядов), между германской охранкой и кабинетом Троцкого исчезло всякое различие, когда все слилось в отвратительный клубок, самый ужасный, самый гнусный, самый коварный, готовый воспользоваться всеми решительно средствами, какие только возможны, не останавливаясь ни перед изменой, ни перед двурушничеством, ни перед предательством, ни перед всякой подлостью, для того, чтобы бить по Советскому союзу, для того, чтобы бить по самому дорогому для нас, для того, чтобы попытаться ужалить, как ядовитая змея в самое сердце нашего великого народа, нашей великой социалистической страны.

Наша партия разгромила троцкизм — этот передовой отряд международной фашистской контрреволюции, против которого может быть только одно средство борьбы — это подавление и уничтожение.

Сталинская Конституция свидетельствует о величайшем историческом процессе, все решительнее и глубже стирающем в нашей стране последние грани классовых различий, превратившем уже сейчас наш народ в единый советский народ, одушевленный едиными целями, одушевленный едиными стремлениями, сплоченный под великими знаменами нашей коммунистической партии, готовый жизнь свою отдать за благо нашей страны, за нашего великого вождя товарища Сталина.

Мы прошли девятнадцатилетний путь нашего исторического развития в борьбе и труде. Мы знаем, что означают наши победы, потому что в этих победах наш пот и наша кровь, потому что эти победы одержаны были на фронтах гражданской войны и на фронтах классовой тяжелой борьбы в нашей промышленности, в нашем сельском хозяйстве, в деле нашего культурного строительства.

Поэтому мы говорим: девятнадцать лет эти мы прошли с боем, девятнадцать лет мы прошли с тяжелой борьбой и в тяжелой борьбе. И может быть именно потому, что каждый успех, каждое завоевание, каждое достижение этих наших исторических девятнадцати лет, великолепным воплощением которых является каждый параграф, каждая статья, каждая строка, каждое слово нашей новой великой сталинской Конституции, может быть именно потому, что каждое достижение нашей страны связано с нашей героической борьбой, с нашими стремлениями, воплощает в себе нашу жи-

ую кровь, нашу живую жизнь, наши живые усилия, именно поэтому мы в девятнадцатую годовщину нашей Великой октябрьской революции говорим: никому не отнять ни одного из этих великих октябрьских завоеваний!

А охотников отнять эти завоевания у нас немало и сейчас. И тех, которые точат свои ножи против нас под прикрытием, удачным или неудачным, это зависит от ловкости их шулерских рук, от умения маскировать свои империалистические, захватнические и грабительские замыслы, — таких господ вокруг нас немало.

Нас окружают некоторые беспокойные соседи, вдвойне беспокойные, потому что эти соседи являются нашими врагами.

Враги СССР точат ножи против нас. Точат ножи, например, японские генералы. Один из таких генералов, генерал Араки, не так давно выступал в печати с открытой антисоветской пропагандой. Он писал: «Божественный дух, в котором основана наша империя, не должен ограничиваться одной нашей страной, он должен быть распространен на весь мир, для того чтобы императорский японский дух стал господствующим духом всего человечества»¹.

В своей книге «Задачи Японии в эпоху Сио» Араки писал: «Азии — для Японии, которая не должна удовлетворяться только собственным расцветом, свои идеалы она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру. Настоящее же положение на Дальнем Востоке и положение во всем мире диктуют Японии необходимость выступления. Думаю, что в этом смысле имеет большое значение манчжурский инцидент. Япония уже сделала по указанию бога первый шаг вперед... Япония не желает допускать существования такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей Востоку, и ей надо дать мир и спокойствие. Можно было бы сказать, что вопрос о распространении в Монголии императорской идеи является более трудным, чем аналогичный вопрос в отношении Манчжурии. Нужно здесь выразить отчетливо и откровенно ту мысль, что какой бы враг не противостоял распространению императорской идеи, он должен быть уничтожен».

Ему вторит генерал Танака: «В программу нашего национального роста, — пишет этот генерал, — входит повидимому необходимость вновь скрестить наши мечи с русскими на полях Монголии в целях овладения богатствами северной Манчжурии».

Здесь расшифровывается программа японского империализма полностью. Если генерал Араки говорит о «божественном духе», защищает теорию государства с «двусмысленной территорией», то генерал Танака говорит проще: есть богатства, эти богатства лежат близко, дерзай ограбить эти богатые страны. Уничтожь советскую власть, тогда легче будет осуществить свою грабительские замыслы.

«Пока этот скрытый риф (наша страна) не будет взорван, наше судно не может пойти быстро вперед».

«Мы будем всемерно, — говорит генерал Танака, — наполнять северную Манчжурию нашими силами, Советская Россия должна бу-

дет вмешаться, и это будет предлогом для открытого конфликта».

Вот о чем мечтают японские империалисты. «Неизбежно должна, — писала газета «Нихо» в марте 1934 г., — последовать оккупация русской территории к востоку от озера Байкала, безусловно это не будет нападением, не будет объявлением войны, точно так же, как это не будет означать насильственный захват русской территории».

Что же это будет? Это не будет войной, это не будет объявлением войны, это не будет насильственным захватом нашей территории. «Это будет лишь справедливой мерой обороны в целях гарантии священного мирного договора».

Не ясно ли, что у нас враги не дремлют, что они не только подготавливают танки, пулеметы, самолеты и тому подобные средства к нападению на нас для открытой военной борьбы, но они подготавливают и психологию своих масс, свое общество, пытаются организовать, мобилизовать свое общественное мнение, внедряя в сознание людей, что это разбойничье нападение является, в сущности говоря, естественным, исторически обусловленным актом обороны, актом самосохранения.

С Танака и Араки перекидается вождем германского фашизма Гитлер. В своей «Майн камф» он писал о праве на землю, которое может стать обязанностью, если без расширения территории большой народ оказывается обреченным на гибель.

О праве на землю Гитлер говорит только для того, чтобы одурачить головы еще недостаточно сознательных, недостаточно разбирающихся в политике людей.

«Либо Германия будет мировой державой, либо ее совершенно не будет», — так рассуждает Гитлер. Но он забывает еще о третьем возможном выходе — либо Германия будет мировой державой, — и Германия будет сию, но Гитлера не будет, и это наиболее вероятный выход. Если бы мы не прожили эти девятнадцать лет так блестяще, как мы под руководством нашей партии их прожили, если бы мы не построили такую великую, такую могучую, такую непобедимую, такую несокрушимую, такую несприступную твердою социализма, какую мы построили, опирающуюся на нашу богатейшую промышленность, оснащенную самой совершенной в мире техникой, если бы не превратили нашу деревню в колхозную деревню, в деревню, охваченную энтузиазмом Марии Демченко и тысяч, десятков тысяч подобных ей героинь наших колхозных полей, если бы мы на основе нашей пролетарской диктатуры, на основе крепчайшего, нерушимого союза рабочих и крестьян не построили нашей могущественнейшей, непобедимой Рабоче-крестьянской красной армии, — мы могли бы придать более серьезное значение этим волчьим завываниям наших врагов.

Но наша страна есть наша страна, страна социализма, страна Ленина, страна Сталина. Мы уверены в своих силах. Мы боремся за мир, но мы готовы сокрушительным ударом ответить на любой удар поджигателей войны.

Наша страна, наш советский народ встречает девятнадцатилетнюю годовщину Октября, одетыми в непобедимую и непроницаемую броню великой социалистической мощи...

Под знаменем нашей партии, под знаменем партии Ленина — Сталина, во главе с нашей

¹ 19/VIII 1933 г.

партий, во главе с великим Сталиным, во главе с замечательными сподвижниками товарища Сталина, во главе с нашим ЦК, мы всту-

паем в двадцатый год Великой октябрьской пролетарской революции, готовые к новым боям и новым победам.

ДОКАТИЛИСЬ...

Октябрьская революция в СССР пробила брешь в капитализме, открыв новую страницу мировой истории. Но победа большевистской революции сломала капитализм только в одной стране.

Она ознаменовала собою начало конца капитализма, но мировой капитализм отнюдь не признал себя побежденным. Напротив. Победа нашей революции вызвала у капитализма стремление мобилизовать все силы и все средства в целях самосохранения. А это самосохранение капитализм теперь не видит вне разгрома советской власти, вне разгрома социализма, победившего в нашей стране. В этом основа того, что на наших глазах развертывается борьба не на жизнь, а на смерть между капитализмом и социализмом.

Успехи социализма в СССР отнюдь не ослабляют этой борьбы.

Эти успехи все больше спланивают многомиллионные народные массы в Советском союзе вокруг дела строительства социализма, вокруг нашей партии и ее вождя товарища Сталина. Страна идет твердым шагом по пути окончательной ликвидации остатков капитализма, по пути ликвидации классов. Самые отсталые слои трудящихся теперь видят, что социализм открыл для них возможность счастливой жизни. Материальное благосостояние и культурность рабочих и крестьянских масс растут с каждым днем. Трудящиеся нашей страны горды успехами социалистического строительства, непоколебимы в преодолении трудностей, уверены в окончательной победе. В глазах рабочих и трудящихся всего мира, в глазах всех угнетенных капитализмом страна пролетарской диктатуры стала символом их собственной грядущей победы и освобождения. Во всем мире теперь нет сознательных трудящихся, которые не видели бы в СССР вернейшей опоры в своей борьбе за освобождение, за свое будущее, за свое счастье.

Но успехи социализма в Советском союзе возбуждают все большую ненависть и прямо звериную ярость врагов социализма. Классовый враг внутри страны, как ни помыты у него бока, еще живуч и зачастую готов на самые подлые акты отчаяния в борьбе с трудящимися, строящими социализм. Господствующие силы буржуазии стран капитализма видят в этих успехах приближение своего краха. Особенно беспокойно чувствуют себя капиталисты и помещики тех стран, где капитализм держится уже только фашистским террором и расчетами на внешние империалистические агрессии. Беснующийся фашизм с его визгливыми призывами к походу против большевизма лишь подчеркивает бессилие буржуазии противопоставить могучему подъему социалистического Советского союза хотя бы некоторые успехи запутавшегося в противоречиях капитализма.

Понятно, что капитализм готов цепляться за любые средства, чтобы хоть как-нибудь отстоять свое безнадежное дело и чем угодно пакостить Советскому союзу. На этом объединились фашисты и троцкисты в последние годы. Их дороги сошлись.

Московский процесс над террористической троцкистско-зиновьевской бандой наглядно показал, как это происходит на деле, в живой жизни. Этот процесс показал троцкистов в их истинном облике, как прямых пособников фашизма. Не случаен тот факт, что фашистская печать взяла под свою защиту осужденных советским судом троцкистско-зиновьевских террористов.

Этот процесс показал, что в таком деле, как убийство одного из любимейших вождей трудящихся С. М. Кирова и подготовка новых убийств вождей нашей страны, они действовали сообща, в тесном союзе. Для совершения убийства Кирова и для подготовки покушений на жизнь нашего великого вождя и других руководителей страны пользующийся буржуазной законностью Троцкий вошел в тесный союз с фашистской германской охранкой — Гестапо. В согласии с Иудой Троцким практически руководили троцкистско-фашистским террором в нашей стране презренные Зиновьев, Каменев, Смирнов и вся их грязная группа.

Достаточно того, что показал московский судебный процесс, чтобы понять, чем стал троцкизм и троцкисты. Но только развернувшееся расследование дел троцкистско-зиновьевской банды дает возможность окончательно установить, до какой черты докатились троцкисты и их зиновьевские подручные.

После краха меньшевиков и эсеров троцкисты дали новый пример того, что в условиях развертывающейся теперь ожесточенной борьбы капитализма с социализмом нет места для какой-либо промежуточной политической группы, что такая группа неизбежно скатывается в лагерь злейших врагов рабочих и крестьян. В своей борьбе против большевистской партии и против СССР троцкисты давно уже лишились последних связей с трудящимися, давно оказались в лагере капитализма, стали авангардом международной контрреволюции.

Но теперь надо сказать не только это. Теперь ясно, что троцкисты не просто враги СССР и не просто авангард международной буржуазии в ее борьбе с социализмом. Растеряв остатки связей с массами, разоблаченные перед трудящимися ренегаты революции — троцкисты стали пособниками буржуазии в самых грязных, в самых подлых делах контрреволюции.

Раньше буржуазии нужно было искать отпетых уголовников, чтобы организовывать в СССР покушения на руководителей советской власти и большевистской партии. За последние годы положение изменилось.

Теперь троцкисты, озлобленные своими неудачами в борьбе с нашей партией, — поставщики контрреволюционных бандитов для организации злодейских убийств руководителей большевизма и советской власти. Троцкисты метят прежде всего в голову партии, но, как осатанелые буржуазные перерожденцы, они готовы истреблять, где только встретится возможность, не только большевистский центр, но и местных руководителей советской власти. Если многие из троцкистских планов этого рода остались неосуществленными, то в этом мы видим не только бессилье злобы многих наших врагов, но и показатель крепчайшей опоры большевистского руководства в массах трудящихся.

Раньше буржуазии нужно было создавать свои шайки для вредительства в нашей промышленности и в сельском хозяйстве, для подрыва социалистического хозяйства и благосостояния трудящихся. Можно ли было думать, что и для этого подлого дела найдутся выродки, вчера еще считавшие себя коммунистами? Теперь перед нами стоят уже разоблаченные вредители-троцкисты. Если недавно на процессе троцкистско-зиновьевской банды Зиновьев и Каменев с наглым спокойствием подтверждали, что именно они организовывали и торопили с осуществлением убийства Кирова, то теперь, припертые фактами, троцкисты сбрасывают с себя маски, под которыми они вели свою вредительскую работу в советской промышленности, на транспорте и в колхозном строительстве с целью подрыва доверия к нашей партии и к советской власти.

Мы знаем, что буржуазии и ее троцкистским подонкам не удалось достичь своей цели, что промышленность, транспорт и колхозы, несмотря на все происки врагов рабочих и крестьян, неуклонно крепнут и идут вверх. И эта карта наших врагов оказалась битой. Но контрреволюционное вредительство троцкистов в нашей промышленности, на заводах и в шахтах, на железных дорогах, на стройках и в сельском хозяйстве теперь доказано и уже признано целым рядом виднейших троцкистов. Это значит, что, окончательно изгнав троцкистов из нашего хозяйственного аппарата, покончив и с этой бандой вредителей, еще смелее выдвигая новые преданные социализму кадры организаторов, мы добьемся еще больших успехов нашей промышленности, транспорта, совхозов и колхозов, еще быстрее будет подниматься благосостояние трудящихся.

Всегда буржуазия тратила большие деньги на то, чтобы купить и отправить в другие страны, и особенно в Советский союз, шпионов и диверсантов. На эту роль шли обыкновенно только последние отбросы буржуазного общества. Теперь в лице троцкистов буржуазия получила пособников против СССР и в этом грязном деле.

Троцкистские организации за границей кишат шпионами и агентами буржуазии. Они нашли здесь для себя благоприятную среду. Факты и откровенные признания ряда виднейших троцкистов показывают, что эти мерзавцы не только за страх, но и за совесть выполняли службу шпионов и диверсантов в Советском союзе во славу своих империалистических и фашистских хозяев, в надежде на ускорение своего прихода к власти. Став на позицию пораженцев в отношении Советского

союза, троцкистская агентура по шпионажу и диверсиям уже заранее рыла яму для трудящихся СССР, стремясь облегчить победу империалистических и фашистских войск в грядущей войне против нашей страны. Надо быть дряблым мещанином, беспомощно болтающимся между двумя борющимися лагерями, чтобы не видеть, что именно к этому ведет логика антисоветской борьбы подлых из подлых троцкистских контрреволюционеров. И несмотря на все это, вместо желанного для них ослабления СССР вооруженная оборона нашей страны на глазах трудящихся могуче крепнет на страх всем и всяким врагам.

Все это говорит о том, что троцкисты не останавливаются теперь ни перед какими преступлениями в овоей ненависти к большевизму и в своей контрреволюционной борьбе против нашей революции, против завоеваний Октября, против кровных интересов трудящихся. Они стали врагами народов СССР, изменниками родине, интересы которой они готовы распродать на бирже закулисной политической торговли, начатой уже ими с верхами иностранной буржуазии.

Таковы факты.

Это не разрозненные действия отдельных троцкистских выродков. Нет, такова политическая установка перерожденца Троцкого и всей троцкистской банды, опустившейся на дно буржуазной контрреволюции.

Как настоящие отбросы революции, троцкисты скатились к терроризму, вредительству, шпионажу и диверсиям в пользу иностранной буржуазии и ее фашистских сил. Оставаясь в авангарде международной контрреволюции, они превратились в контрреволюционных террористов и вредителей, в презренных шпионов и диверсантов на службе буржуазии. Более подлых и бесчестных врагов, чем троцкисты с их предательской маской двурушников, мы не имели. Одно ясно: троцкисты дошли до последних черт, троцкисты докатились...

Надо ли распространяться о том, какой ответ на эти преступления троцкистов дадут трудящиеся Советского союза? Может ли ждать пощады от пролетарской диктатуры банда троцкистских мерзавцев? У трудящихся нашей страны и у друзей СССР во всем мире на это может быть только один ответ: революционная расправа — вот ответ на преступления троцкистов!

Большевики помнят о своей обязанности разъяснять массам смысл новых политических событий и задачи их борьбы. Это необходимо и внутри партии и среди всей массы трудящихся, особенно в среде молодежи. Необходимо, чтобы новые уроки нашей борьбы подняли нашу революционную бдительность, большевистскую сознательность.

Мы знаем также, что нужно отделить от контрреволюционных троцкистов случайные колебания и связи отдельных честных советских людей. Двурушники-троцкисты забрызгали грязью, где и что могли.

С троцкистской же бандой, докатившейся до террора, вредительства, шпионажа и диверсий, мы должны покончить. Чем решительнее будет наш удар по троцкистской банде, тем сильнее его почувствует наш смертельный враг — буржуазно-фашистская контрреволюция.

Выше зная социалистической законности¹

Я, товарищи, речей произносить не собирався, но несколько слов сказать о том, что Прокуратура Союза ССР считает в настоящее время главным в нашей работе, было бы уместно.

Основной недостаток, характеризующий состояние наших прокурорских органов, заключается в том, что эти органы в ряде мест вообще еще не стали прокурорскими. В лучшем случае это группы отдельных товарищей, очень часто преисполненных горячим желанием хорошо работать, но, к сожалению, не умеющих хорошо работать, а иногда и оказывающихся неспособными работать так, как этого от них требует партия и правительство.

Главная причина такого положения вещей заключается в том, что наши органы крайне недисциплинированы.

Если попытаться одним словом охарактеризовать состояние прокурорских органов, то едва ли будет ошибкой сказать, что эти органы в немалом количестве отличаются расхлябанностью, этакой «самостийностью», недисциплинированностью. Каждый думает, что он «сам с усами», и считает, как когда-то славные запорожские казаки, что он волен делать так как ему хочется, что он отвечает сам за себя, что ему не перед кем отчитываться, что никто в его работу вмешиваться не смеет. Так можно охарактеризовать и то положение, какое было в Украинской прокуратуре до вступления в должность прокурора УССР т. Железнодорожного. Именно поэтому мы имеем не мало фактов, когда десятки всяких запросов и требований из центра на периферию оставались до последнего времени без всякого ответа. В Донбассе, например, накопилось около 190 запросов Прокуратуры УССР, на которые т. Кумпикевич, очевидно, не считает нужным как-нибудь реагировать. Против этого факта товарищи не будут возражать и не могут возражать. Это обязывает меня заявить, что в Украинской прокуратуре положение ненормальное и что дальше такое положение ни мы, ни т. Железнодорожный терпеть не можем.

Ряд товарищей из Прокуратуры УССР не понимают, что прокуратура единая от района до Москвы и что если мы нарушим и поколеблем этот основной принцип организации прокуратуры, то прокуратура распадется в прах, что прокуратуры, как аппарата, способного бороться за единую общесоюзную социалистическую законность, такой прокуратуры с этого момента не будет.

К счастью, я имею возможность наряду с этими недостатками указать на ряд прокуратур УССР, правильно понимающих свои задачи и умело их разрешающих. Но несмотря на то, что в отдельных областях Украины областные прокуроры находятся на должной высоте, в частности, укажу на т. Брона, как одного из таких областных прокуроров, Украинская прокуратура с точки зрения борьбы за единство социалистической законности, за единство про-

куратуры до сих пор стояла далеко не на первом месте. В прошлом мы имели печальные факты прямого неподчинения центру.

Бывший генеральный прокурор Украины т. Киселев считал, например, для себя возможным вступать с прокурором Союза в переписку такого рода. Прокурор Союза пишет: опротестовать такой-то приговор, прокурор Республики отвечает: не считаю возможным опротестовать.

Или пишет по поводу предложения прокурора Союза: «не вижу достаточных оснований, чтобы так ставить вопрос». Может ли быть это терпимо? Можно ли не реагировать на подобные безобразия самым решительным образом? Неудивительно, что т. Киселева пришлось освободить от занимаемой им должности генерального прокурора УССР.

Чтобы покончить с характеристикой созданного бывшим руководством Украинской прокуратуры положения, я напому лишь такие случаи, как незаконное увольнение следователя Сахновского, как незаконные действия прокурора Семенова, нашедшего, кстати сказать, поддержку со стороны киевского областного прокурора т. Старовойтова, и ряд других подобного рода фактов, о которых Союзная прокуратура узнавала, как правило, не от Прокуратуры Республики, а от Комиссии советского контроля.

Я считал нужным об этом сказать не потому, что я опасаясь рецидивов этого печального прошлого, а чтобы вам объяснить, почему я считаю положение дела в Прокуратуре УССР ненормальным и требующим срочных и решительных мер. Я считаю, что немалую долю в этом ненормальном положении надо отнести на счет таких негодяев, как б. пом. прокурора УССР Бенедиктов, оказавшийся, к нашему величайшему огорчению, в наших рядах, запятнавший себя, хотя и замаскированной, преступной подлейшей троцкистской изменой.

Этот Бенедиктов немало навредил и в органах прокуратуры.

Эта сорная трава вырвана с корнем из нашего поля и надо надеяться, что в дальнейшем подобных явлений у нас не будет.

Что сейчас для нас является важнейшим в деле организации нашей прокурорской работы? Я прямо скажу: важнейшее для нас — это дисциплина.

Я с удовлетворением должен констатировать, что т. Железнодорожный взял правильную линию в борьбе за укрепление аппарата, поставив во главу угла борьбу именно за дисциплину. Но наша дисциплина — это не палочная дисциплина, не механическая, наша дисциплина — сознательная. Для того чтобы быть дисциплинированным прокурором, раньше всего нужно прекрасно понимать свои собственные задачи как прокурора. Это требует большой культуры, большого общественно-политического воспитания, это требует большой политической и юридической квалификации. К сожалению, это одно из очень слабых наших мест.

Мне показывал вчера т. Железнодорожный несколько документов, принадлежащих перу прокурора вашего центрального аппарата. Эти документы поражают своей безграмотностью.

¹ Обработанный и дополненный стенограмма речи на оперативном совещании при прокуроре УССР 22 октября с. г.

Конечно, безграмотный прокурор — это «бич божий», потому что прокурору так много дано с точки зрения отношений к людям, что если он безграмотен в политическом или юридическом отношении, а одно нельзя отделять от другого, то от этого неизбежно должны страдать живые люди.

У вас сравнительно недавно была история с прокурором Семеновым, который считается одним из лучших ваших прокуроров, который на конкурсе прокуроров взял первенство. Может быть этот прокурор и обладает рядом положительных качеств, делающих его лучшим по отношению к другим, но т. Семенов совершил проступок, говорящий о том, что он не понимает, что у прокурора должен быть свой такт, своя мораль, что он должен вести себя и в быту и в общественной жизни, как стопроцентный коммунист, к которому не должна приставать никакая дрянь, как если бы помните, бывало с Акакием Акакиевичем из гоголевской «Шинели», к которому приставала всякая дрянь.

У этого т. Семенова есть сестра родная — Раднова, которой нужна была комната. Прокурор Семенов не задумался над тем, что есть законный порядок получения комнат. Нет, пользуясь тем, что т. Семенов сидит на прокурорском месте, что он может просто дать распоряжение милиции, он силами милиции, с нарушением всяких законов, вселяет свою сестру в эту комнату. Когда прокурор, нарушая законный порядок, вселяет свою сестру в чужую комнату, то этот факт дискредитирует не только данного прокурора, но и тех, которые за него отвечают, дискредитирует органы прокуратуры в целом.

А между тем, некоторые прокуроры, как товарищ Старовойтов, не сообразили во время, что надо решительно бороться с такими фактами, что надо давать таким прокурорам отпор, т. Старовойтов стал на защиту прокурора, допустившего беззаконие. А когда уполномоченный Комиссии советского контроля указал на это беззаконие, т. Старовойтов вместо того, чтобы признать свою ошибку и хоть с запозданием стать на защиту закона, стал на защиту нарушителя закона.

Какие бы прекрасные заслуги ни были у каждого из наших товарищей, один такой факт способен дискредитировать его полностью...

Я остановился на этом факте, потому что он ярко характеризует нечуткое отношение, некоторых прокуроров к своему долгу, прокуроров, склонных на закон смотреть как на дело семейное, как на дело пустяковое, не замечающих громадного вреда от такого действия, ведущих к дискредитации прокуратуры.

Прокурор должен быть чище снега альпийских вершин. Иначе он не приобретет к себе ни доверия, ни уважения. А это значит, что не будет доверия и уважения и к советскому закону и к советской юстиции.

Этого не понимают иногда даже столь образованные прокуроры как киевский областной прокурор т. Старовойтов. Почему они этого не понимают? Потому что забывают, что прокурор есть прокурор. Проступок Семенова — это казалось бы мелкое житейское дело, но оно представляет собой пример грубого беззакония, оно является отрыжкой старой, гнусной чиновничьей привычки: ну, как не порадовать родному человеку! Это же Раднова — родная. Порадели. И попали впросак.

Прокурорская работа, товарищи, особенная, работа. Она до известной степени ставит нас в «аскетическое» положение. То, что одним можно, нам нельзя. Одному можно без разбора зайти в пивную, взять себе пол-квартиры и песню запеть, — а нам нельзя. Прокурору это не годится.

Прокурор не может быть не разборчивым в знакомствах. Я говорит, не знал, что он был когда-то в оппозиции. Действительно, он не знал, но если прокурор был приятелем такого человека, он, как прокурор, дискредитирован таким знакомством.

Что из этого следует? Из этого следует, что у прокурора должна быть особая стать, что прокурор должен осмотрительно выбирать себе знакомых, строже определять свое поведение и личное и общественное. А то случается — гремит какой-нибудь прокурорский вития на процессе цицероновской речью, а дома бьет супругу. Такой разрыв между «теорией» и «практикой» никому нельзя прощать, а прокурору — в особенности.

Все ли это достаточно ясно понимают? Смогу думать, что не все.

Наша задача — воспитать себя, усвоить такую линию поведения в личной жизни и в общественной, которая делает прокурора безупречным. Наша задача — всемерное повышение своей квалификации — юридической и политической.

Кое у кого возникают такие предложения: присвоить звания прокурорам — прокурор 1-го разряда, прокурор 2-го разряда и т. д.

Эти предложения надо отклонить.

Я говорю — прокуроров второразрядных, быть не может. Каждый прокурор, на каком бы маленьком участке своей работы он ни сидел, облечен полной прокурорской властью. Прокурор, когда он сидит в процессе, имеет право отказаться от обвинения, и опротестовать приговор и подать кассационный протест — он пользуется всеми прокурорскими правами, и в этом особенность прокурорской работы, как и работы судьи. Судья в своем деле — это тот же сенат, который решает так, как подсказывает ему совесть. Он никому не подчинен, кроме закона. Значит, нет первого, второго, третьего разрядов прокуроров, есть и должен быть прокурор только первого разряда. Но чтобы быть таким прокурором, нужна безупречная личная характеристика, беспорочная политическая и юридическая квалификация.

Когда мы добьемся, что наши кадры будут отвечать этим условиям, — а мы добьемся этого — тогда не будет у нас тех трудностей, с которыми мы встречаемся теперь и на преодоление которых мы должны тратить много сил и энергии.

Союзная прокуратура основное внимание свое сейчас уделяет пересмотру наших кадров, повышению квалификации наших кадров. С этой целью мы особое внимание обратили на наших следователей, провели учебные конференции. Я рекомендую т. Железнодорожному, провести ряд таких конференций и у себя: собрать следователей из разных областей, подучить их. Мы можем вам помочь людьми. Мы можем прислать вам профессоров уголовного права, криминалистики, уголовного процесса, у вас и свои профессора имеются в достатке, но если нужно вам помочь — пришлем людей, поможем.

Надо во что бы то ни стало добиться того,

чтобы этот год, эта зима прошли на уровне высокого напряжения сил к повышению и личным качеств наших кадров и их квалификации. Здесь прежде всего надо начать со следователей.

Некоторые товарищи были удивлены, почему следователи получают на десять процентов больше зарплаты, чем помощники прокуроров, больше, чем старший помощник.

Но это не случайно, это наша линия, и она встретила полную поддержку со стороны ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза, в частности, со стороны председателя СНК СССР т. В. М. Молотова.

Наша основная задача сейчас — подбор кадров, улучшение наших кадров, обучение кадров.

Но главное, повторяю, надо бороться за дисциплину, за сознательное отношение к своим обязанностям. В наших органах волокита — самая ужасная болезнь. По отношению к нашим товарищам надо все время помнить поговорку: «врачу — исцелися сам».

Нам могут сказать: «Что вы привлекаете к ответственности за халатность, за бюрократизм, когда у вас самих то же самое?».

Мы сейчас перестраиваем прокуратуру по-новому. Мы строим ее по нашему юридическому принципу, вместо того, чтобы подражать хозяйственным организациям, когда прокурор превращался в животновода, агронома, инженера и т. п. Были у нас прокуроры, которые издавали циркуляры, определяющие глубину пахоты в порядке общего надзора. Мы их достойно высмеивали. Сейчас общий надзор надо строить по-новому, по-иному, чем это было два-три года тому назад.

В этом году при проведении посевной кампании наши прокуроры часто не успевали «развернуться», как посев уже был проведен. То же самое и с хлебосдачей — прокурор не успел «развернуться», а хлебосдача уже закончена, и дел никаких не было. И прокуроры часто чуть ли не с сожалением сообщали, что с.х. кампании прошла, а дел почти нет... И это соответствует действительности. Люди стали работать лучше, хозяйственные кампании стали проходить легче, организованнее; наши прокуроры стали «разворачиваться» или «размахиваться» осторожнее, действовать стали более вдумчиво и ответственно.

Значит ли это, что нам, пожалуй, можно и на боковую? Нет, не значит. Это значит только, что надо перестраиваться. Врагов еще у нас не мало, но они нередко бывают не там, где мы их ищем. Мы ищем врага в председателе колхоза, а он оказывается рядышком. Вот этих врагов мы нередко и не замечаем. Цепляемся за всякую мелочь и пустяковину в отношении председателя колхоза, а настоящего врага не замечаем... Мы нередко излишне много наблюдаем, надзираем, ревизуем, обследуем, а своим делом — расследованием, судебным процессом, кассационной практикой не занимаемся. В первую очередь нам надо вытянуть следствие, потому что следствие решает судьбу судебного дела, а судебное дело — это одна из форм борьбы с врагом, форм защиты интересов социализма и Советского государства.

Мы должны свой аппарат перестроить под углом зрения улучшения качества нашей работы как работы юридической. Мы должны стать настоящими, советскими юристами, должны превратить следователей и прокуроров в

знатоков советских законов и советского права. Этой задачей определяется и необходимость соответствующей перестройки прокуратуры не по хозяйственному признаку, а по признаку юридическому.

До сих пор следствие у нас было разорвано на части между несколькими отделами. Это приводило к тому, что следствием никто настоящему не занимался. Судебно-прокурорская работа, то есть работа прокуроров, связанная с участием в подготовительных заседаниях суда, в судебных заседаниях по первой инстанции и по кассационной инстанции, не изучалась, не обобщалась.

Это приводило к тому, что мы не знали недостатков своей работы и работы суда, если не считать знания нескольких анекдотического характера судебных казусов, и — что еще более важно — не боролись с ними да и не знали средств и способов такой борьбы.

Это положение совершенно нетерпимо и должно быть в корне изменено.

Наша задача в том, чтобы выдвинуть и укрепить основные рычаги, которые надо пустить в ход, чтобы борьба с преступностью дала должный эффект. Такими основными рычагами является следственное дело, судебное дело, общий надзор.

Если эти рычаги как следует заработают, у нас пойдет вся машина, пойдет дело на лад... Вы знаете, какое имеет значение суд, об этом мы достаточно много говорим и пишем. Говорим об этом много, но на практике мы еще не добились полного успеха в борьбе за нашу судебную культуру, за безукоризненный с точки зрения социалистического правосознания приговор. Иногда дело проведено так некультурно, что не внушает уважения к советскому суду. Бывают случаи, когда председательствующий слушает-слушает защитника, а потом говорит: «Ну, кончай, кончай, а то катись колбаской по улице Спасской». Может быть он по существу правильно остановил защитника, может быть защитник уклонился в сторону от дела, может быть он действительно ничего нового больше не скажет, но такое отношение к защитнику дискредитирует суд.

Суд творить надо культурно и культурно не только с точки зрения соблюдения внешних форм, а и с точки зрения всего внутреннего строя нашей судебной работы.

Некоторые судебные учреждения в этом отношении требуют еще большего к себе внимания. А между тем кое-какие прокуроры думают, что их это не касается, что это касается только суда, даже иногда злорадствуют по поводу недостатков в суде. Неправильно это. Между прокурорами и судьями кое-где наблюдается антагонизм.

Это дурной, отвратительный пережиток далекого прошлого, когда между магистратурой и прокуратурой шла грызня, поощрявшаяся вельможами из министерства юстиции. У нас этого быть не должно, так как и прокуроры и судьи одинаково призваны работать на благо нашего социалистического строительства, на благо пролетарского государства. Но все еще бывает, когда прокурор думает, что его не касаются недостатки судебной системы. Это глубокая ошибка. Первой задачей прокурора является борьба за авторитет суда. Прокурор должен воспитывать уважение к суду среди населения, среди окружающих и прежде всего должен уметь сам относиться к суду с уважением.

В судебных заседаниях должны участвовать и областные и краевые прокуроры. А вы почитайте такие случаи. Это бывает очень редко. Областной и краевой прокуроры как-то считают даже ниже своего достоинства выступать в судебном заседании.

Редко выступают в судах областные или краевые прокуроры (Брон: зато если выступают, то процесс длится целый месяц...). А вы думаете, что это хорошо? Мы провели ряд крупнейших процессов в три—пять дней. Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра занял пять дней, и обвинительное заключение заняло 20—25 страниц.

А как наши прокуроры пишут обвинительные заключения? Тут и история, и политэкономия, и классовая борьба, и гигантские успехи социализма, а сути данного дела не видно.

Тут товарищ Брон бросил реплику, что если областной прокурор сядет в процесс, так уж на месяц. У нас так и получается: областной или краевой прокурор, для того, чтобы выступить в суде, ждет какого-нибудь монстра, незаурядного, а чтобы прокурор выступил по заурядному делу, например, по алиментному, по делу о волоките и т. п., — этого нет. Это надо изменить. Надо перестроить. Старых слов да и вообще слов уже недостаточно. Старая болтовня о мобилизации общественного актива, групп содействия — это все уже должно куда-то отойти, сейчас нужно другое. Сейчас прокурор должен быть прокурором, он должен быть инициативным, активным, образованным юристом, он должен показывать личный пример прокурорской работы. Первая задача областного прокурора, прокурора республики — взять дело, сесть в процесс, показать, как надо вести дело и личным примером вдохновить товарищей.

А у нас, к сожалению, до сих пор старый трафарет — общестественности много, дела мало. Шуму сколько угодно, статистических цифр тоже сколько хотите, а толку мало. Много дел в результате мы «отсеиваем», как это у нас говорится, вплоть до полного прекращения. Что это значит? Это значит, что за шумихой общественных форм работы, мы настоящее существо своей работы забываем.

Мы очень часто говорим об овладении техникой. Но овладеть техникой, которая находится на низком уровне, — не трудно, а надо бороться за высокий уровень своей техники. Но такой борьбы мы еще не ведем.

В нашей среде редко вспыхивают споры по какому-либо юридическому вопросу. Почему? Потому что в юридических вопросах мы мало квалифицированы, у нас кое-кто даже забывает, что существует УПК. Очень редко услышишь ссылку на УПК или УК.

Сейчас я утвердил новые формы статистической отчетности. Мы отменили всю информационную отчетность и прокуратуры республик, и областных прокуратур, и районных прокуратур (т. Железнодорожский: чем заменили?). Ничем. Мы оставили спецдонесения по вопросам, имеющим важнейшее политическое значение или представляющим интерес с точки зрения юридической: о крупном судебном деле, о выдающемся выступлении в суде и т. д. Это сделано для того, чтобы освободить прокурора от писанины, от бумагомарания, так как наши прокуроры часто считают успехом своего руководства умение писать отчеты, и писанием циркуляров и отчетов заменяют настоящее руководство.

Заведет себе областной прокурор такого «писателя» и у него на душе спокойно — отчет написан красиво, на хорошей бумаге — никто не придерется. А когда начинаешь изучать внимательно этот отчет, видишь, что ничего из него не понять, ничему не научиться, не увидишь, что и где жмет в работе. Почему это? Потому что все это дают в цифири, очень часто списанной у хозяйственной организации, если это касается хозяйственной кампании, но нутро чтобы видно было, чтобы определить основы преступности — этого нет. Поэтом отменили мы такую отчетность.

Статистическую отчетность мы переделали. Возьмем старую статистическую отчетность — что мы там имеем? Скажем, кассационная практика: количество поданных прокурором протестов, количество отмененных решений и приговоров по протестам, количество отклоненных протестов, за мягкостью, по другим основаниям. Ну что это дает? Вот я получаю сведения, что 50% протестов было удовлетворено, столько-то отклонено, — что это мне дает? Что я, как руководитель прокуратуры, получаю от этих цифр, чтобы я мог подытожить и извлечь какие-нибудь уроки? Ничего.

Мы предложили построить статистическую отчетность иначе: принесено протестов прокурором в кассационном порядке: а) по основаниям, указанным в ст. 415 УПК (РСФСР и соответствующих статьях УПК других союзных республик), б) по основаниям, указанным в ст. 416 УПК, в) по основаниям, указанным в ст. 417 УПК и т. д. Это нам уже очень много даст, потому что мы тут видим материальную сторону дела, а кроме того мы заставляем этим самым прокурора смотреть в УПК. Я заставляю его еще решать, подходит или нет, его протест под закон, оправдывается ли он требованиями УПК. Он сошлется не только на ст. 416, но еще и на такие-то пп.: 1, 2, 3 и так далее этой статьи.

Это даст возможность построить свою отчетность в соответствии с нашими законами и нашей юридической практикой. Таким образом мы будем создавать советскую юридическую практику. Если говорить серьезно, то настоящей юридической практики у нас нет, ибо если взять некоторые наши суды, они кассационные определения пишут без ссылки на закон. Как их определения мотивируются по закону, они не пишут. Почему? Потому что считают, что на закон ссылаться — это пустое занятие, а затем, чтобы сослаться на закон, закон надо знать.

Вот, товарищи, выходит так, что нам приходится сейчас чуть ли не заново строить свою работу. И это верно. Мы сейчас вступили в такую полосу, когда вопросы права и закона в свете и на основе великой сталинской Конституции ставятся совершенно по-новому.

Новая Конституция обеспечивает нам богатое и блестящее развитие советского права и законности. И в этих условиях мы должны свой аппарат перестроить так, чтобы быть достойными своего времени.

Вот почему я не случайно поставил так остро и в качестве основного вопроса вопрос о пересмотре наших кадров и об отборе их по принципу: числом поменьше — качеством лучше.

Два слова об изменении методов нашей работы. Перестройка нашей работы требует создания новых форм и методов руководства пе

риферией, перенесения центра тяжести на революционную бдительность, на разоблачение врага. Врага нужно беспощадно подавлять. Но подавлять врага судебно-прокурорские органы призваны своими методами, свойственными именно этим органам. Правильно проведенное расследование, гарантирующее безошибочность привлечения к ответственности, обеспечивает твердость и непреклонность судебного приговора. Основная задача руководства — добиться безукоризненного расследования. Областные и краевые прокуроры должны организовать систематическое и оперативное руководство расследованием каждого дела, имеющего сколько-нибудь серьезное значение; они не только должны быть в курсе этих дел, расследуемых в центральном краевом (областном) аппарате или в аппарате районного прокурора, но они должны своевременно помогать районному прокурору в руководстве следствием, исправлять ошибки, предупреждать ошибки, особенно ошибки в части собирания улик и оценки доказательств, в части юридической квалификации.

Чтобы так руководить, нужно держать с районом живую связь, постоянно бывая в районе и не на час, не на день, а на ряд дней. Нужно приехать в район, сесть рядом с районным прокурором и так шаг за шагом пройти с ним по делам, находящимся в производстве, посидеть у него на приеме, посмотреть, как он проверяет ход следствия, как разговаривает с людьми, как выступает в суде и т. д. и т. п. Нужно чаще заглядывать в район и чаще вызывать к себе из районов.

Нужно вызовы из района проводить организованно: сначала изучить работу районного прокурора, а затем вызвать его да еще нескольких других прокуроров и разобрать этого районного прокурора по косточкам. Да и повторить через месяц-другой. Такое руководство стоит значительно больше всяких бумажных отчетов и бумажных циркуляров... Таким руководством можно поднять качество работы районного прокурора, помочь суду и предупредить так называемые судебные ошибки, всегда тяжелым налогом ложащиеся на государство.

В области общего надзора обязанности прокурора не менее серьезны и ответственны.

Прокурор должен непреклонно бороться против всяких извращений и нарушений нашей советской законности, помня, что социалистическая законность — едина, что не может быть не только «калужской» или «рязанской» законности, но и законности украинской, белорусской, азербайджанской и др., отличных от законности всеобщей. Иногда нарушаются интересы законности в угоду местным, так сказать, домашним интересам...

Недавно Прокуратура Союза ССР опротестовала одно из распоряжений Наркомзема СССР. Это распоряжение было правильно с точки зрения интересов данного колхоза, находившегося в таком положении, что уступка

им своих неосвоенных земель соседнему колхозу — а об этом и шла речь в постановлении НКЗ СССР — вполне оправдывалась обстоятельствами и интересами данных колхозов. Однако это постановление находилось в противоречии с уставом с.-х. артели. Оно нарушало ст.ст. 2 и 6 сталинского с.-х. устава; мы это нарушение опротестовали, и СНК СССР наш протест удовлетворил. При обсуждении этого вопроса т. В. М. Молотов, между прочим, подчеркнул, что нельзя нарушать закон в угоду может быть и оправдываемому обстоятельствами частному интересу.

Это указание главы нашего правительства т. В. М. Молотова должно быть твердо усвоено. Советский закон должен быть шершавым и тверд, как гранит.

Нужно помнить слова великого Сталина о «зазнавшихся вельможах», считающих, что закон писан для дураков.

Против таких вельмож и такого «вельможного» отношения к нашему закону мы должны направить всю силу, весь огонь нашей революционной, социалистической законности.

Борьба за законность должна быть всегда в поле нашего зрения. Она должна вестись развернутым фронтом. Беззаконие надо бить и в большом и в малом. Это трудно, но это необходимо. Этого требует от нас наша партия и наше правительство.

К сожалению, эта борьба все еще ведется слабо. У нас все еще много примиренчества и благодушия к нарушениям советских законов. Возьмите, например, такой вопрос, как своевременная выплата заработной платы, как прием на работу беременных женщин, как квартирные (жилищные) или алиментные дела. Сколько раз обращалось внимание на бездействие органов прокуратуры в этих вопросах. А между тем, какую благоприятную почву для борьбы за советскую законность представляют собой именно эти вопросы!

Мы знаем, сколько своевольничанья наблюдается в штрафной области. А как борется с этим злом прокуратура? Никак или очень слабо. Это нетерпимо, с этим надо покончить...

Кадры Украинской прокуратуры неплохие: среди областных прокуроров мы имеем ряд крупнейших работников. Достаточно назвать т. Брона и некоторых других.

Мы постараемся усилить ваши кадры новыми людьми. Мы дали вам новое руководство в лице старого прокурора, испытанного в боях за социалистическую законность, т. Железнодорожского. Вы пользуетесь постоянным вниманием и поддержкой Центрального комитета, ЦК(б)У в лице тт. Косиора и Постышева, вам помогает СНК УССР в лице т. Любченко. Вы имеете все возможности, чтобы занять почетное место в первых рядах борцов за революционную законность, за законность нашего великого социалистического общества рабочих и крестьян.

Прокуратура Союза ССР уверена, что это место вы займете в ближайшее же время.

К вопросу об общем надзоре

Прокурорские органы подошли вплотную к необходимости радикально перестроить свою работу, дабы не разойтись с требованиями, выдвигаемыми всем ходом развития социалистической жизни нашей страны.

Проект сталинской Конституции, после обсуждения его широчайшими массами народа, вскоре получит утверждение на предстоящем Чрезвычайном VIII всесоюзном съезде советов и войдет в жизнь как основной закон социалистического государства рабочих и крестьян, как незыблемая основа нашего социалистического общества.

И поэтому не является случайным то обстоятельство, что Прокуратура Союза внесла в законодательные органы проект новой структуры своего аппарата. Этим проектом, в частности, предусматривается образование самостоятельного Отдела по общему надзору.

Вопросы общего надзора имеют исключительное значение в работе всех прокурорских органов сверху донизу. Статья 113 проекта Конституции СССР возлагает высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР — на прокурора СССР.

Разрешение этой чрезвычайно ответственной и сложной задачи, возлагаемой на прокурорские органы, требует особо четкой постановки работы отделов общего надзора в центре и на местах. Необходимо еще и еще раз подчеркнуть, что сколь бы важной и значительной ни представлялась нам работа по судебному надзору, все же основная борьба за защиту нарушенных прав и интересов широких слоев населения будет зависеть от правильного и энергичного осуществления прокуратурой задач по общему надзору.

Прежде всего, прокурорским работникам следует отрешиться от некоторых доморощенных методов проведения общего надзора, сводящихся зачастую к прямому вмешательству в оперативные действия местных исполнительных комитетов. Особенно разительна в этом отношении была практика Полтавской городской прокуратуры, которая по существу представляла собою прямое вмешательство в работу Полтавского исполнительного комитета и попытку подменить собою отделы исполкома.

Ознакомление с работой по общему надзору таких прокуратур, как саратовская и московская, дает довольно благоприятную картину проявления прокуратурами этих областей т.т. Приговым и Филипповым инициативы в деле опротестования незаконных постановлений местных исполкомов.

Говоря об общем надзоре, мы ни в какой степени не собираемся умалять значение судебного надзора. Однако надо сказать, что исправление нескольких сотен судебных ошибок несравнимо с отменой неправильного, а подчас явно незаконного распоряжения отдельных органов власти или должностных лиц, ибо такие распоряжения чаще всего затрагивают жизненные интересы миллионов людей. Незаконные и ошибочные распоряжения местных исполкомов по выпуску бон и иных ви-

дов денежных суррогатов, распространению незаконных местных займов, взимание незаконных налогов с граждан — (Харьков, Свердловск, Полтава, Горький и др.) — все это еще достаточно живо в памяти прокурорских работников и незначею подробно на этом останавливаться.

Исключительно слабым является надзор за деятельностью жилищно-коммунальных органов, несмотря на то, что вопросы, разрешаемые этими органами, затрагивают интересы самых широких слоев городского населения.

Зачастую приходится Прокуратуре Союза по сигналам местных прокуроров ставить в правительстве вопросы большого принципиального и политического значения.

По сигналу Прокуратуры Молдавской АССР мы узнали, что в Молдавии практиковалась продажа колхозам и отдельным колхозникам садов и виноградников, изъятых у единоличников за неплатеж налогов. Эта практика основывалась на разъяснении руководителя сектора массовых платежей Наркомфина Союза. Фактически это приводило к скрытой форме продажи земли вместе с виноградниками и садами. По представлению Прокуратуры СНК Союза ССР отменил это разъяснение сектора массовых платежей Наркомфина и указал вместе с тем на недопустимость дачи разъяснений по принципиальным вопросам отдельными управлениями наркомата, без санкции народного комиссара.

По инициативе Саратовской прокуратуры (т. Пригов) мы поставили вопрос о неправомерности разъяснения Главного управления по землеустройству (т. Шулейкина) о праве колхозов сдавать другим колхозам и общественным организациям в бесплатное временное пользование неосвоенные земли. Не говоря уже о том, что это разъяснение находится в прямом противоречии со сталинским уставом сельскохозяйстел (ст.ст. 2 и 6), указанное разъяснение не могло быть полезным в деле авторитетного поддержания устойчивости пользования колхозами земель. Это разъяснение Главного управления по землеустройству народный комиссар земледелия по предложению Совета народных комиссаров Союза ССР отменил.

Этот пример показывает, какие важнейшие вопросы были затронуты в результате внимательного изучения циркулярных распоряжений ведомств.

Возьмем другой пример:

Кабардино-Балкарский союз потребительских обществ израсходовал 193 тыс. рублей оборотных средств на постройку жилого дома в Нальчике. Зная, что такое расходование оборотных средств незаконно, Кабардино-Балкарский потребсоюз обратился в Центросоюз с просьбой утвердить этот его расход. Центросоюз 5 сентября 1936 г. вынес постановление, в котором просит Торгбанк восстановить Кабардино-Балкарскому потребсоюзу в указанной сумме оборотные средства. Прокуратура Союза 21 сентября указала на неправильность этого израсходования и неправильность постановления Центросоюза, и 26 сентября Центросоюз свое постановление от 5 сентября отменил.

Этим пресекаются попытки отдельных потребителей обществ и союзов неправомерно использовать оборотные средства на строительство жилых домов вне утвержденных планов и смет и в ненадлежащем порядке.

После проведения перестройки органов прокуратуры придется работу по общему надзору поставить по-новому и еще более по-деловому. Потребуется самое тщательное и внимательное изучение как жалоб отдельных лиц и учреждений, так и практики ведомственной и исполкомовской. Во главу угла всей работы отделов по общему надзору надо поставить ежедневное и систематическое ознакомление со всеми циркулярами, распоряжениями, инструкциями наркоматов СССР, наркоматов республик и с обязательными постановлениями местных исполнительных комитетов. Необходимо строго следить за своевременным рассмотрением протестов, приносимых органами прокуратуры в наркоматы и другие учреждения в

центре и на местах, и организовать контроль за фактическим исполнением решений, вынесенных по протестам прокуроров. Следует обеспечить надзор за строгим соблюдением финансово-бюджетной дисциплины, с немедленным опротестованием всех незаконных действий, а в необходимых случаях — и с привлечением виновных к уголовной ответственности.

В целях суммирования местного опыта и более глубокой постановки вопросов, вытекающих из необходимости усиления общего надзора, было бы, пожалуй, целесообразным создать специальное совещание работников отделов общего надзора.

Желательно, чтобы наша специальная печать гораздо больше, чем это имело место до сих пор, уделяла внимание вопросам общего надзора, ибо эти вопросы затрагивают одну из важнейших функций прокуратуры по внедрению социалистической законности.

С. ГОЛУНСКИЙ

Нужна ясность

В № 9 журнала «Социалистическая законность» опубликована статья т. Винокурова «Проект Конституции Союза ССР и судебные органы». Исключительная важность затрагиваемых в этой статье вопросов требует величайшей четкости в их разрешении. Вот этой-то четкости, к сожалению, в статье т. Винокурова и нет.

Основной судостроительный вопрос, затронутый т. Винокуровым в его докладе на 55 пленуме Верховного суда СССР и в упомянутой статье, представляющей сокращенную стенограмму этого доклада, — это вопрос взаимоотношений между Верховным судом СССР и Наркомостом Союза ССР. Этот вопрос, который в проекте Конституции ставится действительно по-новому, совершенно невозможно разрешить, если не рассмотреть одновременно и третье звено, играющее в осуществлении правосудия не меньшую роль, чем наркомат юстиции и судебные органы, т. е. прокуратура.

О прокуратуре во всей статье т. Винокурова не упоминается ни одного слова и поэтому вполне естественно получается целый ряд неясностей и пробелов.

Основной вопрос, который надо было бы разрешить для того, чтобы с полной ясностью и четкостью выяснить все основные принципы советского судостроительства на основании проекта новой Конституции — это вопрос о том, что такое судебное управление и что такое судебный надзор? Согласно ст. 104 проекта Конституции —

«Верховный суд Союза ССР является высшим судебным органом. На Верховный суд Союза ССР возлагается надзор за деятельностью всех судебных органов Союза и союзных республик».

Статьи 72 и 73 проекта Конституции говорят о том, что народные комиссары Союза ССР ведают отраслями государственного управления, издают в пределах своей компетенции приказы и инструкции на основании и во

исполнение действующих законов и постановлений Совнаркома Союза и проверяют их исполнение. Поскольку проект Конституции предусматривает создание союзно-республиканского Наркомата юстиции — совершенно очевидно, что все эти функции в отношении органов юстиции будут лежать именно на этом наркомате.

Вопрос и заключается в том — как разграничить пределы компетенции Наркомата юстиции как органа государственного управления в области судебной деятельности и функции Верховного суда Союза как высшего судебного органа. Ответ на этот вопрос может быть очень простой, если выразить его в такой форме: Наркомат юстиции ведает судебным управлением во всей его полноте. Но такой ответ можно дать только в том случае, если с полной ясностью установить самые понятия судебного управления и судебного надзора. Тов. Винокуров этого не делает. Он ограничивается только попыткой определить пока один судебный надзор и дает это определение в следующей форме:

«Что такое судебный надзор? Судебный надзор — это проверка исполнения, контроль над тем, как наши судебные органы выполняют законы. Эта проверка выполнения не может сводиться только к тому, чтобы просматривать кассационные дела или просматривать дела в порядке судебного надзора...

Поэтому надзор за деятельностью судебных органов состоит не только в кассационном рассмотрении дел или в рассмотрении дел в порядке надзора. Этот надзор за деятельностью судебных органов может происходить различным путем. В порядке кассационного производства, в порядке надзорного производства, в порядке рассмотрения дел по жало-

¹ Постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 июля 1936 г. НКЮ СССР уже создан.

бам обвиняемых, в порядке обследования, в порядке живой связи работника областного масштаба с народными судьями, в порядке — обобщения судебной практики по отдельным вопросам и т. д.

Все эти методы надзора за деятельностью судебных органов должны входить в компетенцию Верховного суда Союза».

В этом определении очень много неясностей. Взять хотя бы последний перечень тех путей, которыми, по мнению т. Винокурова, может осуществляться судебный надзор. Что это за «порядок рассмотрения дел по жалобам обвиняемых» наряду с кассационным и надзорным порядком? Совершенно очевидно, что всякая жалоба обвиняемого на приговор суда будет либо кассационной жалобой, либо жалобой в порядке надзора, а оба эти порядка упомянуты т. Винокуровым отдельно. Вряд ли т. Винокуров имел здесь в виду такие особые случаи, как возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам или рассмотрение Верховным судом Союза частных жалоб на различные определения судов.

Уже одно это вносит нечеткость в определение понятия «судебный надзор», но основной недостаток определения т. Винокурова не в этом, а в том, что, во-первых, в нем безнадёжно смешаны функции, относящиеся и к судебному надзору и к судебному управлению, а, во-вторых, не проведено различие между надзором за деятельностью судов, осуществляемое Верховным судом как высшим судебным органом, и прокуратурой как органом надзора за законностью.

Единственное принципиальное различие, которое можно провести между понятием судебной функции и функции судебного управления заключается в том, что судебная функция состоит в разрешении отдельных конкретных дел, а функция судейского управления состоит в общем направлении работы всего судебного аппарата, в создании надлежащих условий для этой работы, в устранении препятствий к нормальному ее осуществлению.

Только с этой точки зрения можно разрешить вопрос о том, как понимать ст. 112 проекта Конституции, гласящую, как известно, так: «Суды независимы и подчиняются только закону».

Теория советского судостроительства, опираясь на основные положения марксистско-ленинско-сталинского учения о государстве (повторяет которые ввиду их общезвестности излишне), всегда отвергала, как фальшивое и лицемерное, учение ряда буржуазных ученых о мнимой независимости суда от государства, — о том, что суд есть орган надгосударственный, внеклассовый, стоящий в стороне от политической борьбы и разрешающий дела на основе принципов какой-то высшей отвлеченной справедливости.

Советская теория судостроительства всегда утверждала, что советский суд есть орган диктатуры пролетариата, осуществляющий ответственные политические функции и содействующий своей работой выполнению государственных задач.

Вопрос об отношениях между судом и государством при советском строе — вопрос громадного принципиального значения, без разрешения которого вообще нельзя подходить к решению каких-либо вопросов, касающихся советского судостроительства.

При осуществлении судебных функций, т. е.

при рассмотрении и разрешении какого-либо конкретного дела, суд, рассматривающий это дело, независим ни от кого и ни от чего, кроме закона. Именно закон, и только закон, в котором выражена воля всех трудящихся Советского союза, служит для него обязательным указанием при разрешении данного конкретного дела.

Но совершенно иначе ставится вопрос, когда речь идет не о разрешении того или иного конкретного дела, не о разрешении вопроса о том — убил ли гр. Х. гр. У. и какому он подлежит за это наказание, а когда ставится вопрос о всем направлении деятельности судебных органов, о направлении судебной политики, о разрешении общих принципиальных вопросов, предопределяющих характер всей деятельности суда.

Разрешение этих вопросов есть уже функции судебного управления и здесь сказывается в полной мере то, что суд является нераздельной частью всего нашего советского государственного аппарата, занимающего в этом аппарате отведенное ему место и обязанным работать в полном соответствии со всеми остальными частями этого аппарата. Предусмотренное ст. 126 проекта Конституции высшее руководство партии, как «ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных», руководство правительства Советского союза, осуществляемое в порядке, предусмотренном 3-й и 5-й главами Конституции, обеспечивает такое единство и согласованность деятельности суда и с деятельностью всех других частей советского государственного аппарата. Конкретно это руководство протекает через народного комиссара юстиции — ответственного члена правительства, который, участвуя в работе союзного Совнаркома, тем самым и обеспечивает необходимую увязку деятельности судебной системы с деятельностью всех других наркоматов.

Об этом в высшей степени важным и принципиальном вопросе во всей статье т. Винокурова не говорится ни одного слова. Между тем совершенно очевидно, что умолчать об этом вопросе — это значит лишить все рассуждения, касающиеся советского судостроительства, всякой принципиальной базы. Если же, наоборот, исходить из изложенных принципиальных соображений, то граница между функциями судебного управления и судебными функциями станет совершенно ясной. А вместе с тем станет ясна и граница, отделяющая функции Верховного суда Советского союза как высшего судебного органа от функций Наркомюста Союза как высшего органа судебного управления.

Станет ясной и ошибочность постановки этого вопроса т. Винокуровым. Если только признать, что судебный надзор, о котором говорит ст. 104 проекта Конституции, есть что-то иное кроме проверки правильности разрешения судами отдельных конкретных дел, то сразу же теряется всякая почва для отделения функций Верховного суда от функций Наркомюста юстиции и вместе с тем теряется всякое основание для того, чтобы применять к Верховному суду Союза ст. 112 проекта Конституции.

Если Верховный суд Союза занимается не только решением конкретных дел, но всем тем руководством судебной деятельностью, о котором говорит т. Винокуров, то вполне понятно, что при осуществлении этой деятель-

ности, составляющей отрасль государственного управления, Верховный суд Союза не может быть независим от высшего органа управления—Совета народных комиссаров. Совершенно очевидно, что, осуществляя такого рода функции, Верховный суд должен подчиняться не только закону, но и постановлениям и распоряжениям Совнаркома Союза, должен согласовывать с ним свои мероприятия общегосударственного характера для того, чтобы не получило неувязки в работе суда с общим направлением государственной политики. Верховный суд, одним словом, должен перестать быть судебным органом, каким мыслит его новая Конституция. Он превращается в какую-то неопределенную судебно-административную организацию, юридическую сущность которой уяснить себе никто не сможет.

Несомненно, существенным является также и вопрос о том где лежит граница между судебным надзором, осуществляемым Верховным судом Союза, и надзором за законностью деятельности судебных органов, осуществляемым Прокуратурой. Об этом во всей статье т. Винокурова нет ни одного слова. Между тем совершенно ясно, что тема «проект Конституции Союза ССР и судебные органы», безусловно, охватывает и этот вопрос.

Особых затруднений разрешение этого вопроса, конечно, не встречает. Прокурор вправе и обязан поднимать вопрос, как о нарушении судом закона при рассмотрении любого конкретного дела, так и о направлении общей линии судебной политики. Разрешение этих поднятых прокуратурой вопросов относится в первом случае к ведению Верховного суда Союза, а во втором—к ведению Наркомюста Союза.

Преимущество организации, создаваемой проектом Конституции, в том и заключается, что создаются две параллельные, тесно связанные между собой, но независимые друг от друга системы: система прокуратуры и система судебных органов, которые непрерывно осуществляют взаимную проверку работы друг друга. Суд, рассматривая в подготовительном или судебном заседании дело, расследованное прокуратурой, проверяет тем самым работу прокуратуры по возбуждению уголовного преследования и по расследованию данного дела. Прокуратура, участвуя в судебных заседаниях и истребуя дела в порядке надзора, проверяет тем самым работу суда по рассмотрению соответственных дел и выражает результаты своей проверки в форме кассационных или надзорных протестов. Высшая судебная инстанция, рассматривая кассационные протесты прокуратуры, проверяет, в свою очередь, правильность и обоснованность как действий суда первой инстанции, так и протеста прокуратуры, причем определения кассационной инстанции, в свою очередь, могут быть опротестованы прокуратурой, если они будут принципиально неправильны.

Такой непрерывный взаимный контроль двух независимых друг от друга организаций и дает максимальную гарантию против ошибок с чьей бы то ни было стороны.

Преимущество нового проекта Конституции по сравнению с действующей до последнего времени системой заключается в том, что, выделяя прокуратуру в самостоятельную и независимую организацию, проект Конституции полностью осуществляет ленинскую установку

о единой централизованной и независимой от местных органов прокуратуре. Он обеспечивает максимальную эффективность описанного выше взаимного контроля между судом и прокуратурой.

Роль Верховного суда как высшего органа судебного надзора в том и заключается, что в него стекаются все протесты прокуратуры на приговоры, определения и постановления всех верховных судов союзных республик и получают там свое окончательное (в пределах судебной системы) разрешение.

Возможность для Прокуратуры Союза опротестовать и решение Верховного суда Союза в Верховный совет не нарушает стройности этой системы, так как этот исключительный порядок вытекает уже не из принципов судостроительства, а из суверенитета Верховного совета как высшего органа власти Советского союза, сосредоточивающего в своих руках полноту государственной власти, из функций прокуратуры, из предусмотренных Конституцией прав прокуратуры на осуществление высшего надзора за точным соблюдением закона.

Таким образом: Народный комиссариат юстиции как высший орган судебного управления, независимый от него прокуратура как орган надзора, имеющий право опротестовать всякое незаконное действие суда, и Верховный суд Союза как высший судебный орган, рассматривающий эти протесты, а также жалобы на приговоры верховных судов союзных республик и разрешающий в последней судебной инстанции все конкретные судебные дела,—такова та стройная система, которая создается проектом новой Конституции Союза ССР.

Для правильного проведения в жизнь Конституции требуется прежде всего величайшая четкость в организационных вопросах. Тов. Винокуров прав, вспоминая по этому поводу решения XVII съезда партии. Но, к сожалению, он не прав в истолковании этих решений. Он забыл, что всякая организационная структура должна быть прежде всего четкой, что функции всех звеньев какого бы то ни было аппарата должны быть ясно отграничены друг от друга, что никакое смешение функций, никакая неопределенность, никакая неясность допущены быть не могут. Вместо этого т. Винокуров сам смешивает в общую бесформенную массу функции различных звеньев нашего государственного аппарата, касающихся в той или иной степени деятельности суда.

Тов. Винокуров, утверждая, что судебный надзор—это проверка исполнения, и что проверка исполнения должна принадлежать Верховному суду, не только вносит теоретическую путаницу в этот вопрос, но и противоречит прямому тексту проекта Конституции, т. к. в ст. 73 проекта в отношении союзных наркоматов черным по белому написано, что проверка исполнения действующих законов, а также и постановлений и распоряжений Совнаркома и инструкций самих наркоматов—лежит на обязанности соответственных народных комиссаров.

В статье т. Винокурова есть еще и другие нечеткие формулировки по отдельным вопросам.

Например, т. Винокуров лишает, что Верховный суд Союза в случае своего несогласия с директивой Наркомата юстиции имеет право

«переносить свое разногласие в Верховный совет». Этим самым т. Винокуров приписывает Верховному суду право наблюдать за законностью действий Наркомата юстиции и опротестовывать те из них, которые окажутся незаконными. Но эти функции возложены ст. 113 проекта Конституции на прокуратуру и наделять Верховный суд Союза помимо функций судебного управления еще и прокурорскими функциями, значит — либо до крайних пределов усугублять теоретическую путаницу и практическую неразбериху по этому вопросу, либо вести линию на превращение Верховсуда в орган конституционного надзора, — мысль, совершенно чуждая сталинской Конституции.

В другом месте своей статьи т. Винокуров, совершенно правильно оговаривая отсутствие у Наркомата юстиции права на вмешательство в разрешение судом отдельных конкретных дел, пишет:

«Наркомат юстиции имеет право только передавать судебным органам на рассмотрение то или другое дело».

Откуда взял т. Винокуров, что Наркомат юстиции Союза будет передавать на рассмотрение судебных органов какие бы то ни было

дела? Наркомат юстиции не возбуждает уголовного преследования, Наркомат юстиции не расследует дел, Наркомат юстиции не предъявляет исков (за исключением тех случаев, когда он сам является по этому иску истцом) и поэтому Наркомату юстиции неоткуда взять тех дел, которые он мог бы передать на рассмотрение судебных органов. Дела попадают в суд или непосредственно от сторон, если речь идет о гражданском деле или об уголовных делах частного обвинения, или от прокуратуры, если речь идет об уголовном деле публичного обвинения, и никаким другим способом попасть в суд дело не может. Наркомат юстиции во всяком случае здесь совершенно не при чем.

Проведение в жизнь проекта Конституции требует напряженной работы в области разрешения и тех теоретических вопросов, которые по-новому ставятся в связи с проектом Конституции и которые отчасти были затронуты в докладе т. Винокурова.

К сожалению, т. Винокуров при разрешении этих вопросов не избег крупных ошибок, исправление которых является совершенно необходимым в интересах дела, в интересах внесения в эти вопросы требуемой ясности.

Г. РОГИНСКИЙ

Надо улучшить свою работу¹

Мне поручено Прокуратурой Союза и, в частности, прокурором Союза т. Вышинским передать настоящему совещанию работников прокуратуры Азово-Черноморского края горячий большевистский привет.

Товарищи, мы не раз собирались на совещания, иногда более широкие, иногда узкие — кустовые, собирались для того, чтобы обсудить подчас серьезнейшие вопросы прокурорской практики, собирались для того, чтобы обменяться опытом, чтобы на основе большевистской самокритики вскрыть ошибки, недостатки, чтобы в результате коллективного обсуждения работы получить новую зарядку, улучшить и повысить качество этой работы. Однако между теми совещаниями, которые у нас происходили раньше, и этим совещанием есть глубокая принципиальная и политическая разница. И это особенное значение настоящего совещания должен осознать каждый работник прокуратуры Азово-Черн. края (я говорю о работниках прокуратуры в широком его понимании, имея в виду и следователей).

Почему же это совещание имеет такое особенное значение?

Прежде всего это совещание в отличие от всех других совещаний создано отнюдь не для того, чтобы обсудить какой-либо отдельный вопрос или даже комплекс вопросов вашей прокурорской практики. Нет, это совещание — и в этом его громадное принципиальное и политическое значение — создано для того, чтобы на нем во весь рост, со всей резкостью, со всей остротой, по-настоящему

действительно была поставлена и практически разрешена задача, как по-новому организовать работу вашей прокуратуры, подняв ее на такой уровень, который соответствовал бы тем огромным, исключительным по своей ответственности требованиям, которые предъявляются к прокурорскому аппарату в целом, к каждому прокурорскому работнику в отдельности проектом великой сталинской Конституции, проектом, который в самом недалеком будущем превратится в действующий основной закон Страны советов, страны победившего социализма.

Июльское всесоюзное совещание прокурорских работников, по докладу прокурора Союза т. Вышинского, в одном из пунктов своей резолюции со всей силой подчеркнуло, что «перед лицом чрезвычайно важных задач, поставленных новой Конституцией перед органами прокуратуры, приобретает особенное и исключительное значение правильная организация работы самой прокуратуры». Следовательно, наша с вами задача на этом совещании — обсудить и практически разрешить задачу правильной организации нашей работы, такой организации, которая подняла бы качество нашей работы на высоту тех требований, которые предъявляются к нашей прокурорской системе великой сталинской Конституцией. Это обстоятельство, как должно быть понято каждым участником совещания, делает это совещание особо серьезным, особо важным.

Особенное значение этого совещания определяется далее тем, что оно собралось после судебного процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, после судебного процесса, который подвел последние итоги и поставил последний предел преступной деятельности 16 фашистских негодяев, покрыв их имена вечным и несмываемым позором.

¹ Обработанная и сокращенная стенограмма речи на краевом совещании прокуроров и следователей Азово-Черноморского края.

после того судебного процесса, который перед всем миром осветил всю мерзостную деятельность бандитов-убийц — Троцкого, Зиновьева, Каменева и их приспешников, все смрадные закулисы контрреволюционного троцкистско-зиновьевского подполья, после того судебного процесса, который до конца разоблачил политическое содержание троцкистско-зиновьевского бандитизма, закончившего свой позорный путь тесным сотрудничеством с германским фашизмом, убийством из-за угла в декабре 1934 г. одного из лучших людей нашей эпохи, пламенного трибуна пролетарской революции т. Сергея Мироновича Кирова и подготовкой с хладнокровием рецидивистов и профессиональных убийц террористического акта над вождем трудящихся всего мира товарищем Сталиным и его ближайшими славными соратниками и сподвижниками, после того процесса, который со всей беспощадностью вскрыл беспримерную низость, безграничную подлость и жестокость этих врагов пролетарской революции и социалистического строительства, после того процесса, который вскрыл картину беспредельного и изощренного лицемерия, двурушничества и самой низкой подлости этих людей.

Еще в 1933 г. товарищ Сталин предупреждал: «Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов»¹.

Процесс над троцкистско-зиновьевской бандой убийц-шпионов, диверсантов полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания товарища Сталина. Этот процесс перед всеми трудящимися нашей социалистической родины, перед трудящимися всего мира вскрыл их — подлинных врагов, их — наиболее опасных врагов, готовых уничтожить все завоевания пролетарской революции, готовых предать пролетарскую революцию в руки наиболее озверелых, диких и неистовых палачей рабочего класса, готовых поразить Страну советов в самое сердце.

Для нас, прокурорских работников, на которых партия и правительство возложили борьбу с классовым врагом и классово враждебными элементами, возложили борьбу за социалистическую законность, за советский закон, борьбу и организацию борьбы с общей преступностью — этот процесс помимо его огромного общеполитического значения должен иметь еще и специальное значение. Каждый прокурорский работник из этого процесса должен извлечь огромные уроки для своей повседневной практической работы и, прежде всего, эти уроки

должны заключаться в том, что каждый прокурорский работник должен со всей силой, со всей отчетливостью прочувствовать, понять и осознать следующие исторические указания товарища Сталина, сделанные им в конце 1931 г. по вопросу о подлинном существе троцкистской контрреволюции.

Товарищ Сталин говорил: «На самом деле троцизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против Советской власти, против строительства социализма в СССР».

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата капитализма.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против Советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 г. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Вот почему либерализм в отношении троцизма, хотя бы разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, с изменой рабочему классу»¹.

Эта замечательная характеристика контрреволюционной сущности троцизма, помогая партии повысить большевистскую бдительность, увидеть врага, какой он есть в действительности, должна быть по-настоящему усвоена каждым нашим прокурорским работником, ибо только тогда он сможет по-настоящему, действительно вести борьбу с этими наиболее опасными, наиболее оголтелыми врагами пролетарской революции. Каждый прокурорский работник ни на одну минуту не должен забывать указания нашего великого вождя товарища Сталина о том, что «либерализм в отношении троцизма, хотя бы и разбитого и замаскированного есть головотяпство, граничащее с преступлением, граничащее с изменой рабочему классу».

И когда мы сейчас ставим вопрос об организации нашей работы по-новому, когда мы ставим вопрос о коренном переломе в нашей

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 510.

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 475—476.

работе, о такой организации работы прокуратуры, которая подняла бы качество нашей работы на высоту тех огромных и ответственных требований, которые предъявляет к нам великая сталинская Конституция, то мы, извлекая уроки из процесса троцкистско-зиновьевских бандитов, со всей отчетливостью должны понимать, что только тогда мы ответим этим требованиям, когда высокая революционная бдительность, непримиримость ко всему классово враждебному, когда умение распознать врага, — какую бы маску он ни одел, — пронизает все звенья, все поры нашей прокурорской системы, когда наша работа будет организована таким образом, что малейшая самоуспокоенность, малейшее благодушие, обломовщина, малейшее проявление либерализма будут не только изжиты в нашем аппарате, но будут немедленно вскрываемы со всеми вытекающими отсюда последствиями для тех, кто совершит это величайшее преступление, граничащее с изменой рабочему классу.

Почему нам необходимо со всей силой и со всей резкостью говорить о повышении бдительности в нашем аппарате? Потому что в нашем аппарате дело обстоит, выражаясь мягко, не совсем благополучно.

Мы имеем не мало случаев проявления прокурорскими работниками гнилого либерализма по отношению к врагам пролетарской революции, проявление самоуспокоенности, благодушия и обломовщины. Мы имеем не мало случаев прямого притупления классовой бдительности, политической слепоты, неумения распознать врага, скинуть с него маску и вытянуть его «за ушко да на солнышко». Мы имеем не мало случаев полного непонимания того, чему учил товарищ Сталин, когда указывал, что «надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов»¹ и что «сильная мощная диктатура пролетариата, — вот, что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации»².

Я бы мог здесь проиллюстрировать вам, к сожалению, немало примеров, когда важнейшая заповедь каждого работника социалистической стройки, и в особенности каждого работника прокуратуры, а, именно, высокая революционная бдительность и идейная вооруженность не были восприняты и игнорировались в нашей прокурорской системе.

Как это ни неприятно каждому из нас, однако об этом необходимо со всей силой и резкостью говорить, тем более, что мы, большевики, не привыкли ни скрывать, ни замалчивать даже самых неприятных фактов, чтобы на основе суровой большевистской самокритики вскрыть, выявить все сальные пятна, заставить их всплыть наверх — для того, чтобы возможно скорее их уничтожить. Гнилые либералы, обломовы нашей прокурорской системы не понимают, что не ослаблять диктатуру пролетариата, не размагничивать революционную законность надо на данном этапе, а всемерно и неуклонно их укреплять.

Эти, с позволения сказать, «работники» прокуратуры до сих пор не понимают новой тактики классового врага, требующей от каж-

дого прокурорского работника особой классовой бдительности, особой четкости в работе, правильного установления классового содержания преступления и классовой принадлежности преступника. Они не понимают, что классовый враг, действуя «тихой сапой», — сплошь и рядом изображает из себя людей «тихих», «сладеньких», «почти святых».

Эти «работнички» не поняли указания товарища Сталина о том, что, «чтобы разглядеть такого ловкого врага и не поддаться демагогии, нужно обладать революционной бдительностью, нужно обладать способностью сорвать маску с врага и показать колхозникам его действительное контр-революционное лицо. Но много ли имеется у нас в деревне коммунистов, обладающих таким качеством? Коммунисты нередко не только не разоблачают этих классовых врагов, а наоборот, сами поддаются их жульнической демагогии и плетутся за ними в хвосте»³. А разве мало у нас прокуроров, поддающихся жульнической демагогии классового врага и плетущихся в хвосте? Разве мало у нас прокуроров политически слепых, которые дают возможность проскользнуть классовому врагу?

За примерами не нужно далеко идти, ибо тот политический прорыв в работе, который мы имеем в Азово-Черноморской краевой прокуратуре и Азово-Черноморском краевом суде, те грубейшие политические ошибки, которые были допущены в работе отделов по спецделам Азово-Черн. прокуратуры и в работе спецколлегии Азово-Черн. краевого суда являются лучшей иллюстрацией ко всему тому, о чем я говорил.

Если прокуратура или суд оказались на этом участке не на высоте положения, то это значит, что они оказались не на высоте своего положения. Вскрытые грубейшие ошибки в работе спецсектора Азово-Черноморской прокуратуры и спецколлегии Краевого суда тем более должны приковать наше внимание, и об этом нужно прямо здесь сказать, что они сигнализируют и о том, что не все благополучно или вернее даже очень неблагоприятно и в работе Союзной прокуратуры по спецделам и в работе Верховных судов РСФСР и СССР по спецделам.

Вот почему все эти вопросы должны быть обсуждены до конца, должны быть продуманы до конца каждым прокурорским и следственным работником. Все это является также тем обстоятельством, которое говорит об исключительном значении настоящего нашего совещания. Это говорит о том, что недостаточно и нельзя ограничиться только тем, что тот или иной участник совещания выйдет на эту трибуну, произнесет хорошую речь, покается в своих ошибках, поклянется, что он впредь не допустит этих ошибок, а затем, ушедши с этого совещания, решит, что все им сделано и в дальнейшем работа может идти по-старинке. Я думаю, что каждый из участников совещания должен уяснить, что по-старинке работать нельзя и что работа должна быть построена таким образом, чтобы она исключала возможность таких ошибок, о которых мы с вами здесь сегодня говорим.

Особое значение этого совещания определяется и тем, что оно происходит накануне съездов советов. Мы имеем уже ряд фактов

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 510.

² Там же, стр. 509.

³ Сталин, «Вопросы ленинизма», 10 изд., стр. 522.

активизации классового врага вокруг этой огромного значения политической кампании. И если спросить ставили ли кто-либо из работников прокуратуры Азово-Черн. края перед собой вопрос, что он должен делать в этой политической кампании, на что он должен мобилизовать себя, где у него в районе, по его мнению, может быть неблагополучно, куда он должен бросить свое основное внимание, одним словом, что он сделал для того, чтобы не плестись в хвосте, а уметь его разоблачить, какую бы маску он ни надевал, то я уверен, что получу отрицательный ответ, иначе говоря, никто из прокуроров Азово-Черноморского края еще, видимо, этим вопросом не занимался, а ведь мне уже сегодня был сообщен ряд фактов, характеризующих преступные вылазки классового врага и его попытки навредить при проведении этой огромного значения политической кампании. Видимо, районные прокуроры строят свою работу не как политические работники, а по-чиновничьи — придет циркуляр или приказ из вышестоящей прокуратуры, ну тогда зашевелимся. Это совершенно неправильная организация работы. Вы сами должны уметь политически мыслить, политически продумывать стоящие перед вами задачи. Краевой прокурор т. Драгунский, конечно, должен гибко и оперативно помогать вам правильно решать ваши задачи. Но если вы будете работать только по полученным приказам или циркулярам, работа не пойдет. Работа будет всегда находиться в прорыве.

Я уже говорил, что значат ошибки, допущенные в спецсекторе Краевой прокуратуры и спецколлегией Краевого суда. И если каждый по-настоящему поймет эти ошибки, то он поймет и то, что эти ошибки являются не только ошибками данного отдела, а являются ошибками всего аппарата краевой прокуратуры в целом и, следовательно, являются ошибками и его самого.

С этой точки зрения меня лично не удовлетворили выступления целого ряда товарищей, которые ставили вопрос так: «Ударили за грубейшие политические ошибки спецсектор Краевой прокуратуры и спецколлегию Краевого суда. А поэтому и весь огонь туда». Это совершенно неправильная постановка вопроса. Это приятие бдительности и очень серьезное, это тоже благодушие, зазнайство и самоуспокоенность. Каждый из вас отвечает за то, что произошло в спецсекторе Краевой прокуратуры. Каждый из вас на основе и исходя из решения директивных органов обязан был здесь на этом совещании, в первую очередь, говорить о себе, как у него организована работа, что у него происходит, какие у него были ошибки и т. д. Это должен был сделать каждый районный прокурор. Это должен был сделать каждый прокурорский работник краевой прокуратуры.

Вот выступал здесь т. Степуренко, прокурор по спецделам Северо-Донской окружной прокуратуры. Тов. Степуренко, говоря о краевом аппарате, очень крепко критиковал работу краевого аппарата, вскинул целый ряд безобразий в работе краевого аппарата прокуратуры, но ни одного слова не сказал о своей собственной работе, как будто у него все благополучно. Тов. Степуренко забыл, что совсем недавно был очень крепко бит за серьезный политический прорыв в его работе по спецсектору Окружной прокуратуры. Это не большевикское выступление. Это выступление, кото-

рое показывает, что Степуренко не понял громадного значения решения крайкома партии с точки зрения общей оценки работы и с точки зрения мобилизованности каждого прокурорского работника на улучшение работы.

Вспомните выступление т. Цадика — сальского районного прокурора. Тов. Цадик нам говорил здесь, что он-де старейший прокурор, что у него прекрасные взаимоотношения с десятками судей, что он очень много работает, что у него прекрасные взаимоотношения вообще в районе и т. д. Это было выступление самовлюбленного человека, самовлюбленного нарцисса, а ведь Цадик — старейший прокурор и неплохой прокурор и он обязан был, выступая здесь, рассказать нам не о том, какой он Цадик — прекрасный Цадик, а он должен был дать анализ своей работы, показать, понял ли он, как нужно перестроить свою работу. Его выступление может действительно внушить известную тревогу потому, что если даже наиболее старые из районных прокуроров, имеющие большой стаж и опыт прокурорской работы, не понимают всей важности того, что мы здесь обсуждаем, то надо сказать, что т. Драгунскому предстоит громадная работа в направлении проведения реорганизации работы и в воспитании очень и очень многих районных прокуроров.

Тов. Драгунский один из наших старейших прокуроров, но т. Драгунский и все работники прокуратуры Азово-Черн. края должны понять, что нужно по-серьезному перестроиться, гарантировать неповторяемость ошибок, подобных тем, которые сейчас вскрыты в работе прокуратуры Азово-Черноморского края.

Я хочу думать, что могу отнести выступления Степуренко, Цадика и многих других к категории неудачных выступлений, а не считать эти выступления результатом их политического непонимания серьезности тех вопросов, которые обсуждаются на этом совещании, и уже, во всяком случае, не обобщать, приписывая настроение этих товарищей всему совещанию в целом.

Я уверен, что итогом этого совещания будет полный и действительный перелом в работе, и что она поднимается на уровень требований великой сталинской Конституции, на уровень требований нашей великой сталинской эпохи.

Каждый работник Прокуратуры Азово-Черноморского края должен так работать, чтобы быть достойным того, чтобы к нему могли быть отнесены слова нашего великого вождя товарища Сталина: «кто работает хорошо и дает обществу то, что может дать — он герой труда, он овевя славой». Я уверен, что каждый участник этого совещания так мобилизует себя и так построит свою работу, что действительно будет «овевя славой».

Какие же требования предъявляются прокуратуре проектом сталинской Конституции и как нам надлежит по-новому организовать нашу работу? Я думаю, что каждый из вас, не один раз, а десятки раз прочитал проект великой Конституции. Надо думать, что каждый из вас прочувствовал и проникся сознанием огромной ответственности, которая возлагается на него, как на прокурорского работника, проектом новой сталинской Конституции.

Надо подчеркнуть, что проект новой Конституции, творцом и организатором которой является товарищ Сталин, действительно ста-

вит перед нами ряд огромнейших, исключительных важных задач. Это определяется, прежде всего, самим историческим значением новой Конституции. Историческое значение новой сталинской Конституции, как Конституции победившего социализма — поистине огромно.

В марте 1919 г. Владимир Ильич по поводу основания III Коммунистического интернационала говорил: «прочно только то в революции, что завоевано массами пролетариата. Записывать стоит только то, что действительно прочно завоевано». Эти слова Владимира Ильича с полным правом и торжеством мы повторяем, сейчас через 17 лет по поводу проекта новой великой сталинской Конституции, того проекта, который по историческому замечанию товарища Сталина является «кодексом наших завоеваний». Проект новой Конституции, являющийся свидетельством великой мощи пролетарского государства как особой формы диктатуры пролетариата, — новая величайшая веха на историческом пути советского государства, превратившегося под руководством нашей коммунистической партии и нашего великого вождя товарища Сталина, в итоге блестящих побед, в подлинное социалистическое государство.

Это огромное историческое значение новой Конституции, как кодекса наших завоеваний с особой силой подчеркивает ту огромную ответственность, которая возлагается на нас, работников прокуратуры, на всю прокурорскую систему в целом, на каждого прокурорского работника в отдельности.

На июльском всесоюзном совещании прокурорских работников т. Вышинский, делая доклад о проекте новой сталинской Конституции и задачах органов прокуратуры, особое внимание обратил на то, какое огромное место отводит проект Конституции советскому закону. Я думаю, что каждый из вас обратил на это свое внимание. В ряде мест, причем особо ответственных мест, проект Конституции прямо ссылается на силу закона, на непоколебимость закона.

Возьмите главу 10 проекта новой Конституции, глава, которая является одной из самых замечательных глав Конституции, которая свидетельствует о величайших наших победах, обеспечивающих провозглашение каждой из этих статей, прав и обязанностей советских граждан, где в каждой строчке, в каждом пункте со всей силой подчеркивается мощь советского государства, единственно которое могло провозгласить такого рода права и обязанности граждан.

Мы здесь видим, с какой силой подчеркивается значение советского закона, который выступает в роли охранителя интересов социалистического государства и интересов отдельных граждан.

Возьмите ст. 123 Конституции, которая говорит: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом», то есть статью, которая говорит о торжестве ленинско-сталинской национальной политики, которая ярким маяком свободы светит над всем миром, в противовес безудержному, дикому национальному угнетению оголтелого, озверелого фашизма с его расовой теорией. Статья 123 прямо подчеркивает, что то, что предусмотрено ст. 123, является **непреложным законом**. Эта же статья под-

черкивает, что «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом». Вот какую силу и какую огромную роль отводит советскому закону Конституция в борьбе за равноправие граждан.

Возьмите ст. 133 Конституции, которая подчеркивает громадное значение закона и, в частности, уголовного закона в борьбе с наиболее опасными для советского государства преступлениями: изменой родине, шпионажем и др. Я привел только несколько статей проекта Конституции, но я думаю, что и этих достаточно для того, чтобы каждый из вас понял, какое огромное место отводит проект Конституции советскому закону. Но если кто-либо еще не убежден, то его можно отослать к ст.ст. 9, 20, 66, 73, 130 и т. д. Конституции.

Говоря о той исключительной роли, которая отводится советскому закону проектом сталинской Конституции, надо подчеркнуть, что это является свидетельством полной победы принципа непоколебимости, незыблемости и единства советского революционного закона, стоящего на страже нового социалистического общества. Отсюда понятна та особая роль прокуратуры и суда в борьбе за законность за социалистическое правосознание, что достаточно ярко подчеркнуто самой Конституцией, в частности, в главе IX, говорящей о суде и прокуратуре.

Можем ли мы сказать, что в нашей прокурорской системе, на которую партия и правительство возложили непосредственную борьбу за советский закон, борьбу за советскую законность, за социалистическое правосознание, что в нашей системе все обстоит благополучно с точки зрения понимания роли советского закона, с точки зрения его исполнения самими прокурорскими работниками. Нет, не можем.

До настоящего времени у нас имеется не мало примеров упрощенческого отношения к законам, когда отдельные наши работники и судьи до сих пор относятся к закону по поговорке: «закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло».

Мы имеем еще отдельных прокуроров, которые не понимают, что наш закон — это революционный закон, который должен неукоснительно быть соблюден и игнорировать который никому не позволено и уже явно преступно, когда нарушение закона допускается или покрывается прокурором.

Вспомните историю с выпуском денежных суррогатов, — когда ряд городских советов, ряд МТС выпустили свои денежные бонь, денежные суррогаты и т. д. Имело это место и в Азово-Черноморском крае, в Северо-Донском округе. Донес об этом безобразном нарушении закона, об этом вопиющем антигосударственном действии хотя бы один из наших прокуроров в Прокуратуру Союза? Нет. Прокурору Союза об этом не донесли. Узнала Прокуратура Союза об этом из Комиссии партийного и советского контроля. Комиссии партийного и советского контроля получили об этом соответствующее сообщение, а Прокуратура Союза, которая, как всем понятно, должна была в первую голову иметь об этом сообщение,

причем не только о самом преступном факте, но сообщение об опротестовании этих незаконных действий местных органов власти и о привлечении к уголовной ответственности тех, кто эти преступления допустил. Прокуратура Союза никаких сообщений от своих прокуроров не имела, причем как впоследствии Прокуратура Союза выяснила, некоторые наши прокуроры, в районе которых имел место выпуск денежных суррогатов, об этом знали, но, видимо, не понимали своей роли—роли борца за советский закон, роли борца со всякими местническими настроениями, идущими вразрез с общей политикой пролетарского государства. Это привело к тому, что прокуроры на эти серьезные государственные преступления смотрели сквозь пальцы, а кое-кто из прокуроров просто «ушел в кусты», не желая «портить отношений» с местными организациями.

Вот почему, когда мы сейчас говорим о новой организации нашей работы, когда мы с вами подчеркиваем особую роль, особое значение, которое отводится советскому закону,—каждый прокурорский работник должен проникнуться сознанием того, что он является на месте агентом центральной власти, что он, как указывает статья 117 Конституций, «осуществляет свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только прокурору СССР», и что на него, прокурора, возложен надзор за точным исполнением закона всеми органами власти на местах, а также отдельными гражданами.

Каждый прокурорский работник должен понять, таким образом, что это действительно поднимает значение прокурорской системы на огромную высоту и нам надо решительно перестроить, решительно изменить методы и формы своей работы, решительно изменить свое понимание роли и значения закона для того, чтобы подняться на высоту тех требований, которые нам предъявляются, для того, чтобы с честью выполнить эти ответственные задачи.

Когда мы говорим о перестройке работы по-новому, мы прежде всего должны исходить из того, что и проект Конституции, и закон об организации Народного комиссариата юстиции Союза ССР выделяют прокуратуру из системы Народного Комиссариата Юстиции.

А. СОЛЫЦ

Декрет от 27 июня 1936 г.

27 июня 1936 г. был издан декрет о запрещении аборт. Это запрещение сопровождается целым рядом мероприятий, дающих полную возможность реализовать его. Увеличивается помощь роженицам, устанавливается государственная помощь многодетным, расширяется сеть родильных домов, яслей и детских садов; затрудняется развод и строже взыскиваются алименты. К этому надо добавить одно: профсоюзам и работникам суда и прокуратуры, соприкасающимся с этими вопросами, нужно больше уделять внимания и заботы женщинам, беременным и рожавшим, чтобы устранили аборты, ибо одних наказаний тут мало. А это, к сожалению, не делается.

Прокуратура строится по принципу строгой централизации и единоначалия, являясь «единой и нераздельной», выполняющей свои функции независимо от каких бы то ни было органов местной власти и подчиняясь только прокурору Союза. Это постановление о выделении прокурорского аппарата из системы Комиссариата юстиции имеет для нас, для всей прокурорской системы огромное значение, причем имеет значение далеко не только организационно-структурное. Если товарищи это постановление будут понимать только как постановление организационного характера, они будут понимать неверно.

Это постановление о выделении прокурорского аппарата из системы Комиссариата юстиции имеет значение для всего существа прокурорской работы. Оно со всей силой подчеркивает, что каждый прокурорский работник должен понимать, что он представляет собой агента центральной власти на месте и что он всю свою работу должен строить на основе: 1) борьбы за единую союзную социалистическую законность, 2) борьбы со всякого рода попытками, противопоставить свои отдельные местнические интересы интересам пролетарской политики в целом, 3) борьбы против всякого правотворчества местных органов власти на местах, идущего вразрез с законами центра.

Это постановление определяет собой и то, каким должен быть прокурорский работник, определяет, так сказать, тип прокурорского работника. Совершенно понятно, что тот работник, который боится итти на конфликт, который не умеет отстоять свою точку зрения в борьбе за революционную законность, работник бесхребетный, работник мало политически подготовленный, идейно не вооруженный,—такой работник не может быть прокурорским работником. Только политически выдержанный, крепкий, идейно вооруженный, умеющий со всей настойчивостью и ответственностью отстаивать свою точку зрения в борьбе за правильное понимание закона, в борьбе за социалистическую законность, только такой работник может быть сейчас на прокурорской работе, ибо только такой работник может дать нам то качество работы, которое нам необходимо сейчас для выполнения величайших, стоящих перед нами, в связи с новой великой сталинской Конституцией задач.

Передо мною лежат два приговора. По одному осуждена 19-летняя Русакова Акулина Ивановна, мордовка, работавшая уборщицей на Якушинском элеваторе. Когда 21/IV 1935 г. ей пришло время родить, говорит приговор, и ей было «неудобно» рожать в общежитии, она родила около крыльца, и после родов ребенка удушила. Ее приговорили к полутора годам лишения свободы. Приговор ни словом не упоминает и из него не видно, чтобы суд интересовался виновником беременности, почему в общежитии никто не пытался ей помочь облегчить ее положение, никто не думал над тем, как организовать роды и как обеспечить ребенка. Суд обязан был сказать свое слово о

«косвенных» формально, но «основных» по существу виновниках этого убийства.

По второму делу некая Брычкина Ольга Павловна, 23 лет, красноармейка, беднячка, несудимая, доярка в колхозе, в ночь с 7 на 8 марта родила ребенка в конюшне и тут же его задушила. На суде она объяснила, что ее изнасиловал некий Сухоруков. Почему ей не оказали помощи до родов, почему ее судьбой и судьбой будущего ребенка не интересовались до родов председатель колхоза и товарищи по работе? Суд и по этому поводу должен был сказать свое слово.

21 сентября в «Известиях» было опубликовано сообщение из Харькова, что там абортная практика значительна, а борьба с ней — весьма незначительна. Прокурор Харькова прислал свои возражения, но последние только отвечают на вопрос, кто больше виноват: прокуратура, Госздрав или отдельные работницы. А мне хотелось бы остановиться на том факте, что аборт во всяком случае имеет место, несмотря на декрет; что женщины к ним прибегают, несмотря на то, что большая опасность грозит их жизни и здоровью, и что аборт эти сопровождаются большими мучениями. По-моему — это в значительной степени происходит потому, что если советское государство свое запрещение абортов сопровождало целым рядом мер, облегчающих положение многосемейных, беременных и рожениц и удерживает их от применения аборта, то окружающая общественность и профсоюзы ничего или почти ничего не делают в этом направлении.

С того момента, когда женщина забеременеет, ей общественная организация, в лице профсоюза, советская власть в лице Госздрава и органов охраны труда должны уделить максимум внимания, заботы и даже уважения. Она

родит человека, она творит общественное дело и к ней, как к таковой, надлежит относиться. А в действительной жизни этого нет. Когда она приходит к врачу, к акушерке, они ей говорят только о запрете, а не о том, как быть. Когда она является к прокурору, ей напоминают о наказании; когда она говорит со своим профсоюзом, со своими товарищами, они в недостаточной мере откликаются на ее призыв к помощи и вниманию. А между тем, они должны много и убедительно разъяснять ей, что перед ней задача почетная, она дарит обществу человека, ей от этого уклоняться не следует, что ничего позорного в ее положении нет; они должны заверить ее, что к ней придут на помощь, дадут работу, а ребенок принесет много радости и счастья, что все меры будут приняты, чтобы облегчить ее положение, чтобы обеспечить ее алиментами, или позаботиться о ней в той или иной форме. Это нужно сказать, а затем и осуществить на деле. Однако это не делается, и женщина, забеременев, идет на все, лишь бы избавиться от ожидающих ее забот. Надо больше уделять внимания женщине в этом положении и тогда меньше будет абортов. Ей в первую очередь должна быть дана работа, ей в первую очередь должна быть предоставлена квартира. Местком в городе, председателем колхоза и директором совхоза в селе — все должны притти к ней на помощь, не ожидая ее обращения к ним. Забота о детях не может ложиться своей тяжестью исключительно на матерей ибо, тогда аборт неизбежны и запрет вызовет только рост нелегальных абортов, которые еще в большей степени грозят жизни и здоровью женщины. Не это имел в виду декрет от 27 июня с. г. Надо об этом подумать, надо изменить свое отношение к этому важнейшему делу, имеющему громадное общественное значение.

А. БАЖАНОВ

Предложения к главе IX проекта сталинской Конституции¹

12 июня опубликован для всенародного обсуждения проект Конституции СССР, названной трудящимися сталинской Конституцией по имени ее гениального творца.

С этого дня и по сегодня многомиллионные массы народов нашего государства с величайшим вниманием изучают этот всемирно исторический документ.

Сотни и тысячи предложений к отдельным главам и статьям проекта являются одним из результатов изучения и всенародного обсуждения Конституции, в котором принимают самое живейшее участие все слои трудящихся: от рабочих и колхозников до деятелей науки и искусства.

Организация суда и прокуратуры социального государства рабочих и крестьян,

о чем изложено в главе IX проекта, наряду с другими главами также являются предметом исключительного интереса. Проект Конституции поднимает советский суд и прокуратуру на небывалую до сего времени высоту, отводя чрезвычайно важную роль их деятельности, и в массе отдельных дополнений, поправок и уточнений, которые вносятся к проекту, многие посвящены его девятой главе.

Здесь прежде всего привлекает внимание такая сугубо принципиальная новелла, как установленное статьей 109 избрание народных судей гражданами района на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании.

Такой порядок приветствуется всеми, как гарантирующий выбор лучших и наиболее уважаемых граждан. И только один т. Кузнецов из Пензы («Правда» от 28 июня № 171) считает необходимым, чтобы народные судьи избирались советами депутатов трудящихся, что

¹ Обзор поправок и дополнений к главе IX, опубликованных в «Правде» и «Известиях ЦИК СССР и ВЦИК».

дало бы наибольшие гарантии в подборе квалифицированных и проверенных кадров.

Тов. Кузнецову горячо и убедительно возражает т. Поддубный К. («Правда» от 11 июля № 189), называя это предложение «непродуманным добавлением», так как имснно выборы судей населением дают полную возможность забаллотировать малоквалифицированных в этой работе людей. «Кто же будет выбирать плохих судей?» — вполне резонно спрашивает т. Поддубный.

Старший мастер моторного цеха Харьковского тракторного завода орденоносец т. Григорьев, отмечая отсутствие указаний на порядок избрания городских районных судей, предлагает их также избирать в порядке ст. 109. Избрание судей всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием т. Григорьев рекомендует и для областных судей, так как это «повысит их ответственность перед избирателями и заставит еще лучше работать» («Правда» от 16 июня № 164).

Тов. Козлов, народный судья Западной области, ставит вопрос — кем будут выставляться кандидатуры при выборах народных судей? Он считает, что если кандидатуры будут выставляться районными общественными организациями, то выбранный судья будет от этих организаций в какой-то мере зависеть. Поэтому т. Козлов предлагает право выставления кандидатур предоставить только областным организациям («Известия» от 4 июля № 154). Ряд товарищей: Прыгов — помощник прокурора города Алма-Ата («Правда» от 18 июля № 166), Нахимсон — зам. пред. уголовно-судебной коллегии Верховсуда СССР («Известия» от 26 июня № 147) считают необходимым избирать судьями только тех граждан, которые имеют юридическое образование (Прыгов) или несколько шире — юридическую квалификацию (Нахимсон). Это требование мотивируется тем, что перед судебными органами поставлены большие и сложные задачи по укреплению социалистической законности и охране конституционных прав граждан и что для выполнения этих задач требуется большой авторитет, большой политический кругозор, большая культура и высокая юридическая квалификация.

Но эти предложения встречают энергичные и правильные возражения.

Тов. Стельмахов районный прокурор Сафоновского района Западной области, возражая т. Прыгову, находит ненужным «узаконивать особый образовательный ценз», так как это может лишить органы юстиции значительного числа хороших работников, которые, формально не имея юридического образования, «прошли многолетнюю практику, повышают свой идейно-политический и культурный уровень, пополняют свои юридические знания и работают неплохо» («Правда» от 27 июня № 175).

Тов. Нахимсону, предлагающему зафиксировать в Конституции избрание судей лишь из лиц, имеющих юридическую квалификацию, возражает З. Шепс, юриконсульт Союзцементта. Тов. З. Шепс полагает, что «по существу это ограничение в избирательных правах по ценовому признаку» и отмечает, что желание иметь квалифицированных во всех отношениях судей вполне понятно. Но опасаться, что судьями будут избраны лица, не соответствующие этому назначению, не следует: организации, которые будут выставлять кандидатов, и избира-

тели учтут все качества и недостатки избираемого нарсудьи («Известия» от 15 сентября № 163). Аналогичное же мнение высказывает и т. Самофалов, врид. транспортного прокурора Иловайского участка («Известия» от 26 июня № 172).

Следователь т. Давлет-Кильдеев рекомендует точно указать в статье 105, каков будет порядок выборов специальных судов (ревтрибуналов, линейных железнодорожных и всдно-транспортных судов бассейнов), так как об этом ничего не говорится в проекте Конституции («Известия» от 22 июля № 169).

Народный судья города Златоуста Мария Зверева хочет дополнить статью 109 пунктом о праве на отзыв из народного суда до срока окончания полномочий судей, не оправдавших доверия, недобросовестных и негодных. Она же предлагает обязать судей отчитываться не реже одного раза в год («Правда» от 21 июня № 169).

Аналогичные добавления вносят и ряд других граждан: народные судьи города Одессы т.т. Степанов, Немченко, Суходольский и Мармер («Известия» от 20 июня № 142), т. А. Губарь («Правда» от 30 июня № 208), доярка племхоза Воронежской области т. Бухтарова («Известия» от 27 июня № 173) и другие.

Вообще, вопросу о подотчетности и ответственности как судей, так и прокуроров посвящен ряд замечаний.

Некоторые предлагают внести в Конституцию статью об особой ответственности прокуроров и судей не только за их служебные проступки, но и за ошибки, из-за которых пострадал живой человек; такое предложение вносит персональный пенсионер т. Г. Максимов («Правда» от 26 июня № 174), т. М. Спиридонов от Узбекистана (там же) и другие. Но т. А. Задорин из Прокуратуры считает это предложение неприемлемым, так как на практике оно может вызвать большие недоразумения. Тов. Задорин говорит, что любое постановление суда и прокуратуры, отмененное высшей инстанцией, может считаться ошибочным. Неужели же в каждом таком случае привлекать прокурора или судью к ответственности? — спрашивает т. Задорин. Кроме того, — продолжает он, — действия суда и прокуратуры всегда основываются на судебных доказательствах. Возможно представление суду неверных доказательств, и как следствие — неправильное решение или постановление. Но в таком случае «винить судью или прокурора ни в коем случае нельзя» («Правда» от 12 июня № 190).

В связи с вопросом об ответственности и подчиненности судей некоторые граждане не совсем удовлетворяет формулировка статьи 112: «Судьи независимы и подчиняются только закону».

Тов. Лактионов из Воронежа, цитируя статью 112, замечает, что она неясна, так как все граждане подчиняются закону; он считает правильной следующей свою формулировку принципа независимости судей: «В социалистическом государстве судьи независимы от местных властей и подчиняются только вышестоящим судебным органам. В случае нарушения судьей закона вышестоящие судебные органы и местные прокуроры могут поставить перед избирателями вопрос об отзыве такого судьи» («Правда» от 21 июля № 199).

Почти дословно это предложение повторяет

и т. Бирюков из Курской области («Правда» от 14 августа № 223).

Товарищ же И. Хандушев-Скопин, Московской области, видя, очевидно, всю порочность редакции, предлагаемой т. Лактионовым, так как в ней выпало указание на подчинение судьи только закону, рекомендует к ст. 112 сделать следующее дополнение: «Судьи независимы, осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняются только закону и Верховному суду». («Правда» от 26 июля № 209).

Здесь явное смешение понятий «подчинение закону» и «подчинение учреждению». Это неправильно.

На какие сроки избирать судей и назначать прокуроров?

Батальонный комиссар т. В. Кемарский из Баку предлагает избирать Верховный суд СССР и специальные суды не на пять лет, как предусмотрено ст. 105 проекта, а на четыре года, т. е. на срок полномочий Верховного совета СССР, который и избирает эти суды. Тов. Кемарский находит, что при пятилетнем сроке Верховный Совет СССР будет превышать свои полномочия. По этим же основаниям т. Кемарский предлагает всех прокуроров назначать на 4 года («Правда» от 22 июля № 170).

Тов. Бауэрберг из Константиновки, Азово-Черноморье, также находит неувязку между ст. 36 и ст. 114 проекта.

Верховный совет по ст. 36 избирается сроком на четыре года, а по ст. 114 прокурор СССР назначается Верховным советом СССР на семь лет. Выходит, что Верховный совет превышает свои полномочия на целых три года, замечает Бауэрберг, и предлагает эти статьи изменить, написав, что Верховный совет избирается на 5 лет и прокурор назначается на этот же срок («Известия» от 6 августа № 182).

Но избранием прокурора Союза на 7 лет не подчеркивается ли особое положение в советском государстве этого высшего органа надзора за законностью?

Депутаты же Краснозаводского районного совета т.т. Журавлева, Свижев, Мокиенко и др. предлагают сократить срок избрания Верховного суда СССР с пяти до трех лет («Правда» от 16 июля 164).

А товарищи Корнеев и Тисленко—Москва—считают необходимым, чтобы Верховный суд Союза обязательно избирался из членов Верховного совета Союза ССР («Правда» от 19 сентября № 259).

Тов. Нахимсон, касаясь сроков избрания народных судей, полагает, что вообще не следует избирать народных судей на какой-то определенный срок; надо лишь записать, что судья обязан ежегодно отчетываться перед избирателями и что он может быть в любое время отозван по решению большинства избирателей («Правда» от 26 июня № 147).

Тов. З. Шепс справедливо не согласен с этим и говорит, что такая «бессменность» народных судей противоречит общему, глубоко демократическому принципу выборности, нашедшему отражение в блестящем — и по содержанию и по форме — проекте Конституции, и потому неверно ее вводить («Известия» от 15 октября № 163).

Тов. Кахно («Правда» от 13 августа № 2) и т. А. Дегтерев («Правда» от 13 сентября № 253) рекомендуют узаконить срок избрания краевых и областных судей на 2 года, ибо срок

полномочий советов депутатов трудящихся, которые избирают эти суды, исчисляется двумя годами.

Тов. Я. Рогачевский из Белоруссии находит пробел в ст. 103: она предусматривает рассмотрение дел во всех судах с участием народных заседателей, но не указано, будут ли они избираться или назначаться и на какой срок, и этот пробел необходимо, по его мнению, заполнить, указав в статье 103, на какой срок и кто именно может быть избран в народные заседатели.

А тов. Нахимсон прямо считает необходимым дополнить ст. 103 Конституции, записав, что народные заседатели избираются на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, поскольку народные заседатели — это переменные судьи, имеющие на время исполнения ими своих судебных обязанностей такие же права, что и постоянный судья («Известия» от 25 июня № 147). Поправки т. Я. Рогачевского и т. Нахимсона заслуживают внимания.

Кто должен назначать прокуроров и кому прокуроры должны подчиняться?

Единогласно признается правильность положения статьи 114, когда прокурора Союза назначает Верховный совет СССР, но многие высказываются за присвоение прокурору Союза звания генерального прокурора, чтобы подчеркнуть особое его значение; например т. В. Пахомов из Москвы («Правда» от 20 июня № 168), т. А. Коновалов из Ростова на Дону («Правда» от 9 июля № 187) и другие. Тов. Коновалов мотивирует свое предложение ссылкой на В. И. Ленина, который в письме товарищу Сталину «О двойном подчинении и законности» писал: «В центре же мы должны найти около десяти человек, которые будут осуществлять центральную прокурорскую, власть в лице генерального прокурора».

Тов. Базиев из Дагестана предлагает рядом со званием генерального прокурора для прокурора Союза установить для прокуроров союзных республик звание главных прокуроров («Известия» от 12 августа № 187).

Следователь т. Давлет-Кильдеев предлагает ст. 113 проекта формулировать так: «Высший надзор за точным исполнением законов всеми народными комиссариатами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР, возлагается на генерального прокурора СССР и на специальных прокуроров СССР, (военных, железнодорожного и водного транспорта)» («Известия» от 22 июля № 169).

Тов. И. Лебедев, член Верховного суда Союза, указывает, что согласно статьям 115 и 116 проекта Конституции прокурор Союза назначает республиканских, краевых и областных прокуроров и утверждает по представлению прокуроров союзных республик прокуроров районов. Однако строго централизованный порядок назначения прокуроров, который существует и сейчас, не обеспечивает прокуратуру на местах от вмешательства в ее работу. Прокурор же Союза не в состоянии быть хорошо осведомленным о конкретных условиях работы во всех точках Союза и не может поэтому, по мнению т. Лебедева, в достаточной мере противодействовать неосновательным домогательствам местных организаций. Отсюда, заключает т. Лебедев, назначение прокуроров, как и их отзывание, неизбежно сведется к простой формальности. И т. Ле-

бедев предлагает, что утверждать всех прокуроров, независимо от ранга, следует президиуму Верховного совета Союза, как высшему хранителю советской законности в Союзе, агентами которого на местах и являются прокуроры («Правда» от 19 июля № 197).

С этим предложением согласиться нельзя, так как такое предложение разрушает принцип централизации и единства руководства прокуратурой.

Товарищи Карнеев и Тисленко предлагают, чтобы прокуроров союзных республик назначали верховные советы союзных республик («Правда» от 19 сентября № 259), а т. И. Фескин из Новосибирска говорит, что органы прокуратуры должны подчиняться не только прокурору СССР, как это предусмотрено статьей 117, но и верховному совету своей республики («Правда» от 14 августа).

Но если, как мы выше указали, мнения т.т. Корнеева и Тисленко не могут быть признаны правильными, так как они ослабляют принцип строгой централизации советской прокуратуры, проводимой снизу доверху, в соответствующих статьях главы IX проекта, то тем более ошибочны предложения т. А. Коллонтай из Сталинабада и т. Вилла из Тамбова, которые предлагают не назначать, а избирать прокуроров.

Внося предложение об избрании районных прокуроров, т. А. Коллонтай проводит параллель между судьями и прокурорами; она пишет, что по статье 109 народные судьи избираются гражданами района на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании сроком на три года. Такой порядок, говорит т. Коллонтай, несомненно поможет тому, что судья будет чутко и внимательно относиться к разбору жалоб трудящихся, и поскольку разбор жалоб зависит не только от органов народного суда, но и от органов прокуратуры, то поэтому, заключает т. Коллонтай, и районных прокуроров надо избирать аналогичным с народными судьями порядком, введя соответствующее изменение в статью 116 («Правда» от 31 июля 209).

Тов. Вилла принцип избрания прокуроров предлагает провести по всем звеньям прокуратуры — от районных прокуроров; их, как и народных судей, должны избирать на собраниях трудящихся, и от краевых и областных прокуроров — они избираются советами депутатов трудящихся и утверждаются верховным советом союзной республики, до прокуроров союзных республик, которых избирают верховные советы союзных республик с утверждения Верховного совета Союза, и до прокурора Союза, избираемого Верховным советом СССР («Правда» от 25 сентября № 265).

Ясно, что избрание прокуроров, рекомендуемое товарищами А. Коллонтай и Вилла, ставя прокуроров в зависимое положение от избирающих их органов в лице верховных советов, советов депутатов трудящихся и общих собраний граждан района, находится в прямом противоречии с основным ленинско-сталинским требованием для советской прокуратуры — подчинения местной прокурорской власти только и исключительно центру для того, чтобы прокуратура могла бороться за единую законность вопреки каким бы то ни было местным влияниям.

Касаясь ст. 116 проекта, т. И. Модин из Ивановского совхоза Западной области отмечает,

что в ней не упоминаются окружные прокуроры, и предлагает их назначать тем же порядком, как и районных прокуроров, соответствующе дополнив статью 116.

Говоря о прокуратуре, нельзя пройти мимо высказываний о статье 127 из главы X проекта Конституции «Основные права и обязанности граждан».

Статья 127, фиксирующая, что гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности и что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора, встречается всеобщим одобрением.

Но т. Хитров, райпрокурор Димитровского района Московской области, хочет, чтобы граждане еще более широко могли пользоваться правом на неприкосновенность личности, и предлагает дополнить статью 127 следующими словами: «Уголовное преследование может быть также возбуждено только с санкции прокурора» («Известия» от 4 июля № 154).

Некоторых же несколько смущает категорическое требование ст. 127, чтоб никто не арестовывался без постановления суда или санкции прокурора.

Например, т. Авсеев, колхозник артели Транзит Челябинской области, спрашивает, как быть при наличии статьи 127 в ее настоящей редакции, если кто-нибудь хулиганит, дебоширит, злостно нарушает общественный порядок? Такого человека надо немедленно изолировать, говорит он, и предлагает статью 127 дополнить, разрешив сельским советам, находящимся далеко от прокурора или суда, в исключительных случаях арестовывать злостных нарушителей общественного порядка и лиц, угрожающих жизни граждан («Правда» от 27 июля № 173).

Касаясь этого же вопроса, т. М. Данилов считает, что право задерживать и изолировать явных преступников, пребывание которых на свободе угрожает общественному порядку, должно быть предоставлено органам милиции. Арест же на месте преступления, по его мнению, может быть произведен и без предварительного постановления суда или прокуратуры («Известия» от 29 июля № 169). Соображения т. Авсеева и т. Данилова правильны, но ст. 127 и не имеет в виду случаев, о которых говорят эти товарищи, смешивающие арест с временным задержанием.

Дополнения, направленные к созданию исключений из категорического требования ст. 127, встречают ряд серьезных и безусловно, по нашему, верных замечаний. Например, т. Б. Цейтлин из г. Баку говорит, что никакой поправки к статье 127, обеспечивающей неприкосновенность личности, вносить не нужно. Нужно только улучшить работу судебных органов, сделать их более оперативными и поворотливыми. И он предлагает организовать дежурные камеры судов, функционирующие днем и вечером, а в крупных городах даже ночью, которые могли бы тут же разбирать случаи хулиганства и сразу же выносить приговор («Известия» от 4 июля № 153).

У т. А. Соколова, заместителя начальника политотдела Юго-Западной железной дороги, возникает по поводу статьи 127 следующий вопрос: как быть с правом ареста, которым на железнодорожном транспорте в силу дисциплинарного устава пользуется ряд лиц? Тов. Соколов пишет, что не только состояние транспорта, но и вся наша советская действитель-

ность подсказывает нецелесообразность применения ареста, как метода дисциплинарного воспитания, и редакция статьи 127, по его мнению, должна быть следующая: «Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности, никто не может быть подвергнут аресту (в том числе и дисциплинарному) иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора» («Известия» от 26 июня № 147).

Тов. А. Соколова полностью поддерживает врид. транспортного прокурора Иловайского участка т. Самофалова, приведя два факта из своей практической работы, которые показывают, что некоторые железнодорожные администраторы явно злоупотребляют своим правом на арест («Известия» от 26 июля № 172). Эти замечания заслуживают внимания.

Ряд замечаний вызывает отсутствие в проекте статьи, говорящей о следователях.

Тов. Гуденко, зам. областного прокурора (Донбасс), подчеркивает, что следователь — одна из центральных фигур в органах юстиции. Бывают случаи, что из-за плохого следствия создается волокита, страдают невинные люди. Тов. Гуденко хочет, чтоб в Конституции был поставлен вопрос о следователях так же, как он поставлен о прокурорах, и предлагает ввести следующую статью: «Народные следователи назначаются областными прокурорами с утверждения прокурора союзной республики сроком на три года. Старшие следователи областной прокуратуры назначаются прокурором союзной республики с утверждения прокурора СССР сроком на 3 года» («Известия» от 30 июня № 150).

Аналогичные же предложения вносят т. В. Найдиз из Новониколаевска, Днепропетровской области («Правда» от 1 августа № 210), т.т. Терентьев и Павлов из Куйбышевского края и другие.

Тов. Осипчук, народный следователь Антонинского района УССР, подчеркивая, что подбору кадров следователей и длительному закреплению их на работе должно быть уделено большое внимание, рекомендует дополнить главу IX специальной статьей следующего содержания: «Народные следователи назначаются прокурорами союзных республик сроком на пять лет и не могут быть уволены, а также переведены на другую работу иначе как с санкции прокурора республики» («Известия» от 28 августа № 200). С таким дополнением согласиться нельзя, так как оно лишает прокуроров краев (областей) и районов непосредственной административной связи со следователями, которые работают под их оперативным руководством.

К статье 111, устанавливающей, что разбирательство дел во всех судах СССР открыто, поскольку законом не предусмотрены исключения с обеспечением обвиняемому права на защиту, имеется также достаточное число безусловных заслуживающих внимания дополнений, касающихся организации советской адвокатуры.

Член коллегии защитников т. Брауде подчеркивает, что новая Конституция возлагает на защиту огромную ответственность, и большую остроту приобретает вопрос о кадрах защиты; поэтому прямая задача высшей школы наряду с подготовкой судебных и прокурорских работников готовить и советских защитников, а старые специалисты должны передать своей смене все свои знания, опыт и любовь к делу («Известия» от 16 июня № 139).

Тов. А. Вольский, член Московской коллегии защитников, отмечает, что проект Конституции, усиливая политическое значение судебной защиты, ставит во весь рост вопрос об ее организационном укреплении; в частности назрела потребность в создании всесоюзного объединения адвокатуры, в организации самостоятельного издательства и в выпуске специального журнала. Тов. А. Вольский ставит вопрос и о расширении процессуального представительства членов коллегии защитников, в частности, до пределов участия их в предварительном расследовании («Известия» от 26 июня № 145).

Касаясь организационного положения защиты, т. Чистяков, юрисконсульт из Херсона, считает, что защита должна быть государственной и состоять на госбюджете; тогда защита будет чувствовать себя независимой как в отношении прокуратуры, так и в отношении клиентуры. Центральный орган защиты должен находиться при президиуме Верховного суда СССР, под его руководством и контролем («Известия» от 27 июля № 172).

Тов. В. Яковлев из Каширы прямо предлагает дополнить проект Конституции специальной статьей о коллегии защитников: «Коллегии защитников создаются при народных судах для обеспечения защиты прав всех трудящихся и защиты интересов государственных и общественных организаций, а также для ведения широкой разъяснительной работы о законах Советского союза» («Правда» от 26 июня № 174).

Много вопросов и замечаний вызывает отсутствие в главе IX и во всей Конституции указаний на суды общественной самодеятельности: производственные товарищеские суды на фабриках, заводах и в совхозах, сельские общественные суды, товарищеские суды при жактах и т. п.

Тов. Логузов из Москвы прямо говорит, что глава проекта «Суд и прокуратура» нуждается в дополнении статьей о товарищеских судах в такой редакции: «Товарищеские суды на производстве, в колхозных, жилищных арендно-кооперативных товариществах и учреждениях избираются сроком на 2 года» («Правда» от 27 июля № 205).

Об узаконении в Конституции сельских общественных судов пишет т. И. Я. Котов — старший народный судья г. Энгельса («Известия» от 22 июля № 167).

Начальник доменного цеха Днепропетровского завода имени Хатаевича т. А. Цейтлин в заметке «Сила общественного воздействия» на конкретных примерах работы общественно-производственных судов цеха показывает, какую большую роль играют эти суды в борьбе с расхлябанностью и разгильдяйством и как под влиянием общественного воздействия передовой рабочей массы перерождаются отдельные прогульщики и лентяи, становясь образцовыми рабочими.

Тов. Пайнадзе, старший следователь прокуратуры Енгалинского района г. Тбилиси (Тифли) подчеркивает значение, которое принадлежит судам общественной самодеятельности, позволяющим разгружать работу народных судов от разбора мелких дел, и также предлагает ввести специальную статью о товарищеских судах («Известия» от 3 августа № 179). Об этом пишет т. А. Бахмутов из Москвы («Правда» от 13 сентября № 253) и другие. И по нашему мнению, пробел в главе IX о

судах общественной самодеятельности следует восполнить.

Своеобразное предложение по поводу судебных органов вносит т. Тыкс Вылка — председатель островного совета Новой Земли. Тов. Вылка сообщает, что за последние два года на островах не слышно было о каких-либо преступлениях. Зимой даже склады держатся без замков. Споров из-за промыслов почти не бывает. Редко-редко случаются драки: вымьет человек и набедокурит. Островной совет депутатов, говорит т. Вылка, разбирает судебные дела иначе, чем на материке. Постоянного судьи нет. Да он, по мнению т. Вылка, и не нужен; на том острове, где происходит нарушение законного порядка, в каждом отдельном случае избирается суд. Он судит справедливо и обычно все им бывают довольны, за исключением, может быть, обвиняемых.

Какой же вывод делает из этого т. Вылка? Он заключает, что если в проекте Конституции указано об избрании суда на три года, то суду на островах Новой Земли нечего будет делать и здесь надо оставить прежний порядок судебных разбирательств («Известия» от 20 июня № 142).

Это предложение, свидетельствуя о чрезвычайно разнообразных бытовых условиях в различных местах нашей необъятной родины, тем не менее сделано без учета того обстоятельства, что классовой враг умеет пробираться даже в самые отдаленные уголки страны и там может вредить социалистическому строительству. Уроки острова Врангеля достаточно показательны.

Изучая проект Конституции, т. Кенигфест—Киев — замечает отсутствие статей о Государственном арбитраже. Необходимо, по его мнению, внести в главу IX две специальные статьи: 117-а — имущественные конфликты между организациями общественного сектора разрешения государственным арбитражем, и 117-б, в которой изложить порядок назначения государственных арбитров («Правда» от 4 июля № 187).

Тов. А. Наугольников в статье «О судебных исполнителях» («Известия» от 28 августа № 237) поднимает вопрос о положении этой категории работников юстиции. Рядом ярких примеров и цифр он показывает, что с исполнением судебных решений дело, к сожалению, обстоит плохо: здесь заедает волокита, создающая волюющий разрыв между судебным решением и его исполнением; распоряжения судебных исполнителей зачастую не выполняются; кадры их текучи, встречаются среди них случайные люди; ставка судебного исполнителя очень низка.

Тов. Наугольников говорит, и нельзя с ним не согласиться, что накануне утверждения новой Конституции СССР, поднимающей значение и роль судебных органов на невиданную высоту, более чем необходимо ликвидировать дикое, позорящее нашу советскую юстицию несоответствие между решением и его исполнением.

Опубликование проекта сталинской Консти-

туции является могучим стимулом к улучшению работы во всех областях нашего социалистического строительства, к новому подъему стахановского движения.

Этот энтузиазм творчества охватил и работников суда и прокуратуры; и здесь мы констатируем применение новых методов, поднимающих на более высокую ступень деятельность органов юстиции.

Взять хотя бы пример из практики прокуратуры Донецкой дороги. Здесь организовали выезд ответственных работников на линию для приема жалоб и заявлений от рабочих непосредственно на местах: в ожидалках, в паровозных и кондукторских бригадах, в общежитиях, депо и т. д. В итоге в течение одного дня работники прокуратуры приняли 240 жалоб и заявлений по поводу всевозможных нарушений советских законов, причем половина этих жалоб была рассмотрена и разрешена тут же, на месте, с участием администрации предприятий и самих жалобщиков.

Разве это не новый и действенный путь борьбы за укрепление называемости советского закона! И прокурор Союза т. Вышинский одобрил проделанную прокурором Донецкой дороги работу и рекомендовал всем прокурорским органам широко использовать этот опыт («Известия» от 14 июля № 162).

Проект сталинской Конституции статьями убедительных и горячих доказательств побед социализма и широчайшей радости освобожденного труда оказывает могучее воспитательное воздействие на тех трудящихся, которые в силу ряда обстоятельств оторвались от родного коллектива и встали на путь преступлений.

В этом отношении характерен один из многих фактов, описанных С. Заболотским в заметке «Возвращение» («Известия» от 8 июля № 157), которой предпослана следующая справка: «Лишь за последние две декады в органы Московской милиции явились с повинной 8 преступников (по материалам МУР)».

К начальнику уголовного розыска Московской милиции явился вор-рецидивист Тимофеев: он рассказал, что, прочитав проект Конституции и оглянувшись на жизнь вокруг, где люди ходят бодрые и веселые, он решил честно и добросовестно отбыть положенный срок и влиться в трудовую семью новым человеком. Сергей Тимофеев из газет узнал, что муж одной из его сестер — инженер и член партии — награжден орденом, что сестра его произнесла речь с высокой трибуны, что его родные — люди, которые честным трудом заслужили известность, почет, уважение. И он хочет принять участие в творчестве социализма, к чему ему дает полные возможности Конституция. Волнующим оптимизмом наполнены слова Тимофеева начальнику уголовного розыска: «До свидания, — говорит он, — сейчас я не подам вам руки, она еще недостаточно чиста, но, если доведется встретиться вновь, когда окончится срок заключения, — у вас не будет больше оснований отказать пожать мою руку».

Сталинская Конституция и задачи правового образования

Проект новой Конституции, широко обсуждавшийся всеми трудящимися нашей великой родины, везде, где бьется мысль и сердце трудящегося человека, был признан величайшей важности документом, отражающим новую страницу истории нашей пролетарской революции.

Не случайно устами многомиллионного народа проекту новой Конституции дано название — сталинской Конституции.

Новая Конституция является сталинской Конституцией потому, что она выражает дух сталинской эпохи, — эпохи величайших побед и завоеваний, к которым мы пришли под водительством нашего великого Сталина, лично руководившего разработкой этого замечательного исторического документа.

Являясь кодексом наших достижений и побед, отражая величайшую — сталинскую любовь и заботу о трудящемся человеке, новая Конституция предусматривает организацию общественного строя эпохи построения бесклассового общества.

Определяя строй государства эпохи социализма, новая Конституция уделяет исключительное внимание советскому закону.

«Проект Конституции прямо ссылается на силу законов, как бы в подтверждение, в доказательство реальности исторической закономерности и неизбежности тех или иных установленных Конституцией принципов» (А. Я. Вышинский, «Сталинская конституция и задачи органов юстиции». «Соцзаконность» № 8, стр. 13).

«Закону в новой Конституции отводится громадная роль, как организующей, регулирующей общественные отношения силе, как силе, которая является одним из важнейших рычагов государственного строительства, организация общественных и политических отношений» (А. Я. Вышинский, там же).

Исключительная роль советского закона, подчеркиваемая новой Конституцией, вытекает из сущности нашего общественного строя, из того высокого уровня политического сознания, который мы имеем в нашей стране, из роста культурного и материального уровня широких народных масс нашей родины, осуществляющих великое революционное учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Мы находимся в той стадии общественного развития, когда мы строим социалистическое общество и закон; советский закон стал мощным рычагом укрепления пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

Революционная преобразующая роль советского закона огромна.

«Новая Конституция является свидетельством полной победы принципа непоколебимости советского закона, новая Конституция есть доказательство блестящей мощи советского социалистического права, стоящего на страже нового социалистического общества» (А. Я. Вы-

шинский, «Сталинская конституция и задачи органов юстиции». «Соцзаконность» № 8, стр. 14).

Естественно, что в условиях последовательного проведения новой Конституции, в условиях правового порядка, устанавливаемого этой Конституцией, неизмеримо возрастает роль закона и одновременно значение кадров советских юристов, которые должны обеспечить охрану законов, быть их проводниками и защитниками. В первую очередь возрастает значение работников суда и прокуратуры, призванных стоять на страже социалистической законности, осуществлять борьбу с врагами народа, охвостыми разбитых эксплуататорских классов и их агентуры, защищать права и законные интересы советского гражданина.

С введением новой Конституции государственное устройство нашей страны подвергается тем изменениям, которые необходимо было провести в соответствии с нынешним соотношением классовых сил, в соответствии с состоянием социалистической экономики нашего времени, в соответствии с новыми общественными отношениями; в соответствии с этими изменениями в государственном устройстве нашей страны меняются роль и задачи суда и прокуратуры, одновременно повышается ответственность работников суда и прокуратуры за проведение новых задач, выдвигаемых перед ними Конституцией.

Борьба за четкое, последовательное и единое изображение проведение социалистической законности будет поднята на высоту тех требований, которые предъявляются новой Конституцией, только в том случае, если дело защиты и проведения советского закона будет находиться в надежных руках людей, преданных делу социализма, вооруженных теорией Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, обладающих высоким уровнем знаний в области права и государства.

Мы не можем пожаловаться на то, что кадры наших работников суда и прокуратуры плохо подобраны. По своему социально-партийному положению это как раз те люди, которые нам нужны, это в своем громадном большинстве люди, беззаветно преданные делу социализма. Это в громадном большинстве члены партии, рабочие, крестьяне, имеющие за своими плечами опыт революционной и ответственно-политической работы. Это в громадном своем большинстве люди, уже имеющие значительный опыт судебно-прокурорской работы. Свыше 50% наших судей и прокуроров имеют стаж работы более 5 лет.

Мы уже указывали выше, что для судьи и прокурора, чтобы он мог выполнять всю сумму задач, которые на него возложены, недостаточно только преданности своему делу, преданности делу социализма (это является непременным, но не единственным требованием, предъявляемым к советскому юристу, к советскому судье, прокурору, следователю),

для этого необходимо быть вооруженным теорией марксизма-ленинизма и обладать высоким уровнем специальных знаний в области права и государства.

«Партия требует от советского прокурора, чтобы он был настоящим законоведом, блестящим знатоком советского законодательства. Не зная законов, не овладев техникой расследования уголовных дел и борьбы с преступностью, нельзя стать настоящим прокурором и следователем» (Из передовой «Правды» от 7 августа 1934 г.).

Это указание, данное центральным органом печати нашей партии, в равной мере относится и к судьям и ко всем другим категориям советских юристов.

Это требование партии о необходимости овладеть высоким уровнем специальных знаний, обращенное к советскому прокурору, есть требование ко всем советским юристам, и это требование приобретает особое политическое значение в свете задач, поставленных новой Конституцией.

Несмотря на достигнутые советскими судом и прокуратурой успехи в деле осуществления стоящих перед ними задач, они все еще отстают от тех требований, которые к ним предъявляются партией, правительством, широкими массами трудящихся, особенно в свете требований, предъявляемых новой Конституцией.

Чтобы понять это, достаточно указать на следующий факт. По РСФСР в результате кассационного рассмотрения дел народными судами утверждено лишь 62,3% приговоров, отменено 14,5%, прекращено производством 6,3%, то есть свыше 20% приговоров, вынесенных народными судами РСФСР, признаны недоброкачественными.

Из дел, находящихся в производстве следователей, не доходят до суда свыше 20%.

Эти крупные недостатки в работе суда и прокуратуры являются в значительной степени результатом недостаточной вооруженности, подкованности знаниями, достаточной грамотности судей, прокуроров и следователей.

И в этой слабой подготовке работников суда и прокуратуры не только или, вернее, не столько повинны сами эти работники, сколько неудовлетворительная постановка работы с кадрами в системе суда и прокуратуры.

Совершенно прав был т. Вышинский, когда он говорил: «Мы должны коренным образом пересмотреть нашу работу в области кадров, которой до настоящего времени, мы, к стыду своему, уделяли совершенно недостаточное внимание. Мы плохо учили наши кадры, плохо их воспитывали, плохо ими руководили». (А. Я. Вышинский, «Речь товарища Сталина 4 мая и задачи советской юстиции»).

Работа с кадрами органов суда и прокуратуры, в частности, работа по подготовке и переподготовке этих кадров, работа по правовому образованию должна быть коренным образом пересмотрена в свете новых задач, выдвигаемых Конституцией.

Мы действительно плохо учили наши кадры, мало внимания уделяли вопросам правового образования.

Чтобы подтвердить это положение, достаточно указать, например, на тот факт, что на Украине до осени 1935 года не было специальных правовых вузов.

Коммунистический институт советского строительства и права имени Л. М. Кагановича больше готовил работников советского строи-

тельства и явно недостаточно занимался подготовкой правовых кадров.

Наркомост Украины совершенно не занимался вопросами подготовки правовиков, не был связан с этим институтом.

В 1935 году все высшие правовые учебные заведения РСФСР сумели выпустить только 371 юриста, в этом же году выбыло с разных курсов института 388 студентов, не закончивших образования. Между тем, никто не поставил серьезно вопроса о столь большой текучести студентов, уходящих с первых курсов юридических институтов, несмотря на то что количество самовольно уходящих слушателей превышало количество оканчивающих и составляло 23% всего состава слушателей юридических институтов, имеющегося на 1 января 1936 года.

Еще только в 1933 году в РСФСР было 5 годичных правовых школ. В ряде других союзных республик этих школ вовсе не было. В 1934 году сеть правовых школ и юридических курсов значительно выросла. Однако контингент обучающихся работников в этих школах и на курсах еще до сих пор явно недостаточен.

Вовсе не случайно то положение, что вопрос о подготовке правового образования со всей решительностью был поставлен ЦИК Союза ССР. Вынося 5 марта 1935 года постановление «О мероприятиях по развертыванию и улучшению правового образования», ЦИК установил контингент приема в юридические институты, правовые школы и юридические курсы.

Однако недооценка дела правового образования со стороны руководителей органов юстиции в ряде союзных республик зашла настолько далеко, что ими не было выполнено постановление правительства.

Так, например, по постановлению правительства от 5 марта 1935 г. в 1935 году в правовых школах и на краткосрочных юридических курсах УССР должно было обучаться 1.100 чел., а обучалось фактически 505 чел., то есть 50%.

По БССР через правовую школу и краткосрочные юридические курсы по постановлению правительства в 1935 г. должно было быть переподготовлено 255 чел., фактически переподготовлено 120 чел. — менее 50%.

Та же недооценка дела правового образования — переподготовки практических работников суда и прокуратуры — сказалась и тогда, когда впервые был поставлен перед руководством краевых судов и прокуратур вопрос об укомплектовании Всесоюзной правовой академии и находящихся при ней Высших академических курсов.

Постановлением ЦИК Союза ССР от 5 марта 1935 г. организация Всесоюзной правовой академии предусматривалась как одно из серьезных мероприятий в деле надлежащей постановки правового образования и как включение нового звена в систему правового образования, которое до сих пор отсутствовало.

Правовая академия согласно идее этого постановления должна стать основной кузницей по переподготовке практических работников юстиции, государственного арбитража и юридических частей советских и хозяйственных учреждений.

Именно в свете этих задач и развертывалась работа вновь организованной Академии. Казалось бы в соответствии с этими задачами и должны были действовать руководители крае-

вых органов юстиции, использовав Академию для переподготовки значительной части своих работников.

На деле, в процессе проведения набора слушателей 1935/36 года мы встретились с решительным сопротивлением ряда краевых прокуроров и председателей судов в части выполнения ими разверстки по направлению работников в Академию и на Высшие академические курсы.

Сейчас едва ли найдутся такого рода «теоретики», которые поставили бы вопрос о ненужности правового образования, «о кризисе правового образования», хотя несколько лет тому назад такого рода «теории» и «теоретики» имели место. Эти теории являлись выражением оппортунистической недооценки роли государства, роли законности в нашей стране, они побиты жизнью во всех направлениях и едва ли кто осмелится повторить их. Но на практике мы до сих пор имеем недооценку в ряде случаев дела правового образования, этому вопросу не везде и не всегда уделяется достаточное внимание.

Недооценка дела правового образования в частности находит свое выражение в том, что у нас почти совершенно не занимаются подготовкой защитников и юрисконсультов.

В силу того же недостаточного внимания делу правового образования, мы имеем такое положение, что при явно недостаточном контингенте учащихся юридических институтов, правовых школ и юридических курсов в ряде мест и в ряде случаев наблюдается явно недоброкачественное состояние качества подготовки и переподготовки учащихся в этих правовых учебных заведениях.

Среди оканчивающих наши вузы встречаются безграмотные люди.

Как это описывает в своей статье «Кадры советской юстиции социалистической Украины» тов. Брагин («Соц. законность» № 2, стр. 19): «Изрядное количество товарищей, окончивших Украинский институт в 1936 году, оказались просто безграмотными». Это частично относится и к другим юридическим институтам, в том числе и к Московскому и Ленинградскому.

Нужно ли говорить, что такие «юристы» нам не нужны, что они не в состоянии выполнить поставленных перед ними задач. Однако, если столь позорные факты низкой подготовки отдельных юристов наблюдаются в ряде правовых вузов, то естественно, что еще хуже обстоит дело с качеством учебы на юридических курсах и в правовых школах.

Низкое качество работы правовых школ и краткосрочных юридических курсов прежде всего обуславливается отсутствием необходимых кадров преподавателей. В РСФСР, где с кадрами преподавателей правовых школ и юридических курсов обстоит наиболее благополучно, мы имеем такое положение, что только 57% этих преподавателей имеет высшее образование, 25% — среднее, 8,9% — низшее образование.

В УССР 25% преподавателей правовых школ имеет низшее и среднее образование.

В Туркменской ССР 60% преподавателей с низшим и средним образованием.

Если делом подготовки и переподготовки кадров практических работников юстиции у нас занимаются недостаточно, то делом подготовки педагогических кадров для правовых школ и курсов вообще не занимаются.

Так, например, мы совершенно не знаем

случаев, когда были бы проведены курсы-конференции по повышению квалификации преподавателей правовых школ и юридических курсов.

У нас никто серьезно не занимается изучением кадров преподавателей юридических курсов и правовых школ, повышением их квалификации. Между тем, система правовых школ и юридических курсов играет значительную роль в системе правового образования нашей страны.

«Правовые курсы и школы помещаются в большинстве случаев в неблагоустроенных помещениях (Харьков, Минск, Ростов, Иваново). Они во многих местах не имеют ни библиотек, ни читален, ни общежитий для слушателей. Слушатели размещены по частным квартирам». (Из доклада на 55 пленуме Верховного Суда СССР «Об итогах подготовки и переподготовки судебных кадров за 1935—36 учеб. год».)

Неудовлетворительно обстоит у нас дело и с преподавательскими кадрами в юридических институтах, особенно в тех из них, которые расположены на периферии.

Правовое отделение Института красной профессуры дает явно недостаточное количество профессорско-преподавательского состава для правовых институтов, причем за последние годы Институт красной профессуры вообще не давал преподавателей по процессуальным дисциплинам, так как цикл предметов судебного права не был предусмотрен учебным планом правового отделения ИКП (явление совершенно непонятное и ненормальное).

Состав аспирантуры (в основном сосредоточенный в Московском и Ленинградском правовых институтах) явно недостаточен по своему количеству и в значительной степени не удовлетворяет тем требованиям, которые должны быть предъявлены аспирантам.

Почти 50% аспирантов Московского института не имеют практического стажа работы.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что в деле постановки правового образования мы имеем ряд серьезных прорывов, которые необходимо немедленно устранить.

Ряд вопросов правового образования требует коренного пересмотра. Это положение не только диктуется неудовлетворительным состоянием отдельных звеньев правового образования, но и, в первую очередь, теми новыми задачами, которые выдвигаются перед нами сталинской Конституцией.

Новая Конституция предусматривает выборность народных судей «гражданами района на основе всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании — сроком на 3 года». (Ст. 109 проекта Конституции). Проведение в жизнь этого пункта Конституции значительно повысит качество наших судов. В суды будут избраны лучшие, достойнейшие люди нашей страны, но одновременно с этим, поскольку Конституция не предусматривает никакого образовательного ценза, в суд придет много новых, не обладающих юридическими знаниями, людей. Этим людям нужно достойно встретить, обеспечить срочное вооружение их необходимыми для судьи знаниями.

Нужно наладить подготовку кандидатов в судьи.

По Советскому союзу недокомплект штата народных судей на сегодняшний день равен 16,5%. Как только будет проведена в жизнь Конституция, ни о каком недокомплекте судей

не может быть речи, т. к. во всех тех районах, где сейчас нет судей, они будут избраны. Это значит, что в процессе проведения новой Конституции мы будем иметь свыше 1.000 новых судей; естественно, что многие из этих судей не только не будут иметь специальной юридической подготовки, но и не будут иметь практических навыков в работе.

Назначение прокуроров на 5 лет, как это предусмотрено новой Конституцией, создание устойчивых прокурорских кадров и те новые задачи, которые выдвигаются перед прокуратурой сталинской Конституцией, требуют проведения ряда новых, энергичных мер по подготовке и переподготовке прокуроров.

Все это обязывает нас предусмотреть целый ряд мероприятий по подготовке и переподготовке кандидатов в судьи, вновь избранных судей, по подготовке и переподготовке прокуроров, предусмотреть проведение ряда мероприятий, необходимых для поднятия правового образования до уровня его политических задач.

Важнейшими мероприятиями, которые должны быть проведены в этом направлении, должны явиться:

1. Увеличение контингента слушателей правовых вузов, создание вместо карликовых юридических институтов — мощных вузов, организованных и действующих в точном соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г.

2. Значительное увеличение сети и контингента правовых школ и юридических курсов.

3. Создание специальных курсов-конференций по подготовке и переподготовке преподавателей правовых школ.

Создание при правовых институтах краткосрочной аспирантуры, готовящей преподавателей для правовых школ и юридических курсов. Специальное изучение кадров этих преподавателей, укомплектование в ближайшее время правовых курсов и школ необходимым кадром преподавателей.

4. Увеличение количества аспирантов, комплектование аспирантуры за счет направления туда главным образом практических работников, имеющих способность и склонность к научно-исследовательской и преподавательской работе.

5. Создание юридических факультетов при государственных университетах с целью под-

готовки кадров советских юристов для всех отраслей управления и хозяйственной деятельности. Организация широкой и планомерной подготовки советских защитников.

6. Учитывая, что на юридические факультеты будет приниматься молодежь, оканчивающая полную среднюю школу, как правило, непосредственно по окончании этой школы, и что к практической судебной, прокурорской или следственной работе их можно будет рекомендовать лишь по прохождении ими определенного кандидатского стажа, уже сейчас необходимо установить этот кандидатский стаж и одновременно с этим уже сейчас во весь рост поставить вопрос о значительном усилении переподготовки наших основных руководящих работников.

Этой переподготовкой наших руководящих работников, главным образом, должна заняться Всесоюзная правовая академия.

7. Исключительное внимание должно быть уделено со стороны руководящих органов юстиции контролю за состоянием правового образования, руководству этим образованием, борьбе за его качество.

Эта последняя задача в значительной степени облегчается тем, что у нас создан Наркомат юстиции СССР, который должен серьезно заняться работой по подготовке кадров юристов для всего Союза.

У нас есть все предпосылки, все возможности для того, чтобы иметь лучших и образованнейших юристов, которые будут достойными проводниками советских законов, революционной, социалистической законности.

В то время, как в капиталистических странах наблюдается крушение законности, крах правового образования; в то время как фашизм издевается над своими собственными законами, избирая топор и розгу символом государственности, изгоняя из суда все элементы буржуазной судебной демократии, у нас продолжает расти и крепнуть значение советского закона как прямое выражение роста мощи и укрепления диктатуры пролетариата, советской демократии.

Мы должны принять все меры к тому, чтобы выполнить лозунг товарища Сталина «Кадры решают все» и дать стране действительно образованных, высококвалифицированных юристов.

В. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Участие общественности в борьбе за социалистическую законность

Проект сталинской Конституции СССР, переданный постановлением Президиума ЦИК Союза на всенародное голосование, подымает на особую политическую высоту вопросы социалистической законности в нашей стране. Органам юстиции, призванным партией и правительством непосредственно проводить социалистическую законность в жизнь, представляются проектом Конституции небывалые в мире гарантии для осуществления своих за-

дач: народные судьи и народные заседатели выбираются на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на три года.

Краевые и областные суды, суды автономных областей избираются краевыми или областными советами сроком на 5 лет.

Верховный суд Союза и специальные суды СССР (военные трибуналы, транспортные суды)

и верховные суды союзных республик избираются Верховным советом Союза и верховными советами союзных республик также сроком на пять лет.

Это организационное мероприятие, намечаемое проектом Конституции, полностью гарантирует реализацию требования проекта Конституции: «Судьи независимы и подчиняются только закону» (ст. 112 проекта Конституции).

Намечаемая проектом Конституции структура организации прокуратуры полностью обеспечивает проведение единой социалистической законности на территории всего Союза советских социалистических республик.

Такое организационное построение в максимальной мере обеспечивает требование проекта Конституции: «органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняются только прокурору Союза» (ст. 117 проекта Конституции).

Кроме того, через весь текст проекта сталинской Конституции красной нитью проходят указания о незыблемости советского закона и необходимости для всех строжайшего соблюдения законов государства рабочих и крестьян.

Проект сталинской Конституции особо почетное место в системе государственных учреждений Союза и союзных республик отводит суду и прокуратуре. Это обязывает органы прокуратуры и суда уже сейчас продумать задачи, выдвигаемые перед судом и прокуратурой проектом Конституции, и наметить ряд мероприятий для практического разрешения этих задач.

Задачи, выдвигаемые проектом сталинской Конституции перед органами юстиции, требуют внесения целого ряда изменений в работу суда и прокуратуры не только в структурно-организационном отношении, но и в методах работы. В данной статье мы останавливаемся на одном участке работы органов юстиции, требующем по нашему мнению в свете задач, выдвигаемых проектом сталинской Конституции, специального освещения; это — работа суда и прокуратуры со своим активом: группами содействия прокуратуре, секциями революционной законности сельских и городских советов, производственными товарищескими судами и сельскими судами, соцсовместителями и др.

Прежде всего необходимо решительным образом отклонить всякого рода предложения о том, что в данный момент суд и прокуратура должны отказаться от помощи общественности. Принятие такого предложения по нашему мнению шло бы прямо вразрез с задачами, выдвигаемыми перед органами юстиции проектом Конституции.

В самом деле проект Конституции выдвигает перед органами прокуратуры целый ряд важнейших задач: борьбу за охрану основ советского строя — общественную собственность, борьбу за охрану прав и обязанностей граждан, борьбу за последовательное и полное проведение в жизнь избирательного закона и т. д.

Не трудно видеть, что эти грандиозные задачи прокуратура и суд смогут выполнить, только опираясь в своей работе на советскую общественность и в первую очередь на свой актив — группы содействия и секции революционной законности.

Товарищ Сталин, касаясь вопроса привле-

чения трудящихся к повседневной работе управления государством, говорил:

«Наши товарищи иногда не замечают, что вокруг наших низовых партийных, советских, культурных, профессиональных, просветительных, комсомольских, армейских, женотделских и всяких иных организаций копошатся целые муравейники самочинных организаций, комиссий и совещаний, охватывающих миллионные массы беспартийных рабочих и крестьян, муравейники, создающие в своей повседневной, незаметной, кропотливой, нешумливой работе основу и жизнь советов, источник силы советского государства. Без этих миллионных организаций, облегающих наши советские и партийные органы, существование и развитие советской власти, руководство и управление великой страной было бы абсолютно невысимо. Советский государственный аппарат состоит не только из советов. Советский государственный аппарат в глубоком смысле этого слова состоит из советов плюс миллионные организации всех и всяких беспартийных и партийных объединений, соединяющих советы с глубочайшими «низами», сливающих государственный аппарат с миллионными массами и уничтожающих шаг за шагом всякое подобие барьера между государственным аппаратом и населением.

Вот как мы должны стараться «удесятерить» наш государственный аппарат, делая его родным и близким миллионным массам трудящихся, изгоняя из него пережитки бюрократизма, сливая его с массами и подготавливая тем самым переход от общества с диктатурой пролетариата в общество безгосударственное, в общество коммунистическое».¹

Едва ли найдутся у кого-либо какие-либо убедительные доводы за то, что суд и прокуратура могут успешно выполнять свою работу без привлечения общественности.

Отчеты ряда областных и районных прокуратур свидетельствуют об огромной практической и политической их работе с активом. Мы, к сожалению, не располагаем точными цифрами как о количестве этого актива, так и о прodelанной им работе, но даже те отрывочные данные, которые имеются у нас, свидетельствуют об огромности этой работы.

За II полугодие 1935 г. по РСФСР группами содействия дано было органам прокуратуры 32 175 сигналов о нарушениях революционной законности. По одной Ленинградской области активисты прокуратуры дали 4523 сигнала, из них по 3603 сигналам органами прокуратуры были приняты меры. По Сталинградскому краю было дано 1026 сигналов, и из них реализовано 821. По 59 районам Московской области на 1 февраля 1936 года имеется 28 659 активистов органов юстиции, считая в том числе и членов секций революционной законности и 2666 групп содействия прокуратуре с количеством 10 197 членов.

С 1 июля 1935 г. по 1 февраля 1936 г. по этим районам группами содействия прокуратуре было дано 5040 сигналов о нарушениях революционной законности, из них реализовано 3160, а именно: по 891 сигналу возбуждены уголовные преследования, по 87 сигналам принесены протесты, по 599 сигналам были наложены дисциплинарные взыскания и, нако-

¹ И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, стр. 149.

нец, по 271 сигналу были поставлены вопросы перед районными организациями.

Соцсовместители, члены группы содействия прокуратуре и члены секции ревзаконности под руководством работников прокуратуры проводят существенную работу. Так, по 59 районам Московской области участвовали в рассмотрении и проверке жалоб трудящихся 4248 активистов, 278 человек неоднократно участвовали в суде в качестве государственных обвинителей, 497 дел было расследовано при участии актива юстиции; по тем же районам активистами помещено в печати 500 статей, освещающих вопросы революционной законности. Членами групп содействия и секциями революционной законности были вскрыты целый ряд нарушений устава с.-х. артели, расхищение общественной собственности, преступных фактов бесхозяйственности в колхозах, совхозах и т. п. В деревне Чижово Новского сельсовета Московской области участились пожары, и только благодаря группе содействия удалось обнаружить поджигателей, после осуждения которых пожары в деревне прекратились.

Вот что говорят прокуроры о работе отдельных членов групп содействия и секций ревзаконности:

«Соцсовместитель прокурора т. Орлов состоит в активе юстиции с 1929 года, принял непосредственное участие в расследовании 278 дел, участвовал в качестве общественного обвинителя в 32 процессах, написал 7 протестов, организовал 9 групп содействия в сельских, советах, сделал 19 докладов по району по вопросам революционной законности и завербовал 100 подписчиков на газету: «за ревзаконность» и т. д.

Ермаков — рабочий, руководитель секции ревзаконности добился увеличения членов секции. За 1935 год секция провела 12 пленумов, на которых обсуждались результаты проверки проведения в жизнь закона от 7 апреля 1935 г. о борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, доклад начальника милиции о борьбе с хулиганством и ряд других вопросов. Секционеры проверили 50 жалоб и замечаний в печати. Секция ревзаконности Луцинского сельского совета Звенигородского района (председатель т. Васильев—колхозник) в 1935 г. провела 12 пленумов секции, отчитывалась на пленуме сельского совета и на общем собрании колхозников. Секция дала районному прокурору 21 сигнал о нарушении ревзаконности и добилась активизации работы сельского общественного суда.

В Красном уголке секция организовала «уголок юридической помощи», где проводится читка и разъяснение законов и постановлений партии и правительства.

Вот что пишет о своей работе член секции ревзаконности городского совета г. Кимры т. Щуренков:

«Как депутат городского совета я состою в секции ревзаконности с начала выборов. Я тесно связан с прокуратурой. Прокуратура дала нам практические задания, которые я с удовольствием выполнял. Так, мы проверили работу пекарен. Было выявлено много безобразий (антисанитарное состояние, недоброкачественная выпечка хлеба). Конкретных виновников этих безобразий недавно судили.

Мы проверяли также и выполнение мероприятий по охране труда на наших городских предприятиях, попутно выявляя задолженность по зарплате завода Стандартстрой.

По нашим материалам прокуратурой приняты соответствующие меры.

В секции я работаю охотно, только считаю, что нас следует больше втягивать в практическую работу, знакомить с основами революционной законности, а также втянуть нашу секцию ревзаконности в проводимое соревнование-смотр работы активистов прокуратуры».

По 59 районам Московской области за время с 1 июля 1935 г. по 1 февраля 1936 г. было проведено 459 слетов и кустовых совещаний с активом, в которых участвовало 17812 чел.

Кроме живого инструктажа и живой связи были выпущены печатные листовки и несколько брошюр, посвященных развертыванию массовой работы.

Не малую помощь в деле создания и укрепления актива органов юстиции оказывают на местах областные (краевые) исполкомы, райисполкомы и партийные организации. Наглядным примером этого является постановление Калининского облисполкома.

В этом постановлении президиума облисполкома отмечено, что облипрокуратура и прокуроры районов добились значительных успехов в привлечении трудящихся масс города и деревни в помощь органам пролетарской диктатуры в борьбе с преступлениями и нарушениями ревзаконности, реализовав на практике задачи, поставленные постановлением правительства от 7 мая 1935 г.

Ряд групп содействия прокуратуре и в особенности группы завода имени Кирова (руководитель т. Смирнов), Гомоновского сельского совета (руководитель т. Токмаков) и Боровского сельского совета (руководитель т. Коршунов) проявили образцы бдительности в борьбе с расхитителями социалистической собственности, хулиганством, дезорганизаторами производства, бюрократизмом и волокитой и оказали фабрично-заводским организациям, колхозам, совхозам и местным советам большую помощь в успешном выполнении государственных обязательств и заданий.

Президиум облисполкома отметил образцовую работу с активом прокуроров: гор. Калинин, Кимрского, Конаковского, В. Волоцкого, Калязинского, Октябрьского, Ленинского, Краснохолмского и Удомельского районов.

Но наряду с положительными моментами в работе органов юстиции с активом не мало и недостатков: не мало райпрокуроров, у которых актив существует только на бумаге.

Ряд прокуроров до сих пор использует актив для массовых обследований и разного рода рейдов, что, как показала практика, ничего, кроме пустой шумихи, не дает.

В отдельных случаях группы содействия, будучи предоставлены самим себе, грубо нарушают закон, присваивая себе права прокуроров и следователей. Так, например, член группы содействия прокуратуре Птицекомбината Загорского района Московской области — Иволгин, считая себя прокурором Птицекомбината, самостоятельно производил следствия, допрашивал руководителей комбината и института при Птицекомбинате и т. д. Группа содействия прокуратуре завода «Великий бор» Свердловской области самостоятельно возбудила уголовное преследование по ст. 58^а УК против гр. Макеева и вела следствие. Группа содействия прокуратуре ремонтно-механического цеха также возбудила уголовное пресле-

дование по ст. 58¹⁴ УК и вела следствие, а член этой группы содействия возбудил уголовное преследование против мастера цеха на том основании, что мастер цеха «темная личность», так как ругает стахановцев «вралями» и т. д. Такое положение совершенно нетерпимо. Прокуроры и следователи должны твердо запомнить, что им не предоставлено право передоверять свои полномочия кому бы то ни было.

Но эти отдельные недостатки ни в какой мере не умаляют важность работы нашей общественности в деле проведения в жизнь социалистической законности. Поэтому вполне правильно прокурор Союза на последнем всесоюзном совещании работников прокуратуры дал твердую установку на широкое вовлечение в работу по укреплению социалистической законности трудящихся масс.

В свете новых задач, которые поставлены перед органами юстиции сталинской Конституцией, необходимо изменить как формы, так и методы работы актива прокуратуры.

Не подлежит никакому сомнению, что в свете задач, поставленных перед органами юстиции проектом Конституции, работа, как самих органов юстиции, так и их актива, должна проходить на более высокой политической основе. В настоящее время работа групп содействия прокуратуре и, в большинстве случаев, секций революционной законности ограничивается участием в борьбе за выполнение хозяйственно-политических кампаний (сев, уборочная, выполнение плана поставок сельскохозяйственных продуктов, выполнение промпланов и т. д.) и сигнализацией органам прокуратуры о тех или других нарушениях революционной законности на этом участке. В настоящее время, не снижая работы актива в борьбе за выполнение хозяйственно-политических кампаний и охрану общественной собственности, круг вопросов революционной законности, на которые должно быть обращено внимание групп содействия прокуратуре и секций революционной законности, должен быть расширен.

Такие вопросы, как нарушение Сталинского устава с. х. артели, нарушение прав колхозников в области лично принадлежащего им имущества, борьба за твердое проведение в жизнь требований сталинской Конституции, особенно главы X проекта Конституции—право на труд, право на отдых, право на образование, неприкосновенность личности, жилища, и т. д.—должны быть в поле зрения как органов юстиции, так и их актива. Последние о всех нарушениях социалистической законности должны сигнализировать органам прокуратуры, а секции революционной законности кроме того—и советам, при которых они состоят.

Эта большая и почетная работа потребует от органов прокуратуры иного, чем это было ранее, подхода к своему активу. Необходимо решительно отказаться от погони за количеством групп содействия. Надо твердо усвоить, что если прокурор не будет вести работы со своим активом, то последний никакой пользы не принесет. Органы юстиции должны принять участие как в организации своих групп содействия, так и в их руководстве, не передоверять этого, как это нередко имеет место, посторонним к данному делу людям. Организовывать, нам кажется, группы содействия целесообразно не только на заводах, фабриках, в совхозах, колхозах и др. производст-

венных предприятиях, но и вне предприятий.

Группы содействия могут быть организованы в том или другом селе, местечке, рабочем поселке. Организация групп содействия в такой форме даст возможность войти в эти группы лицам, стоящим вне того или другого предприятия—врачам, учителям и др. Нередко против организации групп содействия в селах возражают по мотивам, что в селах, как правило, при сельских советах есть секции революционной законности, что поэтому нецелесообразно иметь общественные организации с одними и теми же функциями. Неправильность такой точки зрения очевидна: товарищи так рассуждающие, забывают, что группы содействия—актив прокуратуры, секция же революционной законности—актив сельских и городских советов.

Повышенные требования к группам содействия и секциям революционной законности требуют от органов прокуратуры по-иному поставить работу с своим активом. Первая и важнейшая обязанность работников прокуратуры—развернуть борьбу за правовое просвещение своего актива, так как только изучив основное законодательство и политику партии и правительства актив может оказать надлежащую помощь советам и прокуратуре в их борьбе за укрепление социалистической законности. Отдельные работники прокуратуры уже стали на этот путь: так, например, в Московской области, в М.-Ярославском районе организованы юридические кружки для актива органов юстиции. В Орехово-Зуевском районе в 12 группах содействия и секциях революционной законности организована регулярная читка газет и постановлений правительства. В Ногинском районе кружками юрминимума охвачено 400 активистов, выделено для этого 13 руководителей и т. д.

Органы юстиции, опираясь на подготовленный таким образом актив, сумеют развернуть одну из основных функций своей работы—правовое просвещение широких трудящихся масс, ознакомление рабочих и колхозников с важнейшими постановлениями партии и правительства, что принесет не малую пользу делу укрепления социалистической законности. Поэтому организация докладов работников юстиции на заводах, в колхозах и совхозах по вопросам революционной законности, организация юркружков для актива, организация при клубах, избач-читальнях, при сельских советах столов юридических справок для оказания юридической помощи населению—первоочередная работа советов и органов юстиции.

В ряде районов практика выдвинула целый ряд форм руководства и инструктажа органов юстиции своим активом: слеты, конференции, письма, выпуск листовок, посвященных вопросам, на которые в данный момент должно быть обращено внимание актива органов юстиции; прикрепление отдельных работников юстиции (следователь, судья, прокурор) к той или другой группе актива и т. д. Нам кажется, что основное требование для того, чтобы актив действительно был активом и помогал прокуратуре бороться с нарушениями революционной законности—это живой и систематический инструктаж групп содействия, секций революционной законности; тем более, как показала практика, это вполне возможно при постоянных выездах райпрокуроров и судей в район.

Немаловажное практическое значение в деле

развертывания и улучшения работы актива органов юстиции имеет учет работы актива. Целесообразно каждому райпрокурору вести «лицевой счет» на каждую группу содействия прокуратуре, записывая в эти «лицевые счета» полученные от группы сигналы, свои указания группе, изменения в составе группы. Такие лицевые счета в любую минуту дадут возможность судить о работоспособности этой группы.

Было бы политически ошибочным предполагать, что дело борьбы за укрепление социалистической законности является монопольным правом органов суда и прокуратуры. Правда, суд и прокуратура как органы диктатуры пролетариата призваны осуществлять правосудие в стране и бороться за соблюдение единой

социалистической законности, но и сельские советы и райисполкомы призваны законом вести борьбу за соблюдением революционной законности. Огромную помощь в этом им оказывает секция революционной законности, обязанность же прокуроров — помочь советам организовать работу секции революционной законности.

Органы прокуратуры, осуществляя борьбу за соблюдение единой социалистической законности на территории всего Союза, независимо от каких бы то ни было местных органов, и опираясь в своей работе на широкие слои советской общественности, с успехом выполняют требования великой сталинской Конституции.

КОНЕВ

Проект Конституции и защита прав женщин в национальных республиках

Проект Конституции СССР в статье 122 следующим образом определяет права женщин: «Женщины в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни. Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

Это еще дополняет и ст. 137, говорящая: «Женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами».

Эти права женщин не только охраняются законом, но создана и материальная база для осуществления указанных прав.

В самом деле возьмите такой закон, как закон от 27 июня 1936 г., говорящий о запрещении абортов, помощи роженицам и т. д. Этот закон действительно раскрепощает женщину и многое зависит в проведении этого закона от работников юстиции.

Защита прав женщин приобретает особенно большое значение в национальных республиках и в особенности в республиках Средней Азии, в частности в Таджикистане, где сопротивление классового врага в деле раскрепощения женщин еще довольно большое.

Это сопротивление выливается в разные формы: и в форме скрытого сопротивления, и в форме использования предоставленных прав в целях дискредитации этих прав, и в форме открытого сопротивления, доходящего до убийства женщин. Одним из ярких фактов сопротивления раскрепощению женщин, это все еще существующий кое-где запрет женщинам ходить без паранджи, этот запрет, подчас проводят даже некоторые члены партии. Так,

например, председатель колхоза имени «Лажути» Ленинабадского района т. Сангинов до сих пор заставляет свою жену ходить под паранджой. К сожалению это не единственный случай, когда женщине запрещают снимать паранджу.

Не менее показательны нарушения прав женщин, выражающиеся в форме женитьбы на малолетних — 10, 11 и 12-летних девочках, зачастую с уплатой калыма.

Так например в Бауманабадском районе лекий Валиев Арзам (35 лет) женился на 11-летней Мухамедовой. Валиев нанял защитника, который послал на освидетельствование Мухамедову к врачу городской больницы т. Ташматову, а последний, не осмотрев Мухамедову, «на глазок» определил ей 17 лет. Защитник эту справку представил в суд и суд вынужден был вызвать врача, который освидетельствовал Мухамедову. Когда на суде обвинитель спросил, чем вызвано такое расхождение, врач Ташматов заявил, что он в больнице перегружен и выдал справку по ошибке, и что Мухамедовой действительно не больше 11—12 лет. Действия врача Ташматова показывают, с какой легкостью и несерьезностью относятся к этому рода преступлениям. Арзам Валиев судом был приговорен к 5 годам лишения свободы.

Не менее показательно и дело, заслушанное также народным судом Бауманабадского района Думан Араб-Алиева.

Думан Араб-Алиев несколько лет тому назад ушел в Афганистан (Бауманабадский район граничит с Афганистаном), потом реэмигрировал из Афганистана, нигде не работал, в колхоз не вступал и стал искать себе невесту. Так как в Афганистане, чтобы жениться, надо уплатить большой калым, он решил найти здесь невесту без калыма и вместе с женой эмигрировать опять в Афганистан, ибо родственники Думана остались в Афганистане. Но найти молодую девушку ему не удалось и

тогда он женился на гр-ке Руджабовой, у которой имеется 12-летняя дочь, с таким расчетом, чтобы потом, выбрав удобный момент, украсть дочь и уйти в Афганистан.

Думан свою жену часто избивал и даже больше того — покушался ее зарезать, чтобы скорее от нее освободиться, и только благодаря колхозникам, которые отняли у него нож и доставили его в милицию, ему это не удалось. Народным судом он был приговорен к 4 годам лишения свободы.

Очень часты избиения женщин, причем это избиение носит характер не обычной семейной ссоры, а происходит в силу того, что женщина хочет быть равноправной, что женщина хочет работать и участвовать в общественной жизни, женщина не хочет сидеть под паранджой, а классовый враг в лице кулаков, мулл и т. д. всеми силами старается не допустить женщин к активному участию в строительстве социализма. Достаточно указать, что в одном из культурных городов Таджикистана Ленинабаде бывший инструктор горкома партии Каюмов покушался на жизнь своей жены только потому, что она говорила с другими мужчинами.

В Бауманабадском районе член колхоза имени «Шадунц» Акбаров в начале 1936 г. избивал свою жену, за что судом был приговорен к 1 году исправительно-трудовых работ, но это не послужило уроком Акбарову, и он через несколько месяцев рассек голову своей сестре, 17 лет, за то, что она не хотела выйти замуж за 42-летнего Халбасва, а ушла жить к любимому ею человеку Сафарову. Акбарова пролежала в больнице 17 дней, но интересно, что когда Акбаров был арестован и сидел в тюрьме, а его сестра вышла из больницы, то в колхозе нашлись люди, которые написали в народный суд от имени Акбаровой, заявление, в котором просили простить Акбарова, так как его сестра находилась все время на его иждивении, а поэтому ему «предоставлено право делать с сестрой все то, что он захочет». Народный суд все же осудил Акбарова к 4 годам, причем суд происходил непосредственно в колхозе и привлек очень много народа, в особенности женщин. Обвинителем выступала по этому делу одна из активисток Юнусова.

Сопровождение против раскрепощения женщин не ограничивается только избиением; классовый враг физически уничтожает женщин-активисток, организует убийства наиболее активных женщин. Так например в Файзабадском районе гр-ка Шарипова пошла учиться на кооперативные курсы; когда, окончив курсы, она вернулась к себе в кишлак, чтобы наладить культурную торговлю, ее муж за это убил ее выстрелом из револьвера. Точно такое же дело мы имели в Бауманабадском районе, когда некий Илмуратов запретил жене Ниязовой ходить работать в колхоз, посещать школу, и когда его жена однажды возвратилась из школы с книгами, он разорвал книги и избил ее. Ниязова заявила об этом в милицию. Илмуратов, узнав, что Ниязова заявила в милицию, нанес ей 4 ножевых раны, от которых Ниязова в больнице умерла. Необходимо указать, что Илмуратов не темный дехканин, а человек, прослуживший несколько лет в милиции, правда выгнанный оттуда за злоупотребления. В последнее время он работал лесным объездчиком.

Иногда классовый враг использует предоставленные женщинам права в своих целях.

Так в колхозе имени Фрунзе Бауманабадского района колхозник Нуретдинов вел агитацию, чтобы женщины не работали в колхозе, чтобы женщины не выходили на работу. Работая в звене над хлопком, он вел такие разговоры среди женщин: «зачем вы вышли работать, ведь советская власть дает вам большие права, вот моя жена не выходит на работу и ей никто ничего не сделает, также и вам никто не посмеет что-либо сделать, потому что советская власть стоит за женщин и поэтому уходите домой». Ему удалось уговорить женщин его звена и они ушли в этот день с работы, и для того, чтобы женщины вышли вновь на работу, потребовалось вмешательство председателя колхоза. Необходимо заметить, что Нуретдинов не безграмотный колхозник и его выступления рассматривать иначе как вылазку классового врага, направленную против того, что «женщина — большая сила в колхозе» — нельзя.

Необходимо обратить внимание и на то, что в колхозах еще не повсеместно проводят п. 14 устава с.-х. артели «об освобождении женщин за месяц до родов и месяц после родов с сохранением за ними содержания». Бывают случаи, что женщину освобождают, а труднейшей не оплачивают. Такое положение мы имели в колхозе «Шадунц» Бауманабадского района, когда трудодни были начислены, но не были своевременно оплачены и только после проверки этого положения прокурором оплата была произведена.

Важнейшим мероприятием по закону от 27 июня 1936 г. о помощи многодетным уделяется недостаточное внимание. В Бауманабадском районе не было еще случаев выплаты денег многодетным, а заявления от дехкан уже поступают. Так, например, колхозница колхоза им. Шадунц Фатма Курба Алиева имеет 8 человек детей, ей необходимо оказать помощь в соответствии с законом, но к сожалению, несмотря на посланный прокурором райисполком и в прокуратуру Таджикской республики запрос — оплата до сегодняшнего дня (до 1 октября) не произведена.

В Бауманабадском районе за время с 1 января по 1 октября суду за нарушение прав женщин было предано 16 человек, но одними судебными репрессиями положения не изменить. Тут нужна большая воспитательная работа среди населения. Эта работа должна быть построена на конкретных примерах. Судебные процессы необходимо проводить непосредственно в кишлаках с участием общественного обвинителя и так обставлять их, чтобы не только суд был убежден в виновности того или иного обвиняемого, но чтобы сама масса была убеждена в правильности предъявленного обвинения, в правильности вынесения приговора.

Из вышеуказанных дел народным судом Бауманабадского района 5 дел было заслушано непосредственно в кишлаке и 4 дела — с участием сторон.

Кроме того, были поставлены доклады по вопросам защиты прав женщин на городском партийном собрании, на собрании председателей колхозов, на съезде женщин-стахановок и на секциях ревзаконности при сельских советах.

Только при мобилизации актива трудящихся масс и беспристрадного подавления вылазок классового врага мы сможем добиться полного раскрепощения женщин, как это требует от нас сталинская Конституция.

Сталинская Конституция и секции революционной законности при горсоветах

В настоящий исторический момент повсюду в нашей стране, во всех ее уголках, во всех предприятиях, колхозах и других организациях и учреждениях идет оживленное, дружное обсуждение — и коллективное (на собраниях) и индивидуальное (отдельными гражданами) — проекта великой сталинской Конституции. В общей и юридической прессе печатаются многочисленные статьи и рефераты, трактующие и о величайшем значении новой Конституции, представляющей собой замечательнейший акт современной эпохи, и о возрастающих в значительной степени роли, задачах и общественных обязанностях, которые в связи с этим величайшим историческим актом возникают и ложатся на различные звенья советского государственного аппарата, на общественные организации. Но в этот исторический момент остается как бы забытым печатью такой общественно-социалистический сектор, как секции революционной законности при городских советах. Правда, они сами в значительной степени в этом повинны, так как большая часть их, главным образом в небольших городах, влечит жалкое существование, проявляя с величайшими потугами какое-то подобие общественной деятельности. Редкие исключения можно наблюдать разве только в крупных городских центрах, как, например, Москва, Ленинград и еще в двух-трех больших городах.

Между тем, и по идее, положенной в основу института секций революционной законности при городских советах, и по тем целям и практическим задачам, которые положением 1933 г. они призваны были осуществлять роль и политическое значение этих секций, при надлежащей, регулярно ведущейся плановой работе, при надлежащем авторитетном руководстве должны были бы иметь довольно значительный удельный вес в общей работе судебных, прокурорских и милицеских органов, направленной к укреплению революционной законности, законности, без которой немислимо социалистическое государство, немислима незыблемость его устоев.

Целями образования при городских советах секций революционной законности, как это видно из раздела I статьи I положения о них, были: «привлечение широких масс рабочих и трудящихся к практическому участию в укреплении революционной законности, а также мобилизация широких трудящихся масс на выполнение закона об охране общественной социалистической собственности, как основы революционной законности». В качестве основных задач положение о названных секциях возлагало на них (раздел II) «организацию и проведение широкой массовой политической работы по разъяснению важнейших законов...» (ст. 3); «активное участие в организации и укреплении низовых общественных ячеек по линии суда, прокуратуры, исправительно-трудовых учреждений, милиции...» (ст. 4); **практическую** (подчеркнуто мной — П. В.) помощь органам охраны революционной законности в осуществлении возложенных на них задач и

борьбу с явлениями бюрократизма, волокиты и искривлением советских законов» (ст. 5); укрепление и расширение связи суда, прокуратуры и милиции с широкими массами избирателей и борьба за выполнение наказов избирателей по укреплению революционной законности» (ст. 6).

Функции, посредством которых секции революционной законности призываются к осуществлению возложенных на них вышеуказанных основных задач, подробно перечисляются в обширном третьем разделе положения, занимающая двадцать шесть статей. Беря из этих статей несколько кратких выдержек, мы найдем в них: проверку выполнения отдельными городскими учреждениями, предприятиями и организациями важнейших законов (ст. 7); знакомство с работой прокуратуры, суда, судебных исполнителей, со сроками рассмотрения жалоб, прохождения дел, с порядком личных приемов и т. д. (ст.ст. 8, 10, 11); содействие суду в деле организации общественных судов, прокуратуре в организации групп содействия (ст.ст. 12 и 13) и т. д.

Даже из этого, больше чем краткого, перечня функций, возложенных на секции революционной законности, видно, сколь широкое отведено им поле деятельности, сколь сравнительно значительна в общем могла бы быть их роль и практическое значение в деле охраны экономических и политических устоев советского социалистического государства, государства рабочих и крестьян, в деле действительного укрепления революционной законности.

Новая Конституция, вне всякого сомнения, налагает на секции революционной законности при городских советах обязанность развернуть работу во всех тех направлениях, какие им указаны положением 1933 г. Они должны использовать все открывающиеся перед ними возможности, чтобы оправдать в глазах общественного мнения то высокое доверие, какое им оказано советской властью и партией.

Одна только глава десятая новой Конституции открывает перед секциями революционной законности широкие перспективы для плодотворной во всех отношениях деятельности: борьба по охране социалистической собственности — общественной и государственной, — охрана личной собственности трудящихся, охрана неприкосновенности личности, здоровья и жизни граждан, охрана прав женщины, избирательных прав, наблюдение за соблюдением всеми конституций — союзной и республиканской, — за исполнением вообще законов, борьба за укрепление трудовой дисциплины и т. д.

Но для реального выполнения всех этих многосложных и ответственных обязанностей секции революционной законности при городских советах должны быть реконструированы, личный состав их должен быть освежен путем подбора работоспособных, энергичных членов; работа их должна быть коренным образом перестроена и налажена по-новому, в полном соответствии с экономиче-

скими и политическими требованиями данного этапа социалистического строительства, налажена по-социалистически, по-большевистски. Следует, быть может, пересмотреть и изменить порядок формирования названных секций, установить для них более соответствующее их назначению место в общей структуре городских советов, учтя все недостатки теперешней их организации, являющиеся причиной их прозябания, их бездеятельности.

Ни в действующем в настоящее время положении 1933 года о секциях революционной законности при городских советах, ни в положении о самих городских советах, к сожалению, не содержится сколько-нибудь определенных постановлений, которыми нормировались бы и четко регулировались взаимоотношения между названными секциями и городским советом (председателем, президиумом и пленумом). Правда, в разделе I, ст. 2 названного положения говорится, что «секции революционной законности образуются и действуют на основании положения о городских советах и настоящего положения» (полож. 1933 г. о секц. рев. законности).

И дальше, в ст. 23 того же положения сказано, что «решения секции революционной законности проводятся в жизнь в соответствии со ст. 33 положения о городских советах».

Но эти указания не только не вносят ясности в положение секций революционной законности по отношению их к городскому совету, но, наоборот, затемняют его. Следуя этим указаниям, приходится сделать вывод, что секции революционной законности (не предусмотренные положением о городских советах, изданным ранее положения об этих секциях) подчиняются во всем правилам, содержащимся в положении о городских советах, касающимся секций, перечисленных в этом положении (коммунального хозяйства, финансово-бюджетная, кооперативно-торговая, социально-культурная и др.) Все эти секции есть в сущности секции одноименных с ними отделов городского совета (ст. 26), имеющие тесные отношения с последними и свои решения проводящие в жизнь не иначе, как только через одноименные отделы городского совета (ст. 33, на которую ссылается положение о секц. рев. законности), а по ст. 32 в состав секций городского совета обязательно включаются руководители соответствующих отделов и инспектур.

Между тем в структуре городских советов отдела революционной законности, как правило, нет. Спрашивается, каким же образом секции революционной законности могут проводить в жизнь свои решения? Как они могут выполнять требование ст. 23 положения о них?

Получается какой-то разрыв, какая-то неувязка довольно существенного свойства.

Положение о секциях революционной законности, делая ссылку на ст. 33 положения

о городских советах, не учло тех специфических особенностей, свойственных функциям секций революционной законности, которые не позволяют ставить эти секции в один общий ряд со всеми другими секциями городского совета, подводить их под действие одинаковых для всех секций правил. Во многих случаях секции революционной законности имеют непосредственно дело с судом, прокуратурой, судебными исполнителями, милицией, нарзаседателями и пр. Странно было бы, например, решение секции революционной законности о возбуждении уголовного преследования, допустим, против председателя городского совета, членов президиума, проявляющих производ, грубое нарушение законов, производящих хищения социалистической собственности и т. д. передавать на утверждение или усмотрение самих нарушителей законов.

Необходимо все указанные выше неувязки устранить, пересмотрев вышеназванные положения, разлив и уточнив некоторые отдельные статьи в них, остающиеся сейчас недосказанными, или недостаточно четко средактированные. Например, в ст. 31 Положения о городских советах нет указания о том, при наличии не меньше какого числа членов секции признаются сформулированными или образованными. Нет также указания в ст. 32 о том, кем именно привлекаются в состав секций, кроме членов и кандидатов в члены городского совета и представителей различных общественных организаций, и другие лица, «персонально», как говорится в этой статье, «привлеченные».

В положении о секциях революционной законности нет указаний, каким порядком возбуждаются дела о привлечении к ответственности виновников нарушения революционной законности и т. д. По нашему мнению, секции революционной законности должны обладать некоторой автономностью, по сравнению с другими секциями городского совета, в том числе обладать правом выбора председателя секции вообще из числа членов секции, а не только из числа членов городского совета, как этого требует ст. 35 Положения о городских советах.

В заключение необходимо отметить, что городские советы, судьи и прокуроры, за редким исключением, как правило, не интересуются или очень мало интересуются секциями революционной законности и их работой, считая их, повидимому, в своем роде беспокойным придатком в общей структуре городских советов.

Такое отношение теперь, в связи с новой Конституцией, должно быть совершенно изжито. Секции революционной законности должны занять подобающее им место в ряду социалистических органов города и подобающим их назначению образом проявить и развить свою деятельность в надлежащем направлении с максимальной активностью.

Новая Конституция — основа работы юрисконсультов

Новая Конституция знаменует собой победу социалистических производственных отношений, победу общественной социалистической собственности.

Она выдвигает ряд новых задач перед всеми работниками организаций обобщественного сектора, в том числе и юрисконсультами, обязанными всемерно помогать внедрению социалистической законности в оперативную деятельность промышленных и транспортных организаций.

Юрисконсульты занимают важный участок правового фронта — они помощники суда при ведении дел обобщественного сектора, они советники хозяйственников по вопросам права.

Несмотря на бесспорно большую роль юрисконсульты при разрешении задач, возлагаемых новой Конституцией на суды и прокуратуру, организационное положение юрисконсультов до настоящего времени остается неурегулированным.

Положение «Об юрисконсультах госучреждений, предприятий и кооперативных организаций и о надзоре за их деятельностью», утвержденное СНК РСФСР в марте 1927 года, во многом нуждается в переработке, в соответствии с задачами, выдвинутыми новой Конституцией перед работниками права.

Общесоюзного закона или положения, регулирующего деятельность юрисконсульты, до сих пор не издано, хотя в этом давно ощущается острая нужда.

Первым шагом в деле ликвидации несомненной брешы в этом вопросе надо признать утвержденное народным комиссаром водного транспорта 25 июля 1936 г. положение о юрисконсультах водного транспорта. Положение предусматривает создание в речных и морских пароходствах юридических бюро, подчиненных непосредственно начальникам управлений. Этим ликвидируется досадная ненормальность, когда юрисконсульты включали в административные секторы, управления делами, подчиняли бухгалтерии, сводя нередко их на роль взыскателей дебиторской задолженности, далеких от производственной жизни своего хозоргана.

Суд не всегда видит хозяйственника и обычно совместно с юрисконсульты выясняет причины, вызывающие споры, поэтому юрист должен быть в курсе всей оперативной деятельности учреждения.

Участвуя в суде, выявляя те или иные ненормальности в работе своего учреждения, юрисконсульт естественно должен иметь возможность доводить до сведения руководителя о вскрытых на суде дефектах.

Равным образом, принимая участие в предварительном обсуждении договорных условий, юрисконсульт должен иметь возможность лично излагать руководителю учреждения все соображения о соответствии сделки хозяйственному законодательству и о всех отступлениях, допускаемых оперативными отделами при выработке соглашений.

Отвоя юрбюро совершенно определенное место в структуре управлений, вышеуказанное

положение возлагает на бюро две основные задачи: внедрение основ социалистической законности в хозяйственной деятельности водного транспорта и представительство от имени пароходства в судебных учреждениях.

Выполняя первую из своих основных задач, юрисконсульт корректирует с правовой стороны положения, инструкции, приказы и договоры, заключаемые пароходствами с другими организациями, а также письма, касающиеся исполнения, дополнения и прекращения договоров.

Юрбюро предоставлено право опротестования приказов и распоряжений начальников портов, пристаней и всех линейных единиц в случае противоречий их закону.

К числу основных обязанностей юрисконсульта отнесены также постоянные консультации по правовым вопросам всех линейных хозорганов водного транспорта.

Кроме того юрбюро обязано разрабатывать доклады по правовым вопросам, в частности, доклады о дополнении и изменении транспортного законодательства, ведомственных правил и инструкций, в соответствии с практическими потребностями водного транспорта.

Естественно, что эти задания требуют весьма основательного знакомства со структурой и эксплуатационной деятельностью пароходства.

Юрисконсульт не может быть оторван от хозяйственной жизни, он не может ограничиться одними правовыми формулами, игнорируя действительность.

Успех каждого судебного дела и правильность заключений, в первую очередь, зависят от степени знания обстоятельств дела и хозяйственной структуры.

Наше водно-транспортное право разработано еще весьма слабо. Доклады об изменениях транспортного законодательства требуют большой эрудиции.

Решающее значение в этом вопросе будут иметь кадры, овладевшие техникой управления сложным хозяйством водного транспорта. Вот почему особое внимание в Положении уделено кадрам.

Юрисконсультами пароходства теперь могут быть только лица, имеющие высшее юридическое образование. Известно, что водные пути Советского союза пронизывают все, даже отдаленные уголки нашей родины. В отдельных бассейнах (Ленский, Аму-Дарьинский, Печорский) не всегда можно быстро заместить ушедшего юрисконсульта. Поэтому положение допускает в отдельных исключительных случаях и только в качестве временно исполняющего должность — лиц, имеющих 5-летний практический стаж ответственной работы в судебных органах, или выдержавших специальный экзамен в коллегиях защитников.

До недавнего времени Центральное юридическое бюро преимущественно обслуживало самый наркомат; линейные юрисконсульты в большинстве случаев работали изолированно.

Новое положение коренным образом меняет прежний порядок, устанавливая, что юрбюро

пароходства обязаны поддерживать тесный деловой контакт с Центральным бюро Наркомвода и представлять регулярные отчеты о своей деятельности не только своему начальнику пароходства, но и главному юрисконсульту Наркомвода.

Положением обусловлено право созыва в центре и на местах совещаний правовых работников для обсуждения хозяйственных правовых вопросов и обмена опытом.

Особенно четкие требования предъявляются качественным показателям работы юристов. Юрбюро обязано выработать минимально жесткие сроки прохождения судебных дел в аппарате пароходства и его единиц. При ведении дел бюро обязано проявлять максимум оперативности и инициативы, для всесторонней защиты интересов водного транспорта, в пределах закона. При обнаружении — в период разработки материалов или судебного разбирательства, неправильных действий или упущений должностных лиц, юрисконсульт обязан немедленно сигнализировать об этом для устранения недостатков оперативной работы.

Помимо этих основных начал новое положение предусматривает еще ряд практических

условий, направленных на установление четких обязанностей и прав юрисконсультов, к поднятию роли правовых работников в общей структуре хозяйственных учреждений.

Издание нового положения не случайно. Оно продиктовано задачами, поставленными новой Конституцией перед всеми хозорганами, в том числе и водным транспортом.

В ближайшее время предстоит большая работа по внедрению основ нового общесоюзного гражданского и уголовного законодательства в практику работы наших хозорганов. Эта работа должна быть проведена в минимальные сроки, не допуская случаев нарушения социалистической законности из-за незнакомства с законом. В этом вопросе огромную роль должны сыграть кадры квалифицированных юрисконсультов.

Новая Конституция перед ними, как и перед судом и прокуратурой, открывает обширное поле деятельности.

Новые задачи требуют мобилизации всех работников правового фронта, они настоятельно требуют немедленного издания общесоюзного положения, организующего деятельность юрисконсультов нашей страны.

С. МИРОНОВ

О работе и ближайших задачах Водной прокуратуры

В навигацию текущего года Водная прокуратура всемерно добивалась улучшения работы в области борьбы с хищениями социалистической собственности и с авариями, стремясь избежать ошибки и извращения, имевшие место в 1935 г., выразившиеся в неправильном привлечении ряда работников водного транспорта к уголовной ответственности. Прокуроры бассейнов в начале навигации были проинструктированы на двух совещаниях, созданных в Москве прокурором Союза.

Со второго квартала установлен порядок, по которому дела о должностных преступлениях, за исключением дел о растратах, направляются в суд лишь с предварительной санкции прокурора бассейна, а дела об авариях, о простоях и о противодействии стачановскому движению лишь с предварительной санкции Главной водной прокуратуры.

Во втором и третьем кварталах были проведены обследования и инструктирование работы прокуратур в 11-ти бассейнах: Верхневолжском, Нижневолжском, Днепровском, Азово-Донско-Кубанском, Московско-Окском, Северном, Енисейском, Восточносибирском, Селенгинском, Западносибирском и Аму-Дарьинском. Вызывались в Главную водную прокуратуру для доклада о работе прокуроры бассейнов Черноморского, Каспийского, Верхневолжского, Днепровского, Московско-Окского, Средневолжского и Аму-Дарьинского. Кроме этого были вызваны 6 участковых прокуроров и три следователя.

В результате принятых мер достигнуто некоторое улучшение работы всей системы водной прокуратуры.

В 1936 г. по всем пароходствам значительно меньше привлечено работников водного транспорта к уголовной ответственности по сравнению с 1935 г.

Если взять число преданных суду в первом полугодии 1935 г. за 100, то в 1936 г. предано суду по сравнению с 1935 г. 61,6%.

В I полугодии 1935 г. прекращено прокуратурой 21,7% дел, в I полугодии 1936 г. — 19,5%, а в июле 1936 г. — 15,8%.

Незначительное снижение процента прекращенных дел в 1936 г. объясняется тем, что во 2 квартале значительное количество следственных дел было прекращено из числа дел, возбужденных в 1935 г. и в первом квартале 1936 г. По этим же причинам мы имеем и незначительное улучшение в сроках расследования дел. До 10 дней окончено следствием было в I полугодии 1935 г. — 28,69, в I полугодии 1936 г. — 33,2%, от 11 до 30 дней окончено в I полугодии 1935 г. 24,3%, в первом полугодии 1936 г. — 36%.

В подготовительных заседаниях бассейновых судов прекращено было уголовное преследование по 8,9% делам, возвращено на доследование 11,4% дел; из общего числа преданных суду осуждено судами в I полугодии 1936 г. — 64,8%, а в июле 1936 г. — 77,8%.

Из крупных бассейнов лучшие по сравнению с другими бассейнами результаты работы показали прокуратуры Каспийского и Средне-

Волжского бассейнов, наихудшие—прокуратуры Аму-Дарьинского и Черноморского бассейнов. В Прокуратуре Аму-Дарьинского бассейна прекращено подготовительным заседанием суда 29,5% дел, в Черноморском бассейне—12%; возвращено на следствие по прокуратуре Аму-Дарьинского бассейна 16,8%, по Черноморскому бассейну 13,1%; кроме этого в судебных заседаниях было возвращено по Черноморскому бассейну 16,2% дел и по Аму-Дарьинскому бассейну 8,9% дел.

Крайне плохая работа прокуратур Аму-Дарьинского и Черноморского бассейнов прежде всего объясняется тем, что прокуроры этих бассейнов т. Нецаев и т. Санин не осуществляли конкретного оперативного руководства работой прокуроров участков и следователей, и не выполняли указаний прокурора Союза от 17/IV с. г. о перестройке работы Водной прокуратуры. Приказом прокурора Союза т. Нецаев снят с должности прокурора Аму-Дарьинского бассейна.

Проверкой Главного управления Водной прокуратуры было установлено, что практика недостаточно обоснованного привлечения к уголовной ответственности продолжалась и в 1936 г. в прокуратурах Западносибирского, Енисейского, Аму-Дарьинского и Черноморского бассейнов. Так, прокуратурой Енисейского бассейна в I полугодии 1936 г. было прекращено 18,3% дел, отсев в суде составляет 30,6% дел. Обследование установило также, что в сибирских бассейнах, за исключением Восточносибирского, инспекции пароходств при попустительстве прокуроров возбуждали по своей инициативе явно неправильно и вели следствие по уголовным делам вплоть до составления обвинительных заключений, которые утверждались прокурорами бассейнов.

Факты вопиющей волокиты при ведении следственных дел до сих пор имеют большое распространение. Проверкой было обнаружено в прокуратуре Енисейского бассейна 3 незаконченных следственных дела, возникшие еще в 1935 г., и одно дело в 1934 г.

В прокуратуре Западносибирского бассейна—2 дела 1935 г., в прокуратуре Верхневолжского бассейна дело о недостатке зерна на барже № 49 на протяжении 8 мес. находилось почти без всякого движения. В Прокуратуре Камского бассейна дело по обвинению Дуболазова, Михайловского и Вахитова находилось в расследовании 10 месяцев.

В прокуратуре Западносибирского бассейна у бывшего следователя Ново-Ургенчского участка Рахматуллина в июне 1936 г. было обнаружено в производстве 52 следственных дела и переписки, по которым он ничего не делал. Из них некоторые находились без движения на протяжении более года. За все время своей работы в указанной должности, с декабря 1935 г. по июнь 1936 г., Рахматуллин закончил только три дела. На виновных в волоките по вышеуказанным делам прокуроров и следователей наложены строгие взыскания.

Основной вывод, который надо сделать из указанных фактов, заключается в том, что прокуроры бассейнов не выполняли указаний прокурора Союза о надзоре за следствием.

Лучше обстоит дело с расследованием в прокуратуре Каспийского и Средневолжского бассейнов; поэтому в этих прокуратурах значительно меньший процент брака по следственным делам.

Прокуратура Каспийского бассейна в первом полугодии 1936 г. возвратила на следствие 6,6% дел, подготовительным заседанием бассейнового суда прекращено 4,9%, возвращено судом на следствие 5,7%.

В Средне-Волжском бассейне прекращено подготовительным заседанием 3,6% и возвращено на следствие 10%.

Правда, и эти цифры свидетельствуют о все еще неудовлетворительной постановке следственной работы и о недостаточном внимании к этому важнейшему участку со стороны прокуроров бассейнов.

Необходимо подчеркнуть, что в борьбе с авариями прокуроры бассейнов не добились в навигацию текущего года сокращения сроков расследования дел об авариях и быстрого наложения удара по аварийщикам. Недопустимо длительные сроки расследования и медлительная дача заключений начальниками пароходств во многих случаях оставляла виновников аварий на долгое время безнаказанными.

Борьба с хищениями несколько улучшилась. Прокуроры бассейнов активизировали в этой области свою работу, привлекли актив и личным вмешательством поставили целый ряд вопросов перед начальниками пароходств в области охраны грузов и постановки учета и отчетности. За период с 1 апреля по 1 сентября 1936 г. Главная водная прокуратура сигнализировала Наркомводу в 20 случаях о неправильных действиях руководящих работников пароходств по следующим вопросам: о нарушении правил регистра при выпуске судов в плавание, о сокрытии аварий пароходствами, о волоките в даче заключений пароходствами, о неправильном применении дисциплинарного устава пароходствами и о нарушении кредитной реформы. Хорошо провел проверку дисциплинарной практики прокурор Камского бассейна т. Гусев. По Камскому пароходству т. Гусев вскрыл факты грубого нарушения устава о дисциплине рабочих и служащих водного транспорта. Так, начальник орска Карпов и начальник Пермского отделения орска Залесский, не имея права, арестовали на 5 суток заведующего производством столовой Жукова, заведующего магазином Усатых на 3 суток (условно), заведующего магазином Нифонтова на 3 суток также условно. Начальник бельской конторы Камского пароходства Сафонов, вопреки уставу, издавал приказ об аресте капитанов парохода; начальник Кировской краевой конторы Дьяконов издал 6 приказов об аресте разных работников пароходства.

По протесту прокуратуры бассейна эти приказы, как явно незаконные, были отменены начальником пароходства.

Перед водной прокуратурой на осенне-зимний период 1936—37 гг. стоят ответственные задачи. Водный транспорт в оставшееся время навигации должен работать с исключительной четкостью и бесперебойностью. Водный транспорт вступает в период зимнего судоремонта. Правильная организация высококачественного ремонта судов является основным условием для успешного проведения навигации 1937 г. Для успешного выполнения плана осенних перевозок и зимнего ремонта судов наряду с правильной борьбой с авариями и с хищениями, Водная прокуратура должна сосредоточить основное внимание на следующих вопросах:

в Прокуратуру Союза поступают сигналы о большой порче овощей и хлеба, имеющей место из-за преступного отношения работников

водного транспорта к своим обязанностям (Камский, Средневолжский и Нижневолжский бассейны). Эти сигналы Прокуратурой Союза получают не от прокуроров, а из других источников. Это свидетельствует о том, что водные прокуроры не проявляют должной оперативности и гибкости, не знают, что делается на пристанях и поэтому не наносят своевременно удара по виновникам порчи овощей и хлеба. Прокуроры бассейнов должны обратить особое внимание на порядок хранения и сроки нахождения овощей и хлеба на пристанях, на правильность погрузки овощей и хлеба, на сроки следования груженых судов по бассейнам. Огромное значение имеет успешное завершение осеннего лесосплава. Водная прокуратура должна проявить такую оперативность и гибкость в борьбе с преступлениями в этой области, чтобы своевременным вмешательством обеспечить максимум распорядительности и четкости в работе плавсостава и не допустить оставления во льдах ни одного плота, ни одного бревна.

По зимнему судоремонту ошибкой Водной прокуратуры в 1935 г. являлось то, что борьба с преступлениями в области судоремонта началась весной в то время, когда она должна была вестись на протяжении всего периода организации осуществления плана зимнего судоремонта. Мы должны обратить особое внимание на борьбу с преступлениями в области своевременной доставки судов в пункты ремонта, на безопасную расстановку их по затонам и отстойным пунктам, на снабжение ремонтных пунктов материалами и оборудованием. Уже сейчас имеются сигналы преступно-хладатного отношения к заготовке материалов.

Водная прокуратура обязана решительно бороться с бесхозяйственностью при проведении подготовки и организации судоремонта. На всем протяжении судоремонтной кампании органы прокуратуры должны вести решительную борьбу с разбазариванием остро дефицитных материалов. Водная прокуратура зимой 1935—36 гг. плохо боролась с бракоделами при проведении судоремонта. Недоброкачественный ремонт повлек за собой аварию судов, что в конечном итоге отразилось на плане перевозок. В остающийся осенне-зимний период прокуроры водных бассейнов и участков должны своевременно вскрывать факты недоброкачественного ремонта и привлекать виновных к

ответственности. Твердая борьба за труддисциплину, решительная борьба с противодействием стахановскому движению на водном транспорте также являются первоочередными задачами Водной прокуратуры в ее деятельности по обеспечению судоремонтной кампании.

Прокуроры бассейнов должны добиться в своей работе максимума оперативности, должны хорошо изучить положение на ремонтных пунктах и правильно наносить удар по виновникам срыва и недоброкачественного судоремонта, не допуская в то же время применения массовой репрессии. Самая решительная борьба должна вестись за неприкосновенность и сохранность перевозимых и хранящихся на пристанях и складах грузов и материалов, предназначенных для ремонта судов.

Водная прокуратура должна поставить перед хозяйственниками ряд вопросов об использовании зимнего периода для ограждения территории пристаней, ремонтно-складских помещений. Необходимо тщательно проанализировать материалы о недостатке грузов; под недостатками грузов зачастую скрываются прямые хищения; и прокурорам надлежит подходить к этой категории дел с особой осторожностью. Расследованием дел о хищениях обязан руководить лично прокурор бассейна или его помощник по участку. В осенне-зимний период надо широко развернуть работу по повышению квалификации прокуроров и следователей. До 1 января 1937 г. надо обеспечить сдачу курминимума, а к 1 апреля все работники водного транспорта обязаны сдать испытания по техминимуму.

На каждом участке работы Водной прокуратуры главной обязанностью прокуроров и следователей является всемерное повышение революционной бдительности и беспощадная борьба с контрреволюционным, троцкистско-зиновьевским охватом, с врагами народа, вскрывая их преступную, предательскую, вредительскую деятельность. Эти задачи требуют от прокуроров и следователей высокой политической грамотности, требуют идейной вооруженности марксо-ленинско-сталинской теорией. Работа Водной прокуратуры в зимний период должна быть качественно поднята на новую, более высокую ступень.

Мы должны по-боевому обеспечить большевистскую подготовку флота к навигации 1937 г.

Г. СТАРЦЕВ

Необходимые изменения Гражданского кодекса ¹

На страницах советской правовой печати неоднократно упоминалось о несовершенстве некоторых статей Гражданского кодекса РСФСР в редакции 1922 года. То же самое отражает и учебник хозяйственного права под редакцией Гинзбурга и Пашуканиса (изд. 1935 года), где сказано, что «задача стоит здесь, видимо, в плоскости приспособления наших правовых (гражданских — Г. С.) норм к изменившейся коренным образом обстановке» (стр. 203, т. II).

Это значит, что с победой общественно-со-

циалистической собственности и завершением бесклассового общества Гражданский кодекс действительно не отражает той хозяйственной деятельности, которая существует на современном этапе, и большинство его статей не в состоянии быть регламентирующим началом правовых взаимоотношений в сфере социалистического производства и советской торговли.

Правда, за годы первой пятилетки и начало второй Гражданский кодекс получил ряд новых дополнений, толкований и изменений, направленных на регламентацию изменившейся политико-хозяйственной обстановки и хозяйственных связей, но тем не менее ряд принципиальных статей Гражданского кодекса остал-

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

ся не измененным, хотя и требует немедленной замены.

Я хочу высказаться по очень важному вопросу «наследственного права и дарения» — институт которого не изменялся в основном с 1926 года и лишь частью дополнен в 1930 г.

Дело в том, что ряд положений наследственного права прямо противоречит современной обстановке, но поскольку эти положения являются правовыми нормами закона и не могут быть противозаконно истолкованы, то столько суд и нотариальные органы, совершающие акты о наследовании, на мой взгляд, явно совершают хотя и законные действия, но в обход закона, осознавая сами, что должно быть как-то иначе.

Так, например, согласно прим. 1 к ст. 422¹ ГК завещатель вправе лишать наследства одного из наследников или всех. В этом случае наследство должно перейти в доход государства.

Подобных распоряжений наследодателей в практике было не мало, однако не было случаев, чтобы часть имущества лишенного наследника переходило к государству. Почему? Да потому, что наследодатель не делает распоряжений о завещании имущества государству, а нотариальные органы этому способствуют. Отсюда получается, что при наличии нескольких наследников и при наличии завещания только одному из них, — все имущество целиком переходит к одному наследнику, а закон о праве наследования государством остается лишь на бумаге, как декларативная норма.

Могут сказать, что наследодатель, при условии постановки его в обязательные условия завещания государству той доли имущества, которой он намерен лишить одного из наследников, никого не будет лишать наследства, или совсем не станет делать завещания, дабы избежать передачи имущества государству, но этот довод явно не годится.

При наличии множества наследников наследодатель почти всегда кого-либо обходит наследством, или по мотивам особых с ними счетов, или по иным соображениям семейно-бытового характера.

На практике так и получается. Придя в нотариальную контору, наследодатель делает распоряжение о завещании Ивану, а обходит Петра, как плохо относившегося к нему.

По смыслу ст. 422 ГК завещатель может завещать одному или всем наследникам, то есть в первом случае — часть наследства; при наличии нескольких наследников, а во втором случае — все наследство, но распределив по долям.

Согласно же прим. 1 к ст. 422 ГК следует понимать, что если завещатель, при наличии нескольких наследников, завещает лишь одному из них, то это значит, что остальных он лишает наследства и их доли должны перейти в доход государства.

Другого положения быть не может, в противном случае примечание 1 к ст. 422 ГК ненужно и может быть действительно лишь при прямом согласии завещателя, что очень редко.

Если же примечание 1 к ст. 422 ГК понимать как закон, в силу которого государство может принять часть имущества лишенного наследника только по прямому желанию на это завещателя, то есть как одного из круга лиц, могущих быть наследниками, тогда непонятно, зачем же вторая норма, когда государство и его органы прямо указаны в п. 1 ст.

418 ГК как субъекты права, к которым может переходить наследство.

Таким образом следует вывод, что законодатель, вводя примечание 1 к ст. 422 ГК, именно этим подчеркивал исключительность права государства брать долю или все имущество, когда наследователь не желает перехода этого имущества в руки кого-либо из наследников.

Сделанный вывод подкрепляет и примечание 2 к ст. 422 ГК, из которого следует, что несовершеннолетних наследников нельзя лишать наследства. А если совершеннолетний нетрудоспособен в силу физического или умственного недостатков, его ведь лишать можно. Спрашивается, за чей счет он будет существовать, если, допустим, отец (владелец дома) завещает весь дом другому сыну? Очевидно, за счет государства.

Значит, тут также предполагается, что государство, беря долю имущества лица, лишенного наследства, обращает последнее в общий фонд имущества, предназначенных на социальные устройство.

Таким образом, нотариальные органы при совершении завещания должны руководствоваться такими правилами, как: а) предъявление завещателем документов, подтверждающих его собственность на завещаемое имущество, и содержание объекта имущества, б) предъявление документов (домоправления или других органов), устанавливающих перечень законных наследников и иждивенцев; кроме того нотариальные органы должны спросить завещателя, кому он завещает и кого обходит. Если завещатель при наличии двух наследников хочет завещать дом одному из них, то нотариальные органы обязаны включить лишь половину дома указанному наследнику, а половину в доход государства, о чем должно быть записано в завещании. При несогласии завещателя, завещание не составляется. Этими правилами необходимо дополнить инструкцию о нотариальных действиях.

Не менее важным и связанным с первым вопросом является вопрос о «дарении». Институт дарения в Гражданском кодексе посвящена одна лишь ст. 138 и разъяснение к ст. 418 ГК. Отсюда естественно, что недостаток законодательных материалов ставит места в затруднительное положение при совершении актов дарения.

Закон, ограничивающий круг лиц, призываемых к наследованию по закону и по завещанию (ст. 418 ГК), не распространяется на случаи дарения.

Это значит, что собственник имущества может передать его любому лицу по своему выбору (пост. пленума Верховного суда РСФСР от 9 июля 1923 г., пр. № 12).

Следовательно, Иванов, имея в собственности дом, стоящий 10—15 тысяч (а таких еще много), но в то же время имея ряд законных наследников, может подарить этот дом и постороннему приятелю, лишив тем самым средств наследников, в числе которых бывают и малолетние.

Все советское законодательство в области семейного и наследственного права направлено на охрану интересов малолетних, несовершеннолетних и недееспособных лиц, а здесь выходит, что тот или иной отец возьмет да отдаст свое имущество хотя бы второй, фактической жене, оставив детей без всяких средств. Такие факты имеют место.

Постановление пленума Верховного суда и

ст. 138 ГК используются для обхода закона о наследовании, и люди, в целях обхода того или иного наследника, вместо завещания совершают акты дарения.

По форме выходит правильно, а по существу прямое издевательство, то есть наряду с установленной гарантией прав несовершеннолетних при завещании (примечание 2 к ст. 422 ГК) разъяснением пленума Верховного суда от 9 июля 1923 г. регламентирован обход этой гарантии, который широко используется на практике.

В практике работ в условиях г. Тулы подобный обход закона встречался нередко. Судам г. Тулы не раз приходилось принимать жалобы матерей, дети которых лишались имущества в результате подобных актов дарения несмотря на то, что они являлись законными наследниками «дарителя».

Однако помочь этим детям нечем.

Мне кажется, что ст. 138 ГК, а тем более

постановление пленума Верховного суда от 9 июля 1923 года, введенное в Гражданский кодекс, как дополнительные материалы к ст. 418, — явно устарели. Это постановление было жизненно в первый период непа, при расширенных частно-хозяйственных правах. В условиях же победы социализма и узко ограниченной сферы частно-хозяйственной деятельности нужны другие нормы, соответствующие современной обстановке. Отсюда, институт неограниченного дарения, как присущий частно-капиталистической сфере обращения, нужно исключить из Гражданского кодекса, оставив для этих актов нормы только наследственного права.

Ни незаконного, ни законного обхода законов быть не может.

Закон должен быть один: защищающий устои диктатуры пролетариата — социалистическую собственность и интересы трудящихся — строителей социализма.

Г. ГОРНШТЕЙН

Право наследования родителей¹

Республиканские гражданские кодексы ограничивают круг лиц, имеющих право на наследство, нисходящими (дети, внуки, правнуки) и пережившими супругами. Родители правом наследования в силу родственной связи не пользуются.

Нетрудоспособные и немужские лица, пребывавшие не менее года до смерти наследодателя на полном его иждивении (в том числе и родители), пользуются правами наследования вне зависимости от родственной связи с умершим.

Можно ли считать такое положение нормальным и отвечающим общему понятию нашего закона о семейной родственной связи между родителями и детьми, ее основах и порождаемых ею взаимных правах и обязанностях? Согласно постановлениям республиканских семейных кодексов между родителями и детьми устанавливается обязанность взаимной материальной поддержки, простирающаяся даже за пределы достижения детьми совершеннолетия (детьми совершеннолетним, в случае их нетрудоспособности или безработицы, родители обязаны оказывать материальную помощь, как и дети родителям в тех же случаях).

Между тем, родители, воспитавшие и подготавлившие своих детей к самостоятельной жизни, на склоне своих лет утратив способность к труду и добыванию средств к жизни, не имеют никаких прав на имущество, оставшееся после смерти сына или дочери, уступая их полностью пережившему супругу или супруге, часто очень недолго прожившим с умершим и вполне способным к труду. Ведь, далеко не всякий такой родитель докажет, что он в течение последнего года до смерти сына или дочери был на полном их иждивении. Часто случается, что как раз до смерти наследодателя родитель работал и потому не был на иждивении детей, а, примерно, через полгода, по старости или болезни, утратил трудоспособность. Справедливо ли лишать такого родителя права на наследство наряду с нисходящими и супругами?

В связи с устанавливаемой по новой Конституции унификацией гражданского законодательства во всеоюзном масштабе уместно поставить вопрос о пересмотре родительских прав на наследство и о внесении соответствующих коррективов в унифицированный гражданский кодекс СССР.

Л. ШЕЙНИН

Задачи следственных отделов

Новая структура органов прокуратуры предусматривает создание следственных отделов в аппарате Союзной, республиканских и краевых прокуратур. Перед вновь создаваемыми следственными отделами поставлены опростые задачи освоения следственного аппарата, его воспитания и повышения его квалификации, изучения его болезней и устранения их, организации живого и повседневного руководства работой следователей.

Общезвестно, и это не раз указывалось т. А. Я. Вышинским и отмечалось в резолюциях судебно-прокурорских совещаний, что состояние нашего следственного аппарата недо-

статочно удовлетворительно и качество предварительного расследования низко. Более того, мы имели за последние годы ослабление следственного состава, снижение количественных и качественных показателей его работы. Состав наших следователей по стажу и подготовке значительно ухудшился, текучесть следователей огромна.

Все эти явления явились прямым результатом того неправильного отношения к следователю и недооценки его значения в судебно-прокурорской системе, которыми была заражена в свое время значительная часть краевых и республиканских прокуратур. Над следователями мало работали, к их подбору относились довольно поверхностно, о них не заботились

¹ В порядке обсуждения. — Редакция.

и их не умели сохранять. Значительное количество следователей в результате такого неправильного отношения к ним вовсе ушли из органов юстиции, другая часть перешла на судебную или прокурорскую работу. Совершенно неправильно считали, что хороший следователь подлежит выдвижению на судебную или прокурорскую должность, не понимая, что выдвижение лучших следователей должно главным образом идти по следовательской лестнице, то есть хороший народный следователь должен быть переведен в старшие следователи, старший следователь — в следователи по важнейшим делам республиканской прокуратуры и т. д.

Неправильное отношение к следователю перебросилось и в правовые вузы, где царил такой принцип: лучшие студенты аттестовались прокурорами, посредственные — судьями и, наконец, самые плохие — следователями. При этом даже не учитывались индивидуальные склонности и способности студента и его личное стремление к той или иной работе.

А между тем, нужно ли доказывать, что профессия следователя требует помимо прочего еще и особой склонности, особых способностей и интересов?

К этим общим неправильным «установкам» на следственный аппарат надо прибавить и отдельные извращения, допущенные в свое время. Достаточно вспомнить хотя бы приобравшее печальную популярность так называемое «упрощенство», преподаваемое НКЮ в 1929 году, которое по сути вещей развращало следователя, воспитывая в нем недопустимо фамильярное «запанибратское» отношение к процессуальным нормам, к закону.

Таковы основные и главные причины, приведшие наш следственный аппарат, по выражению А. Я. Вышинского «на задворки нашего аппарата в целом».

Что же мы имеем сейчас? Вот несколько характерных цифр. В Калининской области 69 следователей. Из них с низшим образованием 66%, со средним образованием — 29%. Только три следователя имеют высшее правовое образование, а 48 человек, то есть почти 70%, не имеют никакой, даже шестимесячной юридической подготовки. Не лучше и с партийной прослойкой: из 69 человек — всего 19 членов и кандидатов ВКП(б) и 9 комсомольцев. Это — в Калининской области, где положение сравнительно лучше, чем в других...

В свете такого состояния нашего следовательского аппарата становится очевидным огромное значение создаваемых следственных отделов и сложность задач, поставленных перед ними. Надо надеяться, что это будет учтено прокурорами республик, краев и областей при комплектовании этих отделов.

Работа следственных отделов должна строиться по двум основным линиям: методически-организационной и оперативной.

Разработка вопросов методики расследования, изучение общих дефектов расследования, организация четкого оперативно-статистического учета, изучение каждого следователя, его сильных и слабых сторон, издание бюллетеней и методразработок по вопросам следствия — все это следует отнести к методически-организационной работе. В этой работе надо использовать: уже имеющийся кое-где опыт методбюро, которые, кстати сказать, проделали в отдельных краях и областях немалую работу.

Целый ряд общих болезней нашего след-

ственного аппарата надо учесть при развертывании этой работы: слабая техническая культура следователей, явно недостаточное и неумелое применение научно-технических методов расследования, слабые познания в области судебной медицины, разноречивой в методике расследования разных категорий дел (растраты, подлоги и т. п.) диктуют необходимость в систематическом издании методразработок, писем, инструкций и в регулярном снабжении следователей специальной литературой.

До сих пор еще наши краевые и республиканские аппараты не знают своей следовательской периферии. Надо сказать, что наряду со следователями низкой квалификации у нас имеются кое-где талантливые следователи, работающие над собой, романтически влюбленные в свою профессию, энтузиасты своего дела. Мы их не знаем или знаем недостаточно. Очень важной задачей поэтому является тщательное изучение состава следователей, каждого из которых надо, что называется «знать в лицо», повседневно наблюдение за тем, как работает и растет каждый из них, выделение и выдвижение наиболее способных следователей и т. п.

В тесной связи с этим изучением следователей должна находиться система оперативно-статистического учета, дающая живую и правдивую картину состояния и работы следственного аппарата в целом и каждого следователя в отдельности.

Не схоластическое нагромождение мертвых статистических таблиц с тысячами цифр и порочными выводами, не бюрократические анкеты с сотнями вопросов, приводящих в ужас аппарат, а живой и четкий оперативно-статистический учет должен быть организован следственными отделами.

Составляемый на каждого следователя паспорт должен без опозданий отображать его работу в ее количественных и качественных показателях. Идеальным положением должно быть такое ведение паспортов, когда они дают ясное и исчерпывающее представление о фигуре следователя, о его достижениях и срывах, о том, как он растет, или, наоборот, застыл на месте.

Кстати, положение о следственном отделе Прокуратуры Союза предусматривает организацию единой системы оперативно-статистического учета следственной работы.

Правовая подготовка наших следователей, как уже указывалось выше, крайне слаба. Очень важной в связи с этим является работа по организации и проведению кустовых совещаний следователей, конференций, практических занятий без отрыва от производства и т. д.

Очень важен обмен опытом. Крайне целесообразно информировать аппарат края (области, республики) о наиболее удачно раскрытых делах, о примененных по этим делам методах следствия, о его достоинствах и недостатках. Такая информация по конкретным делам с указанием конкретных следователей, их проводивших, повышает инициативу следователей, обогащает их криминалистический опыт.

Надо широко организовывать и применять систему взаимных проверок и обследований, социальное соревнование между отдельными следователями и районами.

Очень важно, чтобы следователи знали друг друга хотя бы в пределах края, сами следили бы за работой своих товарищей, усваивая

достижения и опыт лучших из них. Надо создать такое положение, чтобы следователь даже самого глухого района потерял ощущение одиночества и какой-то производственной изолированности. Постоянное сознание своей повседневной связи с большим следственным коллективом, сознание, что за его работой следят не только сверху, но и справа, и слева, — и со всех сторон — такое сознание неизбежно подбадривает следователя, не дает ему распутиться, внутренние дисциплинирует его.

Не менее важна и чисто оперативная работа следственных отделов. Здесь встает во весь рост задача конкретного, четкого руководства работой следователя. Следственный отдел должен всегда знать, какие важнейшие дела находятся в стадии расследования на данный день, обеспечивает ли данный следователь раскрытие того или иного преступления, проведение доброкачественного расследования по тому или иному делу. Следственный отдел должен иметь ежедневную сводку о возникновении важнейших дел и о наиболее серьезных происшествиях в крае, области, республике.

Исходя из подлинного знания состава следователей и учета их производственных возможностей, следственный отдел может маневрировать имеющимися следователями с учетом их индивидуальных навыков и познаний. Так, если в одном из районов совершено серьезное преступление и имеющийся там следователь не обеспечивает должного качества расследования, то ему в помощь надо своевременно направить более квалифицированного следователя с учетом его «узкой специальности» (специалист по делам об убийствах, по сложным хозяйственным делам и т. п.).

А между тем в практике нашей работы нередко бывало так: совершено в данном районе серьезное преступление, и ведет следствие местный, малоквалифицированный следователь. Пройдет два-три месяца, следователь окончательно запутается в деле, которое ему не под силу, упустит все возможности раскрытия дела, пропадут и исчезнут незамеченные неопытным глазом следы, улики и данные, и тогда только спохватываются в крае или в республике. Посылают в район опытного следователя из центрального аппарата, но поздно, время уже стерло показания «немых свидетелей» и затуманило события в памяти живых...

При надлежащей постановке работы этого быть не должно, и следственный отдел, отвечающий за состояние следствия в республике (крае), может всегда и сразу реагировать на любое дело крепким следственным кулаком.

Вышесказанным, разумеется, далеко не исчерпываются многообразные виды оперативной работы следственных отделов.

Такие вопросы, как наблюдение за условиями работы следователей и борьба за улучшение этих условий (камеры, средства связи, обеспечение следователей необходимым инвентарем — фотоаппараты, «следственные чемоданы» и т. п.), разрешение возникающих иногда конфликтов между следователем и прокурором, (в которых, кстати, нередко следователь бывает прав), своевременная организация в республиканском (краевом) центре сложной экспертизы по конкретным периферийным делам (на месте часто не найти нужных экспертов), организация своевременной личной и письменной консультации по конкретным делам, — относятся к оперативной работе следственных отделов.

Наконец, следственные отделы должны проверять, как руководят прокуроры своими следователями, как они помогают им в их работе и могут ли ею руководить.

Дело в том, что у нас есть еще кое-где прокуроры, склонные рассматривать следователей как некую «низшую расу», как чисто технических работников. Вместо вдумчивого и серьезного руководства следователем, такие прокуроры предпочитают им «командовать», считая, что именно в этом и заключается прокурорское руководство. Извращая смысл ст. 118 УПК, эти прокуроры нередко обезличивают следователей, мешают их инициативе, попирают их производственное достоинство. Задача следственных отделов — разоблачать и бить подобных прокуроров, бороться за правильное отношение к следователю.

В связи с этим полезно напомнить слова А. Я. Вышинского:

«... Чтобы руководить работой следователя, нужно участвовать в этой работе. А когда прокурор не знает конкретно дело, как он может давать оперативные указания? Он тогда будет вносить в дело только путаницу. Когда мне нужно давать указания по делу, я сам произвожу следственные действия, вместе со следователем, который при мне состоит. Я вызываю к себе обвиняемого, свидетелей, я участвую в допросах, в очной ставке, я насыщаю воздухом этого предварительного следствия, знакомлюсь со всем происшедшим и тогда говорю следователю, что нужно сделать. Если я не изучу дела, я никогда не позволю себе сказать следователю: «сделай то-то и то-то», потому что я могу повести его по ошибочному пути. Если прокурор хочет давать указание по делу, он должен принять в этом деле непосредственное участие. Если он не принимает участия, в следствии, не допрашивает свидетелей, не вызывает экспертов, не ставит вопросов, не изучает вещественных доказательств, не проводит очных ставок, то я говорю — он не должен давать никаких оперативных указаний следователю...»¹

Равным образом надо объявить решительную борьбу с еще сохранившейся в ряде мест практикой загрузки следователей разного рода поручениями, не имеющими отношения к их работе, и всякими мелочами, мешающими им работать над серьезными делами.

В результате этой вредной практики мы сплошь и рядом сталкиваемся с таким положением, когда органы милиции ведут расследование по серьезным и сложным делам, а следователи копаются во всякой мелочи.

С другой стороны, во многих городах следователи почти не выезжают на места серьезных происшествий и таким образом не производят столь важных исходных следственных действий, как например осмотр места преступления. Вместо них это опять-таки делают органы милиции, что является совершенно недопустимым.

Всем сказанным еще не исчерпываются все функции следственных отделов и в этой статье перечислены лишь главные из них. В соответствии с местными условиями и обстановкой отдельные из перечисленных вопросов приобретают большее или меньшее значение. Важно

¹ Выступление А. Я. Вышинского 29 мая 1936 г. на совещании с районными следователями в Прокуратуре Союза ССР.

сразу нащупать самые слабые места и в первую очередь бить по ним. Важно, чтобы следователи сразу почувствовали, что есть подлинно следственный отдел, и чтобы они поверили в него, а поверив — не разочаровались.

Только тогда, когда следственные отделы станут подлинными оперативными и методологическими центрами следственной работы в республике (крае), когда они будут повседневно и непосредственно связаны с каждым сле-

дователем, будут помогать ему и контролировать его, поддерживать и воспитывать, знать его нужды и запросы и своевременно реагировать на них, давая без промедления и помощь и совет, — только тогда они будут отвечать своему назначению и смогут разрешить сложную проблему создания грамотного, четкого, оперативного и подлинно большевистского следственного аппарата — этого основного рычага нашей работы.

Л. ЗОННЕНБЕРГ

За высокое качество следственной работы по хозяйственным преступлениям, требующим производства бухгалтерской экспертизы¹

Расследование дел по хозяйственным преступлениям по своим специфическим особенностям, по многочисленности и сложности эпизодов, требует зачастую специальных познаний в различных областях нашей экономики.

Процент обращаемых к исследованию дел этой категории по причинам неполноты следствия, т. е. отсутствия достаточных и вполне конкретных, уличающих обвиняемого, доказательств в присвоении или разбазаривании тех или иных материальных ценностей, еще велик. Причины указанных недостатков следствия являются двоякого рода.

Во-первых, неумение разобраться в первичном счетном материале, поступившем следователю и содержащем указания на преступные отношения к материальным ценностям. В силу этого следователь зачастую идет по пути наименьшего сопротивления, принимает «на веру» первичный документ (в большинстве акт ревизии, сообщение вышестоящих организаций), на основе которого строит все обвинение.

Во-вторых, одним из серьезных пробелов следствия является неумение пользоваться бухгалтерской экспертизой, которая должна помочь следователю разобраться в материалах, требующих специальных знаний.

Ведь нередки случаи, когда следователь, получив первичные данные, с указанием на злоупотребления, или присвоение материальных ценностей, совершенные должностным лицом в том или ином учреждении, предприятии, хозяйственной организации, вместо выяснения «главного» путем бухгалтерской проверки или экспертизы, начинает производить бесчисленные допросы свидетелей, показания которых без подтверждения их документальными данными, не могут являться доказательственными уликами.

Так, например, не может рассматриваться доказательственной уликой показание свидетеля А. о том, что кассир В. присвоил из вверенной ему кассы 1000 руб., без бухгалтерской проверки и подтверждения этого обстоятельства ревизией кассы, кассовых документов и книг.

Показания свидетелей в подобных случаях ценны для следствия лишь, как объяснение

факта недостачи денег или иных материальных ценностей, установленного бухгалтерской ревизией.

Однако в большинстве своем хозяйственные дела не ограничиваются содержанием одного — двух эпизодов. Зачастую в одном материале имеются многочисленные и разнохарактерные указания о фактической или предполагаемой преступной деятельности, которые следователь обязан расследовать.

В своей практической работе каждый следователь может значительно повысить качество расследуемых хозяйственных дел, путем тщательного анализа первичных материалов, поступивших для расследования, а также правильной организации бухгалтерской экспертизы.

Что для этого требуется?

Во-первых, критический подход к акту ревизии, первичному бухгалтерскому документу, сообщению вышестоящей организации о совершившемся хищении, присвоении, или разбазаривании материальных ценностей. Отказаться раз и навсегда от принятия этих документов «на веру» без последующей их проверки.

Во-вторых, из каждого первичного материала по такого рода делам необходимо выявить «главное», подлежащее исследованию, и при производстве следствия и бухгалтерской экспертизы вокруг этого «главного» сконцентрировать свое внимание.

Никогда не разбрасываться по мелочам, ибо это только мешает следствию, расплывает и отвлекает внимание следователя от главного.

В-третьих, назначенной по делу бухгалтерской экспертизой следователь обязан руководить от начала до конца.

Необходимо отметить, что последний пункт наших замечаний — о руководстве следователя экспертизой — имеет исключительно важное значение. Без практического, конкретного руководства следователя, производящего следствие по делу, не может быть доброкачественного бухгалтерского акта экспертизы. Это положение в особенности относится к тем местам, где квалифицированных бухгалтеров-экспертов не имеется и их заменяет очень часто первый подвернувшийся под руку бухгалтер-практик. Таким экспертом следователь должен руководить особенно внимательно и при том на протяжении всего процесса производства

¹ Статья поступила на конкурс, объявленный Редакцией совместно с Издательством «Сов. Законодательство» на лучший очерк — корреспонденцию.

экспертизы, сосредоточив его внимание на проверке обстоятельств, имеющих отношение к делу, могущих вскрыть до конца совершенное преступление, или же, наоборот, отбросить предполагаемое преступление.

Каков же круг вопросов, которые могут быть подвергнуты судебно-бухгалтерской экспертизе?

Таковыми основными вопросами являются:

1. Экспертиза счета определенного подотчетного лица.

2. Экспертиза баланса (при наличии указаний на вуалирование баланса или отдельных счетов).

3. Непринятие мер к ликвидации дебиторской задолженности.

Наиболее распространенным случаем, влекущим необходимость бухгалтерской экспертизы, является экспертиза счета подотчетного лица, у которого при первичной проверке материальных ценностей оказалась их недостача. Поэтому считаю необходимым основное внимание в настоящей статье уделить этому виду экспертизы.

За редкими исключениями подозреваемый всегда отрицает наличие недостачи, ссылаясь на неправильность производства ревизии, на то, что при ревизии не были учтены все расходные документы, всевозможные акты, не списана естественная трата и т. п., т. е. представляет пока что словесную аргументацию, оправдывающую недостачу.

По какому пути должно быть направлено следствие в этой стадии процесса? Какой основной вопрос должно разрешить следствие, без разрешения которого невозможно двигаться дальше?

Понятно, что первый и главный вопрос, это вопрос, имеется ли на самом деле недостача у подотчетного лица. Ибо, если нет недостачи и все материальные ценности налицо, то нет и самого события преступления (*corpus delicti*). Вот здесь и приходит на помощь следователю бухгалтерская экспертиза.

Как ее нужно организовать, с чего начать?

Надо начать обязательно с определения точного круга вопросов, подлежащих выяснению путем экспертизы. Вопросы не должны быть расплывчатыми, неясными; они должны быть совершенно конкретными, безусловно входящими в компетенцию эксперта-бухгалтера.

Так, например, не может быть поставлен на разрешение эксперта вопрос: «присвоил ли подозреваемый такие-то материальные ценности», «умышленно или неумышленно допущена неправильная запись в книгах материального учета» и т. п.

Подобного рода вопросы в компетенцию эксперта не входят. Эксперт обязан на основе имеющихся у него специальных знаний дать правильную фотографию обнаруженных при проверке: недостачи, неправильных книжных записей, сомнительных документов и т. п.

А уже дело следователя путем проведения других следственных действий (допроса свидетелей, приобщения новых документов, графологической экспертизы и т. д.) установить, является ли обнаруженная экспертизой недостача ценностей результатом присвоения их подозреваемым, халатного ли отношения его к исполнению служебных обязанностей, или же каких-либо иных причин.

После определения круга вопросов, подлежащих экспертной проверке, следователь должен разрешить вопрос о составе экспертной

комиссии. Этот вопрос является весьма важным, т. к. состав комиссии предопределяет качество будущей экспертизы. Как правило, нужно считать необходимым присутствие во время работы экспертов, подозреваемого и лица, ведущего учет в данной организации. Эти лица могут оказать большую помощь экспертной комиссии в ее работе указанием на разного рода документы, справки, акты, на лиц, могущих пояснить те или иные неясности, возникающие в процессе экспертизы.

Создав экспертную комиссию и обеспечить ей условия для выполнения полученного задания, следователь не может считать свою миссию законченной и самоустраниться от дальнейшей работы комиссии. Он попрежнему остается руководителем производимой экспертизы.

Практика показывает, что нередко случаи, когда экспертная комиссия ограничивает свою работу простой проверкой фактических остатков денег и материальных ценностей у подотчетного (подозреваемого) лица и сопоставления их с книжными остатками бухгалтерии, констатируя в результате этого наличие недостачи, или излишков, или балансирование счета. Подобное ограничение работы комиссии ни в какой мере не обеспечивает правильных выводов по делу, т. к. целый ряд обстоятельств может вкоре изменить выводы комиссии по сравнению фактических и книжных остатков.

Таковыми обстоятельствами могут являться:

1. Арифметические ошибки в документах, умышленные и не умышленные, но в обоих случаях влияющие на сравнительный результат фактических и книжных остатков.

2. Анализ юридически неправильно оформленных документов, принятых к расчету подотчетного лица.

3. Проверка правильности записи счетов (приходных и расходных).

4. Проверка и учет всевозможных актов (на естественные траты, на снижение цен, на брак и порчу, на расходы по переброске товаров и т. п.).

Поэтому проследить, чтобы экспертная комиссия не обошла, кроме основных, и этот круг вопросов, является прямой обязанностью следователя. В этом и будет выражаться его конкретное руководство экспертизой. Однако, и этой работой не заканчивается еще деятельность эксперта и следователя по производству экспертизы, ибо даже полный учет всех документальных данных и ревизия бухгалтерского учета, при наличии все же недостачи ценностей, не дает ясного представления о причинах полученной разницы между книжным и фактическими остатками.

Для получения более приближенной к истине картины работы подотчетного лица, экспертизе следует проверить такие немаловажные вопросы, как:

а) условия хранения документов;

б) условия приема и отпуска ценностей подотчетным лицом;

в) порядок и условия оформления документов, т. е. своевременно ли производится оформление приходо-расходных документов;

г) кто оформляет документы: на прием и отпуск ценностей (само ли подотчетное лицо, третьи лица, посторонние случайные и т. д.);

д) условия работы склада, торгового помещения или другого хранилища материальных ценностей, охрана этого помещения.

Только после получения всех этих данных.

основанных на личном ознакомлении экспертов с условиями работы подотчетного лица, на документальных данных, на объяснениях администрации и самого подотчетного лица, следователь может допустить экспертную комиссию к составлению акта.

Содержание акта должно носить характер последовательного изложения действий экспертной комиссии, с описанием самого процесса проверки материальных ценностей, окончательных результатов проверки условий, объективно способствовавших образованию недостатка (если таковая установлена), и заключения лиц, производивших экспертизу. Однако, ограничить акт только заключением комиссии будет неправильно. Поскольку экспертиза вскрыла факт недостатка ценностей, условия и причины, породившие недостаток, т. е. изучила в процессе своей работы состояние обследуемого объекта, необходимо сделать соответствующие практические выводы, вытекающие из обнаруженных недостатков. На основе выводов экспертная комиссия должна представить свои соображения в виде разработанных практиче-

ских предложений, проведение коих в жизнь исключит возможность повторения на данном участке подобных явлений. И если следователь соглашается с этими предложениями, он должен реализовать их через соответствующую администрацию, добиваясь их выполнения.

При установлении в результате следствия состава уголовно-наказуемого деяния со стороны подотчетного лица и предания его суду, следователь обязан обеспечить вызов и явку в суд основных экспертов для того, чтобы в суде они доказали правильность своего заключения и обосновали выдвинутые в акте экспертные положения. Только правильное, постоянное руководство со стороны следователя производящей по делу бухгалтерской экспертизой, доведение этого руководства до конца, изучение обстановки работы подотчетного лица, тщательное исследование всех обстоятельств, могущих влиять на результаты экспертизы, дадут нам возможность сделать объективно правильные выводы о виновности подозреваемого лица и гарантируют успех самого судебного процесса.

М. СТРОГОВИЧ

Всесоюзные учебные конференции следователей

С 20 августа по 1 сентября с. г. в Прокуратуре СССР была проведена I всесоюзная конференция народных и старших следователей, а с 1 по 10 сентября — 2 такая же конференция военных, транспортных, железнодорожных и водно-транспортных следователей. Две, непосредственно одна за другой следовавшие десятидневные конференции охватили 116 следователей (64 на 1-й и 52 на 2-й) и проходили в обстановке интенсивных занятий, упорной и живой работы всех участников конференций. Учебные конференции — дело не новое в нашей работе, конференции следователей все время проводятся в прокуратурах союзных республик, АССР, краев и областей. Но эти две всесоюзные конференции были построены в значительной мере на иных основаниях, проводились иными методами, чем это делалось до сих пор.

Конференции в Прокуратуре СССР были организованы как учебные конференции для лучших следователей. Содержанием конференций были учебные занятия по основным вопросам уголовного процесса и криминалистики, т. е. по вопросам, относящимся непосредственно к каждодневной практической работе следователей. Уровень этих занятий был взят относительно высокий, с установкой на сообщение следователям важнейших научных знаний, необходимых им для практической работы. Обычной в таких случаях проверки работы следователей, разбора расследованных ими дел, анализа допущенных ими ошибок в следственной работе не производилось. Конференции были учебными, но не методическими. Состав участников конференций был подобран из лучших следователей, знающих свое дело, показавших хорошие образцы работы. 63% участников конференций имели стаж работы в органах юстиции свыше 6 лет.

В силу этого при проведении конференций

установка была взята на сообщение следователям новых знаний, приобщение их к научным методам следственной работы. Это было основным содержанием работы обеих конференций. На 2-й конференции для следователей специальных прокуратур в последние два дня занятий были проведены специальные занятия — беседы для военных, транспортных и водно-транспортных следователей в соответствующих управлениях Прокуратуры СССР под руководством главного военного прокурора, главного транспортного железнодорожного прокурора и главного водно-транспортного прокурора по основным вопросам практической работы этих следователей. Но и для 2-й конференции основными были занятия по научным дисциплинам — уголовному процессу, криминалистике, судебной медицине и судебной психиатрии.

Характер конференции виден из тематики занятий, которую мы приводим полностью: 1) учение о доказательствах в уголовном процессе (т. А. Я. Вышинский), 2) о задачах работы следователей (т. А. Я. Вышинский), 3) основные вопросы уголовного процесса и проект УПК СССР (т. М. С. Строгович), 4) процессуальные вопросы предварительного следствия (т. М. С. Строгович), 5) планирование следственной работы (т. С. А. Голунский), 6) о следственном эксперименте (т. П. И. Тарасов-Родионов), 7) осмотр места преступления (т. И. Н. Якимов), 8) о следах (т. И. Н. Якимов), 9) исследование документов (т. С. М. Потапов), 10) применение судебной фотографии к расследованию преступлений (т. С. М. Потапов), 11) судебно-медицинская экспертиза (занятия в Институте судебной медицины), 12) судебно-психиатрическая экспертиза (занятия в институте судебной психиатрии им. Сербского), 13) методика расследования дел о хищениях и растратах (т. П. И. Тарасов-Родионов).

Состав лекторов был подобран наиболее квалифицированный (почти все профессора и доценты). Основной метод занятий — лекции. По вопросам судебной медицины и судебной психиатрии занятия были проведены в соответствующих научно-исследовательских институтах, сосредоточивших в себе громадный опыт работы и лучшие научные силы (институт судебной психиатрии имени Сербского и Институт судебной медицины).

Из изложенного видно, что основным, что преследовалось при проведении конференций, было желание приобщить наших лучших следователей к науке, пробудить в них интерес к научному знанию. Такая постановка работы конференции несомненно в значительной степени была новой. Ясно, что в течение десяти дней нельзя было дать все, что хотелось бы и что нужно знать следователям, но дать хотя бы основные начатки научных знаний, а главное — пробудить желание к дальнейшей работе в этой области было возможно и в этот, крайне краткий срок.

Вместе с тем при проведении конференций большое внимание обращалось на создание культурной обстановки работы и быта участников конференций. Мы не пытались следовать в ряде мест установившейся традиции — загружать участников конференций учебой «до отказа», заставлять их работать во время конференций с утра до ночи, так как следователи, на короткое время оторванные от практической работы, приступив к учебе, испытывают обычно большие затруднения. Поэтому чрезмерная их нагрузка учебными занятиями неизбежно должна была бы иметь отрицательные результаты: плохую усвояемость, путаницу в различных вопросах и т. д. Занятия на конференции были уложены в 6-ти часовой рабочий день; в свободное от занятий время был организован культурный отдых — посещение театров в день авиации (25/VIII) — весь состав наличных участников конференции был на Тушинском аэродроме, было проведено организованное посещение музея Ленина и осмотр строительства канала Волга-Москва (1-я конференция) и Перервинского шлюза, канала Волга-Москва (2-я конференция). В кабинете судебного права Всесоюзной правовой академии участники конференции знакомили с общей постановкой системы правового образования в СССР, с судебными системами буржуазных государств и т. д.

При подведении итогов конференции все следователи отмечали, что конференция прошла успешно и что ее участники получили очень много.

Вместе с тем следует признать, что опыт подобных конференций, несомненно удавшийся, показывает, что при проведении конференций имели место и достаточно существенные дефекты, которые в будущем должны быть устранены. Таким дефектом в первую очередь был чрезмерно «словесный» характер занятий, слишком слабо оснащенных практической проработкой вопросов научной техники расследования. Отдельные лекции — о судебной фото-

графии, о следах — не сопровождались показом соответствующей аппаратуры, работой с соответствующими приборами и т. д., вследствие чего не всегда были понятны и не дали следователям достаточно нужных знаний. Далее, мало внимания было уделено теоретическим вопросам, без которых невозможна практическая следственная работа; мало времени было уделено вопросам уголовного процесса и совсем выпали из занятий конференции вопросы уголовного права. Наконец, занятия шли только лекционным методом, без проведения со следователями специальных занятий, на которых следовало бы проверить усвояемость следователями прослушанных лекций, разрешать совместно с ними возникающие у них вопросы, наглядно показывать им образцы и методы следственной работы и т. д.

Все это было отмечено на совещании при прокуроре СССР и по указанию т. А. Я. Вышинского следующие конференции, которые должны быть проведены в Прокуратуре СССР в декабре 1936 г., будут увеличены до 15 дней и на них, кроме прежних тем, будут проведены занятия по теоретическим вопросам уголовного права и уголовного процесса; следователям будут даны сведения из области новейшего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в СССР и в буржуазных государствах и с ними будут вестись практические занятия (в небольших группах) по вопросам техники и методики расследования. Несомненно, это даст больший результат, чем тот, который получился от конференций августа-сентября 1936 г.

Вместе с тем необходимо особое внимание обратить на то, чтобы опыт проведенных конференций был широко использован на местах, при проведении конференций следователей в прокуратурах краев, областей, автономных и союзных республик. При проведении этих конференций необходимо обеспечивать не только разрешение текущих вопросов следственной практики, выправлять наиболее типичные ошибки работы следователей (что, разумеется, также важно и необходимо), но и давать следователям научные знания с достаточной глубиной и основательностью и повышать их идейно-политический и культурный уровень. Конференции следователей, как одно из звеньев системы мер повышения квалификации следователей, должны сыграть свою роль в создании, в выращивании таких следователей, которые будут успешно выполнять свои обязанности, которые будут достойны тех высоких задач, которые новая сталинская Конституция СССР ставит перед всеми работниками юстиции. Создать «политически сознательного, непреклонного, мужественного, искусного, грамотного, высоко культурного, политически высоко подготовленного следователя» (А. Я. Вышинский¹) — такова основная неотложная и актуальная задача.

¹ Из речи т. А. Я. Вышинского на совещании с районными следователями в Прокуратуре СССР 29 мая 1936 г. («Социалистическая законность» № 7, за 1936 г.).

Повышение квалификации народных следователей

Еще в 1934 г. Всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры заострило внимание на необходимости решительного улучшения качества следствия.

Это требование могло быть выполнено лишь при условии резкого поднятия квалификации наличных кадров следователей, что вполне естественно требовало длительной и упорной работы со стороны всех органов прокуратуры и, в первую очередь, со стороны областных краевых прокуратур.

Программа этой работы с достаточной полнотой была намечена Всесоюзным совещанием, которое в своих решениях указало:

«Исходя из решающей роли в деле повышения качества судебной работы и предварительного расследования, необходимо повысить ответственность прокурора и народного следователя за качество следственного материала и расследования в целом, в связи с чем:

а) прекратить практику направления на следственную работу при распределении окончивших учебу худших и во вторую очередь, как это имело место до настоящего времени;

б) обеспечить систематическую работу по повышению качества подготовки следователей и их переквалификацию путем созыва периодических следовательских конференций (при участии прокуроров), путем охвата работников следственного аппарата и прокуратуры заочными курсами, введением в практику следственных упражнений и т. п.

Просить секцию уголовного процесса и техники расследования института по изучению преступности, центральные заочные курсы Московского института совправа и Прокуратуры Союза взять на себя руководство академической стороной этого дела, путем разработки и направления на места соответствующих методических указаний как непосредственно, так и через прокуратуры союзных республик;

в) установить специальный качественный учет работы следователей и прокуроров по показателям, разработанным Прокуратурой Союза;

г) установить обязательные периодические командировки в центр на 1—3 месяца для работников районных и краевых, областных прокуратур для повышения их квалификации».

Однако следует констатировать, что за истекшие два с половиной года в этом направлении сделано еще слишком мало.

Правда, Институтом уголовной политики за это время был выпущен ряд методических писем и более солидных трудов по вопросам уголовного процесса и криминалистики, однако это являлось крайне недостаточным по сравнению с колоссальной нуждой местных органов прокуратуры и следствия в литературе по вопросам следствия.

Неудовлетворительно обстояло дело и с переподготовкой следовательских кадров на местах.

В ряде областей и краев РСФСР эта работа была развернута в безусловно недостаточных размерах и подчас велась без плана, от случая к случаю, кустарно.

На состоявшемся в Прокуратуре Союза в конце мая с. г. совещании народных следователей Московской, Ярославской и Калининской областей, только закончивших учебу на очередных созывах конференций-курсов, организованных Московской и Калининской облпрокуратурами, вновь со всей остротой стал вопрос о серьезном отставании наших следственных кадров от роста предъявляемых к нему высоких требований.

Тов. Вышинский в своем выступлении на этом совещании обрисовал облик народного следователя, каким он должен быть. Народный следователь Советского союза должен быть высококвалифицированным специалистом «он должен обладать необходимым политическим авторитетом и внушать уважение населению своего района». Народный следователь должен являться примером в осуществлении исторических указаний товарища Сталина о чутком и бережном отношении к человеку, он должен самоотверженно бороться за выполнение указаний нашей партии и правительства в области социалистической законности.

В своем заключительном слове тов. Вышинский подчеркнул, что в ближайшие годы нам придется работать с тем следственным аппаратом, который мы имеем, поэтому основное внимание сейчас должно быть уделено вопросам повышения квалификации и культурного уровня наличных следственных кадров, причем основная тяжесть этой работы ложится на областные краевые прокуратуры.

Подчеркивая тем самым особую необходимость периодических созывов конференций-курсов следователей, Прокуратура Союза ССР по инициативе А. Я. Вышинского в течение августа—сентября с. г. организовала и провела два созыва всесоюзных учебных конференций следователей.

На первый созыв были вызваны лучшие народные следователи областных, краевых, автономных прокуратур всех союзных республик. Вторым созывом были охвачены также лучшие военные, транспортные, железнодорожные и водные следователи.

Организация и проведение этих конференций могут послужить прекрасным примером для всех краевых, областных прокуратур всех союзных и автономных республик.

Задачей всех краевых, областных прокуратур является — быстро подхватить это прекрасное начинание Прокуратуры Союза ССР.

Проведя два созыва учебных конференций следователей, Прокуратура Союза ССР тем самым еще раз подчеркнула всю важность и необходимость широкого применения на местах этого метода переподготовки следственных кадров без отрыва их от работы.

На первом созыве всесоюзных конференций-курсов были лучшие народные следователи со всего Союза ССР, многие же краевые, областные прокуратуры прислали старших следователей. Однако в результате более близкого знакомства с этими следователями в период

конференции следует прийти к выводу, что всем им надо еще учиться и упорно работать над собой, чтобы выйти на уровень тех высоких требований, предъявляемых в настоящее время к следователям, которые так красочно были очерчены тов. А. Я. Вышинским.

Чтобы облегчить эту работу в области переподготовки наших народных следователей, мы хотим поделиться опытом Московской областной прокуратуры, которая, начиная с 1934 г., систематически ведет большую работу по улучшению следствия и повышению квалификации следователей.

Большую роль в повышении квалификации следователей должно сыграть максимальное вовлечение народных следователей и прокуроров в заочную учебу в правовых институтах с обеспечением возможности этой учебы и обязательный периодический созыв краткосрочных конференций-курсов следователей, а также и индивидуальная работа с наиболее квалифицированными следователями. В этом направлении Московская областная прокуратура проводила свою работу.

Бесспорным недочетом проводимых Московской областной прокуратурой в 1934—1935 гг. конференций-курсов являлось то, что следователи вызывались на них по территориальному признаку, без учета степени их подготовки. Это объяснялось в известной мере отсутствием опыта, недостаточным знанием в 1934 г. своих следственных кадров, необходимостью вести в 1935 г. занятия со всеми по единой программе юрминимума, поскольку все созывы конференций-курсов в 1935 г. имели своей целью оказание помощи прокурорско-судебно-следственным работникам в подготовке к сдаче юрминимума.

В течение 1935 г. были достигнуты некоторые успехи в части закрепления следственных кадров, поднятия дисциплины, увеличения прогнуской способности и улучшения качества работы следователей; все следователи к концу 1935 г. сдали зачеты по первой половине программы юрминимума. В то же время, детально изучив каждого следователя, методбюро Московской прокуратуры, намечая план своей работы на 1936 г., смогло уже осуществить хотя и не в полной мере дифференцированный подход к повышению квалификации каждого народного следователя.

Методбюро Московской областной прокуратуры в 1936 г. особое внимание уделило организации и проведению конференций-курсов, разработав программы занятий на каждом созыве конференций.

Эти краткосрочные курсы могли охватить не менее 100—125 человек народных следователей Московской области и, помимо того, не менее 30—40 следователей Ярославской области. (Московская областная прокуратура взяла в 1936 г. на себя обязательство оказывать в течение года вновь организованной Ярославской облпрокуратуре систематическую помощь в части улучшения руководства следствием и повышения квалификации народных следователей Ярославской области).

Самый первый созыв курсов предназначался исключительно для молодых следователей, не имеющих почти никакого опыта следственной работы.

Второй созыв был намечен, в основном, для наиболее слабых отстающих следователей, хотя и имеющих известный стаж работы.

Наконец, третий, четвертый, а если удастся, то и пятый созыв предназначался для следователей средней квалификации.

Таким образом, конференции-курсы для более квалифицированных следователей, исходя из имеющихся возможностей, в этом году не предназначались, хотя эта работа важная и в ближайшем будущем должна быть проведена.

Программа занятий первого созыва конференций-курсов для молодых следователей рассчитана на 48 час. (по 8 час. в день), из которых 4 часа было выделено уголовному праву, 16 час.—уголовному процессу, 20 час.—криминалистике и 8 час.—консультации по всем вопросам следствия и коллективному разбору следственных дел, привезенных с собой следователями, поскольку все следователи вызывались на конференции-курсы с оставшимися у них в производстве неоконченными делами.

Распределение количества часов было произведено, исходя из объема вопросов, подлежащих проработке, с учетом намеченного метода проведения занятий по каждой дисциплине.

По уголовному праву были намечены следующие темы: а) умысел и неосторожность; б) соучастие и недостоинство; в) покушение и приготовление; г) законы от 7/VIII 1932 г. и от 7/IV 1935 г.; д) понятие должностного лица и ст. 111 УК.

Занятия по этим темам проводятся исключительно лекционным путем.

По уголовному процессу в программу первого созыва конференций-курсов включены следующие темы: а) основные стадии и принципы уголовного процесса; б) учение о доказательствах; в) возбуждение уголовного дела; г) подследственность; д) принципы стадии предварительного следствия; е) важнейшие процессуальные нормы в стадии предварительного следствия.

Эти темы должны быть проработаны за 8 лекционных часов. Остальные выделенные на уголовный процесс 8 часов, были отведены на практические занятия по составлению следователями-курсантами постановлений о возбуждении уголовного дела, о принятии дела к своему производству, о привлечении в качестве обвиняемого, об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей, о производстве обыска.

Наконец, по криминалистике в программу занятий включены следующие темы: а) плановость расследования; б) осмотр места происшествия; в) следы; г) следственный эксперимент (осмотры-инсценировки); д) техника проведения и оформления экспертиз.

На проработку этих тем отведено 8 лекционных часов и 12 часов для практических занятий по составлению плана расследования путем проведения следственного угнражнения и по проведению и оформлению осмотра места происшествия (с составлением протокола осмотра и плана места происшествия).

Для второго созыва конференций-курсов тематический план учебы несколько изменен с учетом того, что эта группа следователей уже сдала зачеты по первой половине программы юрминимума и наиболее слабым местом для них являются другие вопросы.

По уголовному процессу для второго созыва были намечены лишь следующие темы, проработка которых должна быть более углубленной: а) учение о доказательствах; б) возбуждение уголовного дела; в) подслед-

ственность; г) принципы предварительного следствия.

В соответствии с этим для проработки этих тем было отведено 9 лекционных часов и 3 часа для практических занятий по составлению важнейших постановлений.

По криминалистике тематика занятий в основном оставлена в том же объеме, как и для первого созыва, но было увеличено число часов, отведенных для проработки этих тем, за счет сокращения часов, выделенных на проведение практических занятий по составлению плана расследования (вместо двух — одно следственное упражнение). Также несколько сокращено было количество часов, отведенных для коллективного разбора приведенных с собою следователями неоконченных дел.

За счет этого в программе учебы второго созыва было отведено 4 часа лекционным занятиям по судебной медицине (осмотр трупа, трупные пятна, трупное окоченение, характер ранений) и 4 часа лекционным занятиям по соц. учету (бухгалтерский учет, оформление и документация инвентаризации, выявление и документальное оформление недостатков, организация и проведение судебно-бухгалтерских экспертиз).

Наконец для третьего и последующих созывов конференций-курсов 1936 г. разработан единый тематический план учебы с минимальным количеством вопросов, подлежащих проработке по уголовному праву, процессу и криминалистике с сохранением того же количества учебных часов, что дает возможность все эти вопросы поставить гораздо глубже и более детально провести практические занятия, например, при проведении осмотра места происшествия с обязательным снятием слепков со следов, с фотосъемкой места происшествия и т. д.

В то же время в программу занятий для следователей средней квалификации наряду с вопросами судебной медицины и бухгалтерского учета включены также и вопросы подготовки назначения и проведения экспертизы документов.

С наиболее квалифицированными следователями, в большинстве являющимися слушателями заочного Правового института или имеющими законченное высшее образование, поскольку они, очевидно, не смогут быть пропущены в этом году через конференции-курсы, Методбюро Московской областной прокуратуры проводит в жизнь особый метод повышения квалификации следователей, заключающийся в том, что каждому из этих следователей даются индивидуальные задания: детально проработать отдельные темы по уголовному процессу и криминалистике и составить на основе этой проработки план методического письма на эту тему, а после утверждения последнего Методбюро, — составить по этому плану развернутое теоретически обоснованное и достаточно иллюстрированное примерами методическое письмо.

При проведении следователями этой работы вполне естественно Методбюро оказывает им максимальную помощь.

Практика показала всю целесообразность такого метода дальнейшего повышения квалификации наиболее опытных следователей. Несколько таких работ следователей уже опубликованы в печатных материалах Московской областной прокуратуры.

Также полностью оправдал себя и тематический план учебы закончившихся трех первых созывов конференций-курсов, через которые было пропущено 63 следователя Московской и 23 следователя Ярославской областей.

В выпускавшихся на каждом созыве конференций-курсов стенных газетах и на заключительных конференциях все до одного следователи Московской и Ярославской областей особо отметили удачно построенный план учебы как в части тематики, так и в части методов преподавания, правильного сочетания лекционных и практических занятий.

В значительной мере успешному прохождению учебы на конференциях-курсах способствовал, конечно, удачный подбор достаточно квалифицированных преподавательских сил, а также тщательная предварительная проработка всех проводившихся на конференциях-курсах практических занятий.

Опыт показал, что вполне правильным и своевременным являлось включение в программу учебы практических занятий по криминалистике и в частности по осмотру места происшествия.

Надо констатировать, что большинство наших следователей за последние годы все свое внимание переклонули на расследование дел о должностных преступлениях, в результате чего разучились, а молодые работники и не имели возможности научиться вести такие дела как об убийствах, поджогах и кражах, хищениях со взломом.

Сейчас, когда перед следователями поставлено требование обязательного выезда на место происшествия во всех случаях убийств, поджогов и других серьезных преступлений, многие из следователей, прибыв на место происшествия, чувствуют себя беспомощными и не в состоянии произвести тщательный осмотр и оформить его составлением юридически грамотного и понятно изложенного протокола. Не лучше обстоит дело и с составлением плана места происшествия.

Все это с особой убедительностью выявили практические занятия на конференциях-курсах, когда на втором и третьем созывах даже более квалифицированные следователи, обладающие большим стажем работы, как исключение вызванные на эти созывы конференций-курсов, не сумели произвести тщательный осмотр и удовлетворительно оформить его.

При проведении практических занятий курсанты разбивались на две подгруппы по 15—17 чел. в каждой, причем с каждой подгруппой занятия проводились разными преподавателями.

Следует указать, что такое разделение групп при проведении практических занятий, особенно при проведении осмотра места происшествия, оказалось безусловно необходимым, так как обеспечило каждому курсанту возможность полностью провести всю работу, не мешая при этом своим товарищам. Конечно было бы еще лучше разбить группу на большее число подгрупп, однако, это сопряжено с необходимостью иметь большое число вполне квалифицированных преподавателей.

Из всех практических занятий, проводившихся на трех первых созывах конференций-курсов, организованных Московской областной прокуратурой, наибольший интерес представляют практические занятия по осмотру места происшествия, поскольку такие занятия до сих пор почти нигде не проводились, в то время

как они имеют большое значение, особенно в связи с расширением круга дел, отнесенных к следовательской подследственности.

На каждом из созывов конференций-курсов для каждой подгруппы были проведены различные практические занятия по осмотру места происшествия.

Чтобы лучше уяснить организацию и проведение таких практических занятий, мы остановились на анализе одного из таких занятий.

Темой занятия являлся осмотр места происшествия на открытой местности.

Занятия были организованы и проведены в Парке культуры и отдыха г. Подольска, где проходили работы конференций-курсов, причем на месте «происшествия» все было заранее инсценировано.

В отдаленной части парка, на поляне, между кустов орешника был положен «условный труп» (пальто) молодой женщины, возле головы которого оказалась лужа крови. Обыкновенные красные чернила, пролитые в этом месте на траву, и землю, дали прекрасную картину лужи крови. Возле трупа был оставлен автоматический револьвер системы «Браунинг № 1».

Помимо этого был сделан ряд искусственных следов преступления.

Прибывшим на место «происшествия» следователям-курсантам были сообщены условные и предварительные данные о том, что труп женщины одет в платье, которое в полном порядке, что труп лежит на левом боку, руки расположены в соответствии с положением рукавов пальто, что в области правого виска головы трупа имеется огнестрельное ранение со следами ожога и пр.

В качестве предварительных данных следователям-курсантам было сообщено также, что труп был обнаружен рано утром сторожем парка.

Перед следователями-курсантами была поставлена задача: в результате осмотра места происшествия разрешить вопрос, что было в данном случае — убийство или самоубийство, и наметить возможные версии для последующего расследования.

Особую трудность представляло в условиях общедоступного парка найти все, относящееся к данному происшествию, и уметь отличить «следы», оставленные гуляющими и отдыхающими, — а таких «следов», конечно, было не мало, — от следов, относящихся к данному происшествию.

Чтобы избежать сутолоки возле «трупа», курсантам было предложено приступить к составлению плана места происшествия и поодиночке, в порядке очереди, подходить и осматривать местность как непосредственно вокруг трупа, так и все в окрестности, отмечая себе для протокола осмотра все необходимое, но ничего не трогая с места.

В результате так называемого «статического» осмотра почти все следователи отметили оставшуюся возле трупа одну свежую цветную конфетную оберточную бумажку и находившийся в 1,5 м от трупа также свежий недокуренный окуроч папиросы «Интурист» с изжеванным кончиком мундштука, заранее положенные на место происшествия. Наряду с этим, почти все следователи записали найденные ими вблизи старые окурки и обрывки бумаги, хотя сразу по внешнему виду можно было определить, что эти предметы лежат

здесь давно и систематически подвергались действию солнца и дождя.

В то же время, несмотря на наличие возле трупа автоматического револьвера, почти никто из курсантов не обнаружил затерявшуюся в траве недалеко от трупа стреляную гильзу.

Значительная часть следователей обнаружила также на планках и досках деревянного забора, находящегося в 2,5 м от трупа, следы: остатки земли на планках и полосы на доске забора, оставленные перелезшим через забор человеком. Некоторые из следователей обнаружили также застрявшие в этом же месте в расщелинах остроконечной доски верхнего края забора несколько коричневых шерстяных ниток, как бы вырванных из костюма человека, перелезавшего в этом месте через забор. Все это, конечно, заранее было инсценировано.

При осмотре трупа следователи-курсанты под правой рукой трупа обнаружили записку следующего содержания: «Жить очень тяжело. Больше так не могу. Леля». Надо отметить, что лишь немногие из следователей обратили внимание на то, что текст записки является продолжением вышенаписанного и затем неаккуратно оторванного текста, последнюю строчку которого, «приходи сегодня в парк к кругу в 8 вечера» можно было разобрать по сохранившимся на верхнем крае записки нижним половинам текста оборванной строки.

Условно всем следователям было заявлено, что в карманах одежды покойной был обнаружен носовой платок и пропуск на механический з-д на имя работницы Ивановой Ольги. Ни спичек, ни папирос, ни табачной трухи в карманах не оказалось. Однако из этих данных лишь немногие следователи сделали вывод, что обнаруженный свежий недокуренный окуроч был брошен не потерпевшей.

После осмотра местности непосредственно вокруг трупа, далеко не все следователи приступили к осмотру окружающей местности парка и лишь немногие следователи обнаружили и отметили валявшиеся в 20 метрах от трупа в траве, возле тропинки, ведущей к главной аллее центральной части парка, вторую конфетную оберточную бумажку, такую же, как и возле трупа, а так же второй свежий окуроч папиросы «Интурист» с изжеванным мундштуком.

Наконец, лишь единичные следователи, продолжив осмотр в этом направлении, обнаружили возле одной из скамеек на главной аллее парка четыре точно такие же конфетные бумажки, шесть окуроч папирос «Интурист», также с изжеванными кончиками мундштука, несколько обгорелых, частично поломанных спичек и скомканную изорванную свежую газету «Правда».

Конечно, все это заранее было там положено.

Однако по своей инициативе ни один из следователей не обратил внимания на оставшуюся на газете наклейку, часть которой с адресом и фамилией получателя была оторвана, однако, другая часть с номером подписки сохранилась.

В результате осмотра, следователи пришли к выводу, что в данном случае очевидно имело место убийство, однако, далеко не все следователи смогли правильно наметить возможные версии.

Составленные следователями протоколы осмотра и планы места происшествия имели

крупнейшие дефекты. Следует отметить, что ряд следователей, хорошо производивших осмотр, так плохо составили протокол осмотра, что свели на-нет всю свою работу по осмотру, так как не зафиксировали самого главного.

Опыт проведения подобных практических занятий, поскольку следователи не смогли разрешить такую элементарную задачу, говорит о необходимости обратиться на эту важнейшую часть работы следователя особое внимание.

Надо особо отметить, что такие неудовлетворительные у большинства следователей результаты произведенного ими осмотра места происшествия имели место несмотря на то, что этому практическому занятию предшествовали девятичасовые лекционные занятия на тему о следах, об осмотре места происшествия, о технике составления протокола осмотра и плана места происшествия, а также и по судебной медицине.

Бесспорно, сочетание лекционных занятий, групповой проработки и после этого практических занятий по осмотру места происшествия дадут возможность следователям легче справиться с разрешением задачи, поставленной практическим занятием, и еще лучше закрепить полученные знания.

Проведенные Московской областной прокуратурой практические занятия по осмотру места происшествия получили наилучшие отзывы со стороны следователей-курсантов.

Надо отметить, что этот метод практических занятий был применен и на конференциях-

курсах Калининской областной прокуратуры, причем и там он получил самый лучший отзыв со стороны следователей.

Расширяя и углубляя учебу для следователей, применяя все уже испытанные и оправдавшие себя методы повышения квалификации следователей, общими усилиями всех судебно-прокурорских органов и, в первую очередь, повседневной работой областных (краевых) прокуратур, мы добьемся решительного улучшения качества следствия и такого положения, когда наш следственный аппарат будет стоять на уровне предъявляемых к нему требований.

Такое положение может быть достигнуто при условии включения в повседневную учебу, в овладение техникой своей сложной работы всех до одного следователей, при условии, если все следователи, не обладающие необходимой юридической и технической грамотностью, по примеру следователей Московской и Ярославской областей, возьмут на себя обязательство к концу 1936 г. овладеть минимумом необходимых знаний.

Успешному проведению всей этой работы по повышению квалификации следователей должна способствовать проводящаяся сейчас подготовительная работа по отнесению следователей к различным устанавливаемым служебным разрядам.

Каждый следователь должен оправдать высокое звание народного следователя Советского союза — страны строительства свободной, счастливой, новой, социалистической жизни.

Совещание Прокурора Союза ССР т. А. Я. Вышинского с народными следователями

В Прокуратуре Союза состоялось совещание прокурора Союза т. А. Я. Вышинского с народными следователями, приехавшими на созванную группой правового образования Прокуратуры Союза учебную конференцию.

Открывая совещание, руководитель правовой группы Прокуратуры Союза ССР т. Строгович сказал: сегодняшний вечер нашей конференции мы решили посвятить в отступление от общего плана проведения конференции небольшой беседе следователей с прокурором Союза. Я думаю, что мы организуем нашу беседу таким образом: следователи, прослушавшие программу конференции, подведут сейчас некоторые итоги, выскажут свои соображения о том, что дала конференция, какие дефекты они обнаружили в ее работе. Дело в том, что эта конференция первая, но не последняя и нам важно учесть опыт конференции.

Одновременно с этим товарищи следователи выскажут соображения, которые накопились у них в работе на периферии, может быть, некоторые претензии, может быть, просьбы или пожелания.

Я думаю, в таком порядке, не стесняя себя определенными рамками, мы эту беседу проведем. Я просил бы высказаться по существу конференции, во-первых, по существу некоторых вопросов практической работы, во-вторых, кто желает получить слово.

Жучков (Московская область) — Для каждого из следователей, сидящих здесь, ясно, что

знаниями, которые он здесь получил, он должен поделиться со своими товарищами на периферии.

Мне много здесь дали по вопросу о судебной медицине. Судебная медицина для следователей очень важна. Несколько часов, проведенных в Институте судебной медицины, мне многое дали. Я думаю, что все участники конференции подтвердят, что эти часы нам многое дали.

До сих пор я имел только смутное представление о производстве следственных экспериментов, но теперь, уходя отсюда, я буду иметь возможность сам на практике у себя в районе ставить следственные эксперименты.

Кроме того, много нам дал осмотр криминалистического музея, или, например, когда нам рассказывали о вещественных доказательствах, о сохранении их и порядке направления на судебно-медицинскую экспертизу. Я думаю, что нам нужно будет повторить учебные конференции.

Гарбузов (Дагестан) — Эта конференция является первым опытом за все время существования наших органов. То, что мы здесь получили, дает определенную основу для дальнейшей нашей работы.

Я полагаю, что в дальнейшем этот опыт необходимо углубить. Необходимо, чтобы на местах мы имели соответствующую литературу, чтобы мы могли справиться с теми задачами, которые возникают на сегодняшний день.

Если мы будем периодически встречаться на конференциях и пополнять свои знания новыми указаниями, новым опытом, это даст положительные результаты в нашей работе.

Все те сведения практического порядка, которые мы здесь получили, мы передадим нашим товарищам на местах. Мы постараемся записать литературой, чтобы на местах наша работа была положительной.

Мухамедов (Крым) — Этот опыт участия в научно-методической конференции является для меня не первым. В Крымской прокуратуре и в методическом бюро нашем, работа со следователями поставлена хорошо. Наше методическое бюро отмечено на конкурсе, как стоящее не на последнем месте. Я работаю два года в системе Крымской прокуратуры. Участвовал на пяти конференциях, которые были созданы нашим методом. Программа этих конференций была построена приблизительно так, как построена программа конференции, созванной Прокуратурой Союза.

Однако некоторые лекции были для нас настоящим откровением, в частности, лекция т. Строговича и затем т. Голунского относительно планирования работы следователей. Я два раза слушал у себя в Крымской прокуратуре лекции подобного рода, но не в такой постановке, которая была дана т. Голунским. Тов. Голунский наглядно и убедительно обрисовал нам этот вопрос, все преимущества, которые дает планировка работы, и я вижу, что теперь я смогу работать в плановом порядке. Мое мнение, что такого рода конференции очень много дадут знаний следователям. Хорошо бы устраивать такие конференции не только во всесоюзном масштабе, когда от каждой республики могут присутствовать несколько человек, но и в республиканском и краевом. Я думаю, что Прокуратура Союза нам поможет форсировать устройство таких конференций на местах.

Альговзен (Донецкая область) — Я не буду останавливаться на вопросе о пользе этой конференции. Я хочу сказать о недостатках. Один недостаток — это отсутствие каких-либо докладов и лекций по вопросам методики расследования хозяйственных преступлений. Прошло шесть дней, и мы ни одной лекции о методике расследования хозяйственных преступлений не слышали.

Тов. Вышинский — Вы их еще услышите.

Альговзен — У нас 50% дел проходят по этой отрасли, в особенности в областном аппарате. В основном у нас дела хозяйственные. У нас уголовные дела...

Тов. Вышинский — Какая разница между хозяйственным делом и уголовным — хозяйственное дело это тоже связано с преступлением.

Альговзен — Это совершенно верно, но тут нет убийств. К этим делам надо подходить совершенно иначе. Я пришел к выводу, что чем дальше, тем труднее приходится с расследованием дел о хищениях, потому что эти преступники становятся все хитрее.

Весь материал лекционный, который мы получили на конференции за несколько дней, много даст народным следователям в смысле повышения их знаний в области расследования, в области методики расследования тех дел, которые связаны с убийствами.

Что я считаю нужно сделать в дальнейшем? Необходимо, чтобы в областном центре устраивались семинары для народных следователей.

Почти во всех областных центрах имеются научные силы. Можно это разумное начинание продолжить в областном центре.

Ордынский (Ленинградская область) — 12 лет я работал следователем; последние пять лет я работаю в Ленинградском институте советского права. Я хочу остановиться на том, что представляет собой такая конференция для работников моего уровня. На местах имеются кадры старых работников, которые ведут руководящую работу и передают свой опыт. И вот для этих кадровых работников, без сомнения, чрезвычайно полезны подобные конференции, так как только здесь мы сможем ознакомиться со всеми новейшими достижениями. Я считаю, что одним из больших достижений этой конференции является непосредственное общение между работниками периферии и Союзной прокуратуры. Работая в Ленинграде, я задавал себе вопрос, почему моя работа раньше была более продуктивной чем сейчас. И теперь, когда я встретился с работниками Украины, я увидел, что в структуре работы Украины и РСФСР имеется разница в мелочах, хотя и очень существенных. Например, на Украине следователь ведет наблюдение за работой милиции. Там каждый ответственный дежурный по отделению милиции является с докладом к следователю и получает от него инструктаж.

Тов. Вышинский — Очень плохо.

Ордынский — Это имеет и хорошие стороны.

Тов. Вышинский — Это, когда следователю нечего делать. Наша задача, чтобы следователь был только следователем, а не помощником прокурора, чтобы он знал только судебное следствие.

Ордынский — Я согласен, что это имеет и отрицательные стороны, но имеет и положительные в том смысле, что следователь может отбирать себе более важные дела. Следователь на Украине имеет своего канцелярского работника, а в РСФСР этого нет. Вся канцелярия подчинена секретарю и прокурору, а работу следователя выполняют в последнюю очередь, что конечно, отражается на работе. Затем, у них на три следователя имеется два курьера, которые разносят повестки, а у нас один курьер на всю районную прокуратуру, повесток он не разносит, милиция их разносить отказывается, в результате мы их посылаем почтой, но почта обратно не возвращает отрывного талона, таким образом, мы никогда не можем знать, получил человек повестку или нет; очень часто вызываемые нами люди не приходят, что отражается на работе и ставит нас в тяжелое положение. Вот вам примеры разницы построения работы на Украине и в РСФСР.

Здесь предложили говорить не о достоинствах, а о недостатках. Я считаю необходимым усилить элементы лабораторного опыта.

Затем я считаю, что было бы целесообразно снабдить нас хотя бы неполным следственным чемоданом. При наших ставках мы сами купить этого не можем. Очень трудно получать литературу.

В дальнейшем, если будет усилена опытная работа конференции, если будут приняты меры в отношении снабжения следователя, то ценность этих конференций возрастет, но конференция и в настоящем виде очень ценна.

Негришвили (ССР Грузии) — Говоря о значении этой конференции, надо сказать, что

хорошо уже то, что наконец-то вспомнили о следователях. Правильно сказал т. Вышинский, что он больше интересуется отрицательными сторонами этой конференции. Нам тут прочли очень важные лекции, но они не были соответственно дополнены. Я очень благодарна т. Якимову, ибо его лекция для меня была весьма важна, но все несчастье заключается в том, что т. Якимов наверное по объективным причинам не мог продемонстрировать перед нами все то, о чем он говорил. Поэтому я считаю, что в дальнейшем, когда мы будем созывать такие конференции, надо обращать внимание не только на теорию, но и на практические занятия. Я вспоминаю лекцию т. Якимова. Он говорил об осмотре места преступления, труп и т. д. Мне кажется, что не только нужно было говорить, а нужно было показать, нужно было хотя бы один раз организовать осмотр места, ибо т. Якимов не согласен с т. Грозовым в отношении осмотра места, так что нужно было перед нами продемонстрировать те вопросы, которые были заданы лекторами в лекциях. Это, по-моему, является большим минусом конференции. О положительной стороне этой конференции я говорить не буду, потому что это ясно для всех.

Я хочу поставить еще один вопрос. Мне кажется, что не только надо созывать учебные конференции, но и оперативные совещания следователей. Вернее говоря, оперативные конференции, чем угодно назовите эти совещания, но нужно, чтобы следователи собирались и могли делиться опытом. У наших следователей имеются весьма разнообразные дела и вот интересно было бы поделиться и выслушать не только отдельных профессоров и лекторов, но и отдельных следователей, как по данному конкретному делу они ведут следствие. Это нам дало бы довольно хорошую практику.

Иванов (Башкирия) — Борьба за высокое качество следствия, борьба за быстрые сроки расследования является одной из основных задач народного следователя. Всесоюзная конференция народных следователей — это такое явление, которое подтверждает, насколько сейчас Прокуратура Союза в лице прокурора Союза т. Вышинского и его помощников уделяет внимание следствию. Мы с вами сегодня уже отмечали, что не только теперь поднят вопрос о повышении качества следствия, уже примерно два года ведется большая работа, которая дает чрезвычайно большие результаты на местах.

Я хотел бы обратить внимание на то, что нам больше нужно было получить в области техники расследования. Я считаю, как и представитель Грузии, что было бы желательно, если бы следователи поделились здесь своим опытом. Это было бы не плохо. Мы после лекции все равно обменивались своим опытом.

Мы здесь прослушали ряд лекций. Актуальность этих лекций несомненна. Но я хочу обратить внимание на один момент: лекция т. Потапова продолжалась 6 час., это чрезвычайно утомительно и для лектора и для нас.

Фотография — это чрезвычайно важное для нас дело, хотя мы только на словах этим интересуемся, у нас фотоаппаратов нет. Я считаю, что нам этот недостаток нужно исправлять.

Почему такое внимание обращается сейчас на качество следствия? По-моему, это ясно — забота о живом человеке, которая поставлена товарищем Сталиным во главу нашей работы, — отсюда и наши задачи. Что значит произвести следствие, что значит закончить дело и привлечь к ответственности? Мы отлично это понимаем. Я считаю, что один случай неправильного привлечения к ответственности или просто дергание человека заставляет переживать большие неприятности, и никогда нам за это спасибо не скажут. Одним таким случаем можно смазать все 100% нашей работы.

Я хочу отметить, что сейчас Башкирия в части борьбы за высокое качество следствия имеет некоторые успехи. Методбюро при Башкирской прокуратуре (раньше при Наркомюсте) сейчас активно помогает следователям значительно повышать свои знания.

Есть прокуроры, которые хорошо руководят, но отдельные прокуроры во всем доверяют следователям и утверждают такие заключения, которые из подготовительного заседания судом возвращаются обратно. На это в Башкирской прокуратуре обращено особое внимание. У нас организована там сейчас соответствующая конференция районных прокуроров.

Джафарова (Азербайджан) — Я не буду повторять того, что говорили мои соседи, в частности, очень правильно указывали на необходимость сочетания прослушанных лекций с практической работой. Большим недостатком этой конференции является то, что пришлось теорию некоторым образом скомкать. Лекторы касаются массы интересных вопросов и все время ссылаются на то, что за недостатком времени им приходится упускать то или другое. На второй конференции нужно будет увеличить сроки, чтобы шире охватить поставленные вопросы.

В беседах товарищи со мной согласились. Среди нас очень много окончивших юридические вузы. При построении лекций, лекторы должны были более глубоко затронуть вопросы следствия, а нам же было все несколько упрощенно рассказано и приведены отдельные случаи. Я считаю, что это нужно приподнести на более высокой научной основе. Очень многое, что мы здесь слышали, мы проходили уже в вузах.

Тов. Вышинский — А кое что и новое услышали?

Джафарова — Кое что новое слышали, примерно процентов 15.

Тов. Вышинский — Если вы 15 процентов нового услышали — очень хорошо.

Джафарова — При проведении второй конференции я хочу, чтобы поставили вопрос о квалификации преступлений, так как мы знаем, что следователи с большим стажем и прокуроры очень часто спорят, как квалифицировать преступление в тех или иных затруднительных случаях.

Нам нужна новейшая литература. Хотелось, чтобы наши товарищи в Баку, которые не имели возможности услышать эти новшества, могли с ними ознакомиться на дому.

У меня большая просьба к т. Вышинскому. За последнее время в прокуратуре Азербайджана прошел ряд серьезных дел. В результате ряд дел приходилось прекращать. Это объясняется тем, что ряд районных следователей, не имеющих соответствующего руководства со стороны прокуроров. Зачастую прокуроры не могут обеспечить их нужными указаниями. Хо-

рошо было бы дать руководство, легкое пособие в помощь следователю в его практической работе. Пособие по судебной медицине Косорогова устарело. Гофман для нас труден, там целый ряд медицинских терминов. У нас проф. судебной медицины Ржановский написал соответствующий набросок брошюры, но до сих пор эта рукопись не печатается. Хорошо было бы, если бы нам дали ее в помощь. Тогда можно было бы поставить работу на местах.

Я на конференции следователей первый раз. У нас в Азербайджане не практиковались такие конференции. Здесь меня поразила исключительная дисциплинированность и грандиозность постановки вопроса в Союзной прокуратуре. Конечно, возвратившись к себе, я поделюсь полученными знаниями с товарищами. Я все подробно записала и это передам.

Преображенский (Московская область) — Союзная прокуратура дала нам здесь все лучшее из лекторских сил, что она имела, она ознакомила нас с целым рядом научных учреждений Советского союза, с целым рядом совершенно новых проблем и методов и новых течений в криминалистике. Все это товарищи, конечно, будет иметь отношение к нашей работе и поможет нам в нужный и тяжелый момент.

Правильно говорили здесь и т. Потапов и т. Якимов о том, что вопросы экспертизы проходят вне контроля следователя, когда он не считает нужным проверять акты экспертизы. Это верно и бесспорно. Нам тут учили планированию, я хочу выразить пожелание, чтобы и работа конференции проводилась с учетом планирования.

Наша оснащенность бедна. Говорим мы о следственных чемоданах. Редко, редко, где прокурор имеет свой фотоаппарат, чаще же он бегает в уголовный розыск и вызывает фотографа, который снимает место происшествия через 5 дней после события.

Крайне желательно было бы, чтобы Прокуратура Союза дала указания на основе опыта этой конференции, чтобы подобного рода конференции не были редким явлением в областях и республиках.

Я хочу сказать еще об одном важном моменте, это вопрос о норме. Норма для следователя нужна, это мы понимаем. Но говоря о норме, нельзя рассуждать так: давай норму, перекрывай ее и тогда ты будешь лучшим следователем. Если мы вспомним речь т. Строговича на открытии конференции, то у нас выйдет, что следователь, являющийся основной фигурой органов расследования, в погоне за этой нормой будет деqualифицироваться, потому что он берет дела полегче и попроще, чтобы обязательно сдать 27 или 17 дел, и обязательно с обвинительным заключением. По каким бы причинам ты дело ни прекратил, говорят — это брак. Нужно требовать продуктивности труда, но требовать в соответствии с общим взглядом на его роль.

Я не согласен с товарищами, выступавшими против упрощенной постановки лекций. Сегодня пришел т. Якимов и говорит, что я не в состоянии охватить много и сознательно улупскаю тот или другой момент, но останавлиюсь на более важном, чтобы у вас все-таки полу-

чилось представление о предмете. Мы ведь не можем жить в Москве 6 месяцев и слушать всех во всей полноте. Из этой конференции мы извлечем один урок, что в основном хорошо, когда нас учат, но нужно нам и самим работать над собой, расширять знания, которыми мы располагаем, и передавать их другим. Всем, кто уедет в район, надо будет поделиться своими знаниями и продолжать дальше свое образование. А Прокуратура Союза и т. Вышинского мы должны только благодарить за то, что они нам дали возможность такого широкого совещания. Это дало нам возможность обменяться мнениями с людьми из разных уголков Союза, посмотреть свою работу, поучиться у других, получить от компетентных квалифицированных товарищей новые сведения и в соответствии с этим перестроить свою работу на местах.

Каргалян (Армянская ССР) — Неожиданностью было для меня, когда я получил от Прокуратуры Союза предложение выехать в Москву. Со мной поехали три товарища из районов. Когда я слушал лекции, я думал об одном обстоятельстве, что люди, приехавшие из разных районов, должны были заранее подготовиться, чтобы задавать вопросы по интересующим их моментам.

Мы проходили тему об экспертизе. Для нас в этой области много затруднений. Законом предусматривается, чтобы по требованию органов следствия или суда производить экспертизу, но этот вопрос у нас плохо организован, поскольку мы не знаем, кто должен оплачивать экспертов. Три дня человек работает и никто о нем не заботится. Я имею в виду главным образом бухгалтерскую экспертизу. Что касается судебной экспертизы, то сейчас один из товарищей высказался относительно того, что следователь довольствуется мнением одного врача и пишет обвинительное заключение, но бывает, что следователь более компетентного другого врача найти не может, а Закавказская и Союзная прокуратуры не дают соответствующих указаний. Об этих трудностях нам нужно подумывать.

Тут товарищи уже говорили, что у нас плохо обстоит с литературой. Литературы на национальных языках нет. Это обстоятельство ставит многих наших сотрудников в тупик. Затем я хочу обратить внимание т. Вышинского на загроможденность следователей. Существует известная категория дел, по которым следователь должен произвести предварительное следствие, тем не менее часто прокурор заставляет следователя производить предварительное следствие и по тем делам, по которым следствие не предусмотрено. Другая слабая сторона — это то, что следователям поручаются, в порядке отдельных поручений, дела гражданского порядка. Все это влияет на загроможденность следователя делами.

О норме, о которой говорил товарищ из Московской области, мы ничего не знаем.

Остается пожелать, чтобы такие конференции созывались чаще в республиканском масштабе и на более длительные сроки, так как за короткий срок трудно поднять на должную высоту квалификацию наших следователей.

Мы собрали на эту конференцию наших лучших следователей, чтобы освежить их теоретические знания. Мы устроили такую конференцию не без тайной мысли, что она пробудит и усилит вкус к научным знаниям, к проблемам науки следствия, науки, еще растущей? Вы слышали, что есть наука о следствии? Вы слышали, что есть криминалистика, есть судебное право, процессуальное право, но вот в целом науки о следствии, которая включала бы в себя и вопросы плана, и вопросы методов работы, и вопросы тактики следственной работы, и, если хотите, стратегии следственного дела, потому что следователь должен быть стратегом своего рода, — такой науки еще у нас нет. Но такая наука, целая отрасль научных знаний создается. Мы рассчитывали, что на этой конференции вы получите зарядку именно в этой области. Если в этом отношении наша конференция вам что-нибудь дала, то значит мы правильно подошли к нашей задаче. Мы дали вам и вопросы планирования и экспертизы, затронули ряд важных и интересных научных проблем. Все это пробудит в вас охоту к самообразованию, и если мы этого достигли, то значит наша конференция себя оправдала.

Эту конференцию нельзя рассматривать оторвано от целой системы мероприятий по повышению квалификации следователей. Вопросы следствия — очень серьезные вопросы. Если вы наблюдали со стороны нашу работу и, в частности, в этом вопросе, вы видели, как мы настойчиво с каждым годом все более и более закрепляем наши позиции, завоевываем все новые и новые высоты, стараемся поднять следственное дело на все большую высоту. Но следственное дело поставить как следует — задача не легкая.

Это можно сделать тогда, когда культурный уровень самого следователя будет поднят на уровень наших задач. К сожалению, мы этой задаче полностью еще не разрешили, потому что мы не руководим самообразованием наших следователей.

Следователь тем и отличается от специалиста какой-либо другой специальности, что следователю в еще большей степени, чем другому специалисту, нужно общее образование, общая культура. Ни инженер, ни врач, ни агроном не нуждаются в общем образовании в такой степени, как следователь. Для того, чтобы быть прекрасным металлургом, строителем авиационных аппаратов, прекрасным строителем железных дорог или паровозов новых и серийных и всяких других, чтобы строить новые мосты, новые фабрики и т. д. — для того, чтобы инженеру все это делать, ему нужно в меньшей степени общее образование, чем это нужно следователю.

Почему? Потому что следователь имеет дело и с теми, и с другими — и с врачами, и инженерами, и агрономами, то есть со всеми специальностями, и ему нужно уметь в каждой данной конкретной обстановке каждого данного преступления, где всегда затрагивается область практической работы данной специальности, уметь найти главное, основное, за что можно было бы ухватиться для того, чтобы потащить за собой ту цепь явлений, которую ему как следователю, надо изучить, надо

вскрыть, надо оценить. Следовательно сегодня приходится расследовать преступление, связанное с выпуском недоброкачественной продукции, и ему нужно быть на уровне общего понимания технологии этих вопросов; завтра ему нужно расследовать дело врача, произведшего аборт, хотя и в допустимом законом случае, но, скажем, в антисанитарной обстановке и т. д., послезавтра ему приходится иметь дело с агрономом — с вредителем на хлопковых полях. Таких примеров можно привести бесконечное количество.

Недавно прошел процесс, за которым вы, конечно, следили, процесс об убийстве доктора Вульфсона на острове Врангеля, об убийстве, очень загадочном, потому что свидетелями этого преступления были — полярная ночь, 8 собак, убийца и убитый. И вот для того чтобы понять, как вести следствие, чтобы уметь построить фабулу происшествия, нужно было обладать определенными данными; для того чтобы перенестись туда, где ты никогда не был, в полярные условия, в условия полярного севера, нужно было уметь понять и почувствовать психологию людей, которые действовали в этих условиях, нужно было уметь понять с двух слов, с одного полунамека тайну застопоривания нарты, упряжки собак, хотя ты никогда собак не запрягал и нарты не застопоривал и не отстопоривал, нужно было уметь понять значение каждой детали, созданной полярными условиями, оценить частный случай, который сам по себе не имеет большого значения, а в цепи улики может вырасти до подавляющей и изобличающей улики.

Как это сделать? При каких условиях это можно сделать? Это можно сделать, когда мы будем иметь следователем настолько культурного и широко образованного человека, которому будет доступно искусство перевоплощения, когда следователь должен уметь перевоплощаться, уметь понять обстановку, в которой совершено преступление, понять и представить себе, какими воображаемыми путями мог двигаться преступник к своей жертве, почувствовать шаги, которыми этот преступник двигался к своей жертве, понять мотивы, которыми преступник руководствовался. А это требует громадной интеллектуальной силы, исключительного интеллектуального развития человека, высокой духовной культуры. Но мало представить себе картину преступления. Нужно проверить все это по воображаемой схеме, надо потом целым рядом практических шагов и действий проверить, так это было или нет, уметь контролировать свой каждый шаг для того, чтобы не сбиться с пути и не уйти в противоположную сторону, что очень легко тогда, когда преступник понимает твои слабые стороны и захочет тебя увести туда, куда ему выгоднее увести следствие.

Нередко бывает, когда обвиняемый сообщает факты, служащие ему средством укрыть свое преступление или изобразить его на один градус ниже, чем если бы это преступление было вскрыто и разоблачено в полном объеме. Следовательно нужно обладать не только техническими знаниями своей узкой специальности, но нужно поднять свою культурную подготовку настолько, чтобы он мог на три мили видеть сквозь землю. Вот тогда только он и будет настоящим следователем.

Общее образование, большая культура, высокая культура — это необходимые предпосылки для того, чтобы иметь возможность нашу работу поставить сколько-нибудь удовлетворительно.

Конечно наша работа не заключается в том, что мы постоянно многим семь на семь и ощущаем пользу знания таблицы умножения, пользу знания арифметики, которое мы приобрели в школе, но и арифметика, и алгебра, и геометрия, и тригонометрия, и физика играли всегда в формировании нашего развития ту роль, какую играет плуг, который проходит по вспаханной целине,—они зарыхляют наше сознание, они готовят нашу голову к тому, чтобы наше сознание было подготовлено к восприятию и таких вещей, которые как будто бы ничего общего с алгеброй и арифметикой не имеют.

Мы нашу конференцию старались построить так, чтобы наряду с данными чисто практического порядка вы могли бы получить сведения и в области общеправовой, юридической подготовки. Может быть, это нам не вполне удалось, может быть, получилась перегрузка практическими занятиями и вопросами больше, чем это следовало бы. Это было бы большим недостатком нашей работы, но наша основная задача заключается не только в том, чтобы показать вам все новое, что дает наука о следствии или о другой области криминалистики, но и в том, чтобы ввести вас в круг таких явлений правового, юридического свойства, которые помогли бы вам привести в движение механизм вашего суждения, которые помогли бы вашему умственному мыслительному аппарату получить новую пищу и над этой новой пищей немножко поработать.

Такая умственная гимнастика необходима, и подобные конференции всегда играют свою роль и имеют большое значение именно в этом смысле.

Мы настолько завалены практической работой, что у многих нет времени, чтобы просто подумать, поразмыслить о своей работе.

Эти конференции имеют то громадное значение, что они заставляют думать о проблемах, о науке, о следствии, о процессе. И это очень важная вещь, потому что когда у нас работники перестают задумываться над тем, что вокруг них делается, то это является первоисточником их грубейших ошибок и малополезной работы.

Если мы эту задачу разрешили, то я думаю, что эта конференция будет не бесплодной.

Нам очень важно было бы не только вам дать что-то на этой конференции, но и познакомиться с вами, понять, чем вы живете, чем дышите.

Одна из бед, которой страдают наши следователи, это их недостаточно высокий общий культурный уровень. И даже среди здесь присутствующих людей я бы мог продемонстрировать несколькими примерами недостатков овладения речью вообще и речью следователя, в частности.

Большим недостатком в работе следователей являются вопросы квалификации преступлений. Сплошь и рядом у наших прокуроров и следователей с квалификацией дело обстоит не вполне благополучно. Почему с квалификацией преступлений у нас дело обстоит плохо? Во-первых, потому, что кодексов наши следователи, как правило, не знают. Они знают, ко-

нечно, что есть ст. 162 со всякими пунктами, но внутреннего смысла каждого преступления, описанного в данной конкретной статье, очень часто многие не понимают. Они знают, что есть растраты и есть закон от 7 августа, но они не знают, как можно отличать закон от 7/VIII от растрат. Они думают, что если это касается государственного имущества, значит закон от 7/VIII. Умению квалифицировать преступления мы на одной конференции научиться нельзя, даже если она будет продолжаться не 10 дней, а 10 месяцев. Этому можно научиться только путем систематической работы следователя над теорией и практикой уголовного права и процесса. И в этом отношении было бы правильно созывать оперативные совещания следователей. Возьмем больницу — городскую больницу, где имеется десять врачей, у этих врачей собираются врачебные конференции. О чем врачи на этой конференции говорят, что составляет предмет работы этих конференций? Предмет работы этих конференций составляет то, что называется медицинскими казусами.

В высшей степени было бы хорошо, если бы следователи периодически собирались у себя в краях и областях, в автономных и союзных республиках, и делились опытом своей работы, разбирали бы свои «казусы».

Это очень полезное дело. Я думаю, что мы это в союзном масштабе сделаем. Мы заранее предложим всем краям и областям, чтобы они у себя продумали, скажем, практику следователей по таким-то категориям дел; чтобы они подумали об ошибках, которые у них в этих делах имеются, чтобы они их изучили, с другой стороны, чтобы они дали примеры и хорошей работы и этих людей дали бы в качестве докладчиков на этом союзном совещании следователей с тем, чтобы эти дела предварительно были посланы сюда; мы их посмотрим и дадим каждому из этих дел свою окончательную оценку.

Затем мы вызовем на совещание из десятка краев и областей не только следователей, но и прокуроров, чтобы совместно показать, как на местах они должны будут эту работу углубить, расширить и продолжить, потому что мы на себя, на союзную прокуратуру, посмотрим как на инициаторов, застрельщиков этого дела, так как одни мы с этим делом не справимся.

Предложение об организации оперативных совещаний по делам, связанным главным образом с большими местами работы, представляющими собою наибольшие камни преткновения в работе, на делах о растратах, о поджогах, о террактах — это надо будет принять.

Я еще раз хочу обратить ваше внимание на то, что это только начало нашей работы, что подготовить хорошие следовательские кадры — это дело не одного-трех месяцев.

Для этого конечно необходим и ряд материальных предпосылок. Мы делаем в этом отношении значительный шаг вперед, потому что сейчас постановлением правительства устанавливаются для народных следователей ставки на 10% ниже ставок районных прокуроров. Я думаю, что в среднем народный следователь будет получать от 400 до 450 руб. Это значительный шаг вперед. А главное не в рублях, а в принципе: следователь будет получать на 10% ниже районного прокурора, как и заместитель прокурора, а это значит, что на следователя нуж-

но смотреть, как на заместителя прокурора по следственной части.

В этом году у нас с литературой дело обстоит лучше, чем раньше. У нас стал издаваться журнал «Соцзаконность».

С места — О следователях очень мало пишут.

Тов. Вышинский — Мы введем в журнале страницу следователя, где дадим возможность следователю делиться на страницах журнала опытом своей следственной работы, ставить вопросы о затруднительных случаях, казусах, чтобы мы могли через журнал помогать следователю разбираться в трудных казусах. Это нам будет легко сделать, когда мы перестроим прокуратуру по-новому. Сейчас мы отображаем старую схему и создаем отделы: следственный, уголовно-судебный, гражданско-судебный, т. е. у нас следствие будет сконцентрировано в одном отделе, вопросами следствия будут заниматься специальные люди, они будут находиться под непосредственным руководством в Прокуратуре Союза — прокурора Союза, в прокуратурах республик — прокуроров республик. Это одно уже поможет нам поднять это дело на высшую ступень. Мы введем институт исполняющих обязанности или кандидатов на следственные должности, часть людей после проверки переведем в кандидаты. Следственное дело высокое. В царское время следователю утверждался высокой властью. Это свидетельствует о том, что буржуазия придавала большое значение своим следователям. По новой конституции районный прокурор будет утверждаться прокурором Союза. Это свидетельствует о том, что районного прокурора мы поднимаем на достаточно высокий уровень. Мы возьмем народных следователей здесь на учет и будем двигать их по служебной лестнице в зависимости от качества их работы.

Кроме того мы полагаем в процессуальной области поставить следователя в такое положение, когда он сможет с прокурором и подражаться, хотя прокурор и является руководителем следователя, но мы дадим возможность следователю оспаривать решение прокурора. Я хочу сказать: если следователь, скажем, считает нужным дело прекратить, а прокурор с этим не согласен, или, наоборот, следователь считает нужным дела не прекращать, а прокурор настаивает на прекращении, то мы хотим создать такое положение, чтобы следователь имел право оспаривать мнение прокурора.

В отношении ареста мы не можем так рассуждать. Арест — это дело щепетильное. Тут двоевластия быть не может. Следователь не может тут быть самостоятельным.

Голос — А апеллировать он может?

Тов. Вышинский — Очень характерен этот вопрос. Ведь нечего греха таить: у нас следователи до сих пор настолько обезличены, что для следователя даже возникает вопрос, смеет ли он апеллировать. Как может он смеет свое суждение иметь.

Голос — Горе от ума.

Тов. Вышинский — Это не горе от ума, а это горе от недостатка ума.

Мы хотим, чтобы следователь поднялся на такую ступень своего авторитета, чтобы прокурор считался со следователем.

Когда говорят, что нужно поднять авторитет следователя, то конечно тут нужен целый ряд материальных предпосылок, но главное все же в самих следователях.

Поэтому, когда мы собираем эти конференции, мы рассчитываем на то, чтобы, во-первых, укрепить сознание вашей ценности в нашем аппарате. Мы не только говорим, что следователь — основная фигура, но и действительно в этом убеждены. Если следователь не будет стоять на должной высоте, ничего не будет стоять ни работа прокурора, ни, тем более, работа суда. А суд у нас — советский, который должен работать так, чтобы реже по пустякам таскали людей по судам, чтобы торжествовало наше социалистическое правосудие.

Как можно меньше людей таскать по пустякам в суд — вот наша задача сейчас. Это не значит — не таскать в суд и преступников, но уверяю вас, преступников меньше, чем воображаемых преступников, воображаемых преступников всегда больше, чем действительных преступников. Задача следователей заключается в том, чтобы за преступника не принимать воображаемого преступника, иначе говоря, воображаемое не принимать за действительное.

Следователь должен возможно меньше людей таскать в суд по пустяковым основаниям. ЦК нашей партии это ясно сказал в отношении колхозников. Мы должны этот принцип перенести на всю нашу работу в целом.

Нам приходится бороться не только с тем, что не привлекают к уголовной ответственности, но главным образом с тем, что зря привлекают. Это имеет и еще одну отрицательную сторону: чем больше людей мы привлекаем зря, тем чаще не привлекаем тех, кого нужно привлекать.

Один библейский мудрец говорил: когда блох начинают ловить, то верблюд сквозь пальцы уходит. У нас следователи сплошь и рядом действуют по этому библейскому изречению. Возьмите спекулянтов: ведь известно, что борьба со спекуляцией до последнего постановления совершенно не велась. Вот сегодня в газете есть сообщение, что задержан спекулянт с 4 тысячами метров мануфактуры, а раньше не видно было их. Почему? Потому что занимались борьбой не со спекулянтами, а таскали тех, кто продавал старые штаны, старые галоши, — это были «спекулянты».

Но это говорит об одном и очень опасном настроении, которое сплошь и рядом у нас наблюдается. Думают так: раз я прокурор, то, следовательно, мне нужно раньше привлекать к уголовной ответственности, раз я следователь, то нужно во чтобы то ни стало кончать расследование обвинительным заключением, — иначе брак, иначе не похвалят.

Между тем сплошь и рядом дела, кончающиеся обвинительным заключением, бывают хуже расследованы, чем дела, идущие на прекращение, потому что когда следователь приходит к выводу, что необходимо прекратить дело, он тщательно мотивирует свое решение, опасаясь, что за прекращение дела с него будут драть шкуру, а если он кончает дело обвинительным заключением, то он спокоен: его ругать не будут; наоборот, похвалят — вот, мол, хороший следователь. Психология наших товарищей такова, что качество дела определяется обвинительными выводами. Нужно с этим старым подходом и предрассудками кончать. Нужно так ставить следствие, чтобы торжествовала истина, а не обвинение, во что бы то ни стало. Это царских прокуроров расценивали в зависимости от того, сколько они утверждали обвинительных актов. Нам это не добавляет. Вы — прокуроры социалистического

государства, великой родины социализма, где объективность и истина в расследовании — превыше всего.

Я надеюсь, что конференция, которую мы сейчас проводим, вам кое что дала, что вы на основе этих данных углубите и укрепите те достижения которые вы уже имеете сейчас, и что, в частности, следователи, являю-

щиеся участниками этой конференции будут и впредь лучшим отрядом следователей. Я уверен, что нашими совместными и дружными усилиями мы выкуем те настоящие следовательские кадры, которые так нужны нам сейчас, так до зарезу нужны нашему социалистическому отечеству, нашей дорогой родине.

М. ГЕРШАНОВ

К итогам всесоюзной конференции следователей

С 1 по 10 сентября с. г. в Прокуратуре Союза была проведена 2 всесоюзная конференция следователей (военных, транспортных и водных). Эта конференция должна быть оценена как большое достижение не только с точки зрения поднятия квалификации следователей, но также и как яркое проявление заботы о следователе.

Как участник этой конференции, хочу отметить, что с организационной стороны конференция была поставлена образцово. Все было тщательно продумано, своевременно обеспечено, и следователь за все эти десять дней в Москве ни о чем не должен был заботиться, так как все было к его услугам, начиная от гостиницы, столовой, кончая театрами, музеями и готовым билетом для выезда.

В учебном отношении конференция прошла также хорошо. Уже одно то, что организаторы конференции отказались от того, чтобы «объять необъятное», т. е. в течение 10 дней конференции с утра до позднего вечера вдалбливать лекции в головы слушателей (что мы часто наблюдаем на областных конференциях) говорит за то, что здесь были учтены и усвояемость слушателя и необходимости уделить время для поднятия культурного уровня участника конференции. Цель была достигнута — за 6 час. занятий никто не уставал, и следователь, который до приезда иронически отзывался об этой новой форме премирования (при посылке на конференцию следователей на местах сообщали, что посылка на конференцию — это премия за хорошую работу, что

он выделяется делегатом как лучший следователь), в конце конференции заявлял, что эту премию он расценивает гораздо выше, чем какую бы то ни было другую.

Прочитанные лекции по основным вопросам криминалистики и уголовного процесса дали следователям безусловно очень много. Меньше других дала лекция о судебной фотографии — ввиду того, что лектору не представилось возможным достаточно проиллюстрировать свою лекцию показом соответствующей аппаратуры.

Я хочу высказать следующее пожелание для будущих конференций: необходимо уделять больше внимания в программе занятий теоретическим темам (по общей теории права, уголовному праву и т. д.). Следует учесть то положение, что на конференции съезжаются люди, которые оторваны от теоретических вопросов, которые очень часто не умеют свою практическую работу увязать с теорией и которые поэтому часто делают много ошибок в своей повседневной работе.

Выступление прокурора Союза т. Вышинского на конференции о задачах работы следователя дало участникам конференции огромную зарядку для практической работы, оно вселяло в нас много бодрости, уверенности в значении нашей работы, энтузиазма и желания своей работой добиться того, чтобы на следующих конференциях можно было бы говорить уже о достижениях в следственной работе, а не только о недочетах, которых, к сожалению, еще очень много.

И. ИЛЬИНСКИЙ

Подготовка советских защитников

Есть разряд специалистов, подготовкой которых до последнего времени пренебрегалось. Это специалисты, оказывающие юридическую помощь населению, иначе говоря защитники. Готовить их должны были в сущности правовые институты, но выпускники этих институтов полностью распределялись по органам суда и прокуратуры, арбитража и юрбюро хозяйственных организаций. Коллегии защитников предоставлено было пополнять свои ряды как придется. Это не улучшило ее состава. В ряды коллегии шли люди, оказавшиеся не-

пригодными для суда и прокуратуры, и просто неудачники других профессий, наскоро подготовленные на краткосрочных курсах и прошедшие столь же краткосрочную производственную практику в юридических консультациях. Результаты оказывались мало утешительными, особенно для сельских районов. Громадное количество районов вовсе оставалось без защитников, а получившие их не всегда от того выигрывали. Между тем потребность в защитниках громадная. Не говоря уже об уголовных делах, участие защитника

сплошь и рядом требовалось для быстрого и правильного разрешения мелких бытовых споров, в том числе алиментных. Колоссальный рост гражданских дел, связанный с ростом занятости и культурных потребностей колхозов, усиливал в свою очередь нужду в защитнике. Колхоз строит баню, больницу, клуб — надо заключать договора, улаживать споры, судиться с неисправными контрагентами. Для всего этого требуется юрист, а за ним приходится ехать в город, тратить время и средства, тогда как можно и нужно было бы иметь его под рукой.

Три года назад Московская коллегия защитников попыталась разрешить проблему кадров самостоятельно, организовав курсы подготовки защитников. Курсы эти были задуманы более капитально, нежели обычного типа краткосрочные учебные мероприятия. Учебный план, рассчитанный на 2000 час., должен был уложиться в два года, объединяя при этом предметы рабфака со специальными предметами. Средства на содержание курсов давала сама коллегия, установив целевое 5%⁰ обложение заработка своих членов.

По первому времени задача — набрать на такие курсы студентов с производства — казалась трудной, почти невыполнимой: рабочей молодежи искала в то время преимущественно индустриального образования. Опасения однако не оправдались. Выяснилось, что среди рабочей молодежи создалась достаточная прослойка людей, активно интересующихся работой советской юстиции: бывшие народные заседатели, члены секции революционной законности, общественники-активисты юридических консультаций, председатели производственно-товарищеских судов и т. п. Среди принятой на курсы молодежи 70%⁰ имели среднее образование, остальные неполное среднее и низшее. Инициаторы и руководители курсов делали вначале ставку на юриста с облегченной подготовкой, нечто вроде «фельдшера от юриспруденции», но тот жар и охота к учению, которые проявила молодежь, вынудили руководство с самого начала перейти на другие рельсы. Вместо 2000 час. учебный план был перерассчитан на 3000 с сохранением, однако, двухгодичного срока обучения.

Последующий ход событий опрокинул и этот лимит. Профессора и преподаватели, главным образом из московского правового института им. Стучка, единодушно отмечали быстрый рост студентов и какое то самопроизвольное подтягивание их к вузовскому уровню. Тогда после некоторых колебаний и в связи с предложением комиссии совпартконтроля, обследовавшей курсы, был принят трехгодичный срок обучения и развернутый вузовский учебный план. Эти перемены официально признал и Наркомюст РСФСР, включивший курсы в свою вузовскую сеть и признавший за ними все соответственные права.

Перестройки учебных планов были, разумеется, не безболезненны. Однако студенты, работавшие не щадя сил, принимали с энтузиазмом новые нагрузки и даже требовали до-

бавления факультативных предметов, как римское право и др. Окончательный учебный план сходилась с учебными планами правовых институтов, отличаясь от них лишь следующими добавочными предметами: а) русский язык и литература; б) культура речи; в) семейное и детское право. Отличия этих особых пояснений не требуют. Производственную практику студенты проходили в коллективах Московской коллегии защитников, а практику по хозяйственному праву в арбитражах и юрбюро хозорганов. Следует отметить, кстати, что руководители арбитражей и юрбюро с большой охотой приняли и обучали молодежь, очень много получившую от сотрудничества с ними.

В этом году первые выпускники курсов подверглись решающим и жестким испытаниям в назначенной НКЮ государственной квалификационной комиссии.

На государственные экзамены были вынесены следующие предметы: уголовное право, хозяйственное право, уголовный процесс, гражданский процесс. Экзамены состояли из ответа по выданному студентом билету, по вопросам сверх билета и в разрешении юридических казусов. Государственная квалификационная комиссия констатировала вполне удовлетворительное качество подготовки и высокий уровень знаний экзаменуемых, в частности хорошую их ориентировку в вопросах действующего законодательства и судебной практики. Хуже обстояло дело в части общетеоретической проблематики, историко-правового материала и иностранных законодательств. Здесь сильно вредило почти полное отсутствие стоящих на достаточном теоретическом уровне учебных пособий. О таком положении дел с учебниками комиссия постановила довести до сведения Комитета высшей школы и НКЮ РСФСР.

На выпускном акте курсов был оглашен приказ народного комиссара юстиции т. Н. В. Крыленко, утверждающий основные выводы квалификационной комиссии, отмечающий заслуги учебного руководства и особо отличившихся педагогов курсов. Выпускников приветствовали представители Союзной прокуратуры, ЦК профсоюза работников прокуратуры и суда, московских органов юстиции и др. Из числа 39 человек, сдавших государственные экзамены, пять идут в аспирантуру, остальные получают назначения на работу в районы Московской области.

Первый выпуск высших курсов советской защиты положил твердое начало высшему образованию советской адвокатуры, задачи которой колоссально расширяются 111 статьей сталинского проекта Конституции СССР, обеспечивающей всякому обвиняемому право на защиту. Не существенно, сохраняются ли курсы как самостоятельная единица, или волеются в юридический факультет МГУ: советский защитник должен получить и получить высшее правовое образование, отвечающее тем требованиям, которые предъявляет к нему социалистическое государство трудящихся.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

3 февраля 1936 г. линейный суд Юго-Западных ж. д. приговорил в числе других Левина З. И. по ст.ст. 20 и 97 УК УССР к году и т. работ; Матусова И. П. и Глозмана М. Г. по ст.ст. 20 и 97 УК УССР к 2 годам лишения свободы каждого; Назаренко А. И. по ст.ст. 20 и 97 УК к 3 годам лишения свободы и Зарембо М. П. по ст.ст. 20 и 97 УК УССР к 4 годам лишения свободы.

Левин, Матусов, Глозман, Назаренко и Зарембо — кустари; были признаны судом виновными в том, что они после ликвидации лжеартели в количестве 160 чел. под видом служащих проникли в государственно-общественные организации и использовали их в своих интересах. Дулин — директор производственного комбината УЧХ и зав. оперативной частью комбината ОСО, Криворученко — нач. Технокомбината ОСО, Горбоносов — директор подсобных предприятий Пединститута и зав. производственной частью УЧХ и Неверов — председатель Киевского транспортного РайОСО признаны были судом виновными в халатном отношении к служебным обязанностям, а часть из них была признана виновной в незаконных сделках с частниками.

2 марта 1936 г. Транспортная коллегия Верховного суда Союза ССР приговор линейного суда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по мотивам, что:

а) органы предварительного следствия и суд свели дело к отдельным случаям злоупотреблений и не вскрыли политического значения дела,

б) недостаточно выяснена роль руководящих работников государственно-общественных учреждений, укрывающих частников,

в) линсуд не проверил документов, представленных обвиняемыми, и неправильно квалифицировал действия частников Зарембо и других.

Прокуратура Союза опротестовала определение Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР по следующим основаниям:

Кустари Левин, Матусов, Глозман, Назаренко и Зарембо работали в трех государственно-общественных организациях: Укпединституте, УЧХ (Украинский Кр. крест) и РайОСО.

20/VI 1934 г. Укпединститут организовал два подсобных предприятия — фасовочную и истреклографическую мастерские. Директором этих мастерских был назначен Горбоносов — рабочий стеклографии. Горбоносов принял на работу в мастерские на правах служащих вышесказанных кустарей. С этими кустарами Горбоносов заключил незаконную сделку, а именно предложил им сдать имевшиеся у них остатки сырья и оборудование, возмеща им стоимость по мере реализации продукции.

27 августа 1934 г. Укпединститут передал подсобные мастерские УЧХ. Директором мастерских попрежнему остался Горбоносов. Все кустари на прежних договорных началах перешли работать в УЧХ.

Через три месяца мастерские перешли в РайОСО Юго-Зап. ж. д. Ответственным за работу

мастерских в этот период являлся Неверов — председатель РайОСО.

За прием на работу частников в мастерские Укпединститута и в дальнейшем УЧХ и незаконную с ними сделку был осужден по этому же делу директор мастерских Горбоносов. За период работы частников в РайОСО осужден председатель РайОСО — Неверов.

Таким образом вопрос об укрывательстве представителями государственно-общественных организаций частников полностью был расследован, и виновные в этом осуждены и указание суда в этой части является неправильным и противоречит обстоятельствам дела.

Указание Транспортной коллегии о том, что суд не проверил ряда документов, представленных обвиняемыми в судебное заседание, которые нуждались в глубокой и серьезной проверке, также неправильно. Во-первых, Транспортная коллегия не указала ни одного конкретного документа, который нуждается в глубокой и серьезной проверке, а самое главное, никакой такой проверки не требуется. Все эти документы представляют собой заявления о приеме на работу, справки о работе в Осоавиахиме и некоторые подлинные документы, копии которых имеются в следственных материалах.

Если Транспортная коллегия нашла, что действия частников Зарембо, Назаренко и др. квалифицированы по ст.ст. 20—97 УК УССР неправильно, то она должна была указать, по какой статье Уголовного кодекса необходимо было квалифицировать их действия.

Между тем преступления частников квалифицированы по ст.ст. 20—97 УК УССР правильно, так как некоторые из них, только пользуясь своим служебным положением, работали мастерами, могли реализовать лично принадлежащее им сырье в государственно-общественных организациях.

Совершенно неправильно указание Транспортной коллегии Верховного суда Союза ССР о том, что Горбоносов «вместе с бывшей лжеартелью» перешел в распоряжение РайОСО Юго-Зап. ж. д., так как в это время Горбоносов в мастерских уже не работал.

Исходным пунктом всех ошибок Транспортной коллегии является то обстоятельство, что она не учла, что лжеартель в количестве 160 чел., о которой говорится в определении Транспортной коллегии, была ликвидирована Киевским горсоветом 9 апреля 1934 г. и руководство этой артели — 12 человек были переданы суду и осуждены.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила — определение Транспортной коллегии от 2 марта 1936 г. отменить и дело вернуть ей на новое рассмотрение.

Приговором Саратовского краевого суда от 16—21 ноября 1935 г. гр-н Журавлев Алексей Алексеевич был осужден к 5 годам лишения свободы по закону от 8 декабря 1933 г. за то, что, будучи директором Саратовского мя-

сокомбината, выпускал недоброкачественную колбасу, вследствие чего в 1935 г. среди рабочих г. Саратова, покупавших эту колбасу, наблюдались случаи отравления, (случаев смерти не было).

Краевой суд, осудив Журавлева к лишению свободы, вынес 21 ноября частное определение такого содержания: «действия, которые совершил Журавлев, правильно квалифицированы и осуждены, но, учитывая, что Журавлев с первых дней февральской революции, будучи моряком балтийского флота, в первых рядах рабочих и крестьян боролся с классовыми врагами, вследствие чего на восточном фронте имел ранение, возбудить перед Президиумом ВЦИК ходатайство о применении к нему такой меры наказания, которая давала бы ему возможность в сравнительно короткий срок загладить свое преступление на другой работе».

22 декабря 1935 г. приговор краевого суда в отношении Журавлева был утвержден судебной коллегией Верховного суда без упоминаний в определении Верховного суда РСФСР о вышеприведенном частном определении краевого суда.

По существу приговор Саратовского краевого суда правильно осудил Журавлева по закону 8/XII, поскольку факты выпуска Мясокомбинатом недоброкачественной продукции материалами дела установлены; однако, мера социальной защиты, назначенная судом Журавлеву, чрезмерно сурова и суду надлежало применить к нему ст. 51 УК без вынесения частного определения о возбуждении ходатайства перед Президиумом ВЦИК.

Согласно ст. 326 УПК (на которую ссылается краевой суд в своем частном определении), суд при наличии обстоятельств, говорящих о нецелесообразности применения меры наказания к признанному виновным подсудимому, может войти в Президиум ВЦИК с мотивированным ходатайством об освобождении осужденного от меры наказания.

В случае же, если суд считает нужным, по исключительным обстоятельствам дела, назначить осужденному меру наказания ниже низшего предела, указанного в соответствующей статье Уголовного кодекса, или перейти к другой, менее тяжелой мере наказания, в этой статье не обозначенной, он может, согласно ст. 51 УК, допустить такое отступление собственной властью, без обращения в Президиум ВЦИК.

УПК не предусматривает обращения суда в Президиум ВЦИК с ходатайством не об освобождении от наказания, а о назначении осужденному наказания, не обозначенного в соответствующей статье УК.

Революционные заслуги Журавлева до Октябрьской революции и во время гражданской войны, а также весьма положительные отзывы о нем «Союзмеса» как о работнике, наладившем в комбинате массовую переработку скота и создавшем за 1935 г. большие накопления, превышающие 500 000 руб., дают основания для применения к нему ст. 51 УК.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Саратовского краевого суда.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил в порядке ст. 51 заменить Журавлеву лишение свободы одним годом и.т. работ и с за-

четом ранее отбытого им срока лишения свободы считать меру наказания отбытой.

10 декабря 1935 г. водно-транспортный суд Московско-Окского бассейна приговорил Шоршова Илью Филипповича по ст.ст. 19—162 УК РСФСР к одному году и.т. работ на общих основаниях.

Суд признал доказанным, что агент Рязанского отделения Мосснабсбыта, Шоршов, 22 октября 1935 г. при погрузке 113 ящиков мыльного порошка со склада-пристани Рязань, похитил три ящика с растительным маслом и увез их на склад Мосснабсбыта вместе со своим грузом.

Определением судебной коллегии Верховного суда от 9 января 1936 г. приговор суда был оставлен в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор водно-транспортного суда по следующим основаниям:

22 октября 1935 г. Шоршов приехал на склад пристани за принадлежащим Мосснабсбыту грузом 113 ящиков мыльного порошка. В погрузке сам Шоршов лично не участвовал. Погрузку производили грузчики, которые и погрузили 3 лишние ящика, по внешнему виду схожих с грузом Шоршова, но содержащих растительное масло.

При отъезде с пристани у самых ворот Шоршовым эти лишние ящики на подводах были обнаружены. Однако он не вернул их тотчас же на склад пристани, а привез вместе со всем своим грузом на склад Мосснабсбыта, который ввиду позднего времени был уже закрыт.

Весь груз—в том числе и три ящика масла—был сдан под охрану сторожа склада Мосснабсбыта и оставлен под открытым небом.

23 октября, то есть, на следующий день, отправляя обратно на пристань три ошибочно захваченных ящика с маслом, Шоршов обнаружил, что из одного ящика 29 бутылок оказались похищенными неизвестно кем.

Таким образом никаких оснований к обвинению Шоршова в краже или похищении на кражу материалами дела не установлено.

Преступление Шоршова выразилось лишь в том, что он халатно отнесся к своим обязанностям и допустил погрузку на подводы не принадлежащего ему груза, а обнаружив 3 ящика с маслом, он не вернул их немедленно и не принял достаточных мер к их сохранности, что и привело к расхищению 29 бутылок масла.

Это преступление Шоршова надлежит квалифицировать по ст. 111 УК РСФСР.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: преступление Шоршова квалифицировать по ст. 111 УК и определить ему меру наказания один год и.т. р. на общих основаниях, условно с испытательным сроком в один год.

Приговором выездной сессии Верховного суда Узбекской республики от 21—23 декабря 1935 г. были осуждены должностные лица совхоза «Кзыл-чарвадар», в том числе директор совхоза Коновалов Иван Алексеевич по ст. 140 ч. 1 УК к 5 годам лишения свободы

с лишением права носить почетное звание и знак ударника табачной промышленности.

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Коновалова по следующим основаниям:

Коновалов был осужден за то, что, будучи директором совхоза, допустил израсходование не по назначению 47 974 руб.; не обеспечил овец совхоза необходимым количеством кормов; допустил убой истощенного поголовья и не запретил стрижку овец, зная, что предстоящее понижение температуры, дожди и ветры приведут к падежу поголовья; составлял неправильные маршруты для перегонок овец на летовку (летние пастбища), а выработанные маршруты не довел до заведующих фермами и чабанами.

В результате всего этого, указывается в приговоре, за I полугодие 1935 г. пало по совхозу 6200 голов, а за одну ночь на 1 июня пало 1731 гол.

Из материалов дела и письма Наркомсовхозов, адресованного в Прокуратуру Союза в связи с делом видно следующее:

Основным поводом к возбуждению уголовного преследования против Коновалова и осуждению его послужил факт гибели 1731 овец в ночь на 1 июня 1935 г.

Гибель овец в ночь под 1 июня, как указывается в приговоре, вызвана тем, что директор совхоза Коновалов, зная о предстоящем похолодании, не прекратил стрижки овец, а кроме того, отправив для перегона овец на летовку, не дал точных маршрутов, в результате чего от сильного дождя в ночь под 1 июня погибло 1731 гол. овец.

Между тем из письма Наркомсовхозов видно, что стрижка овец в мае, как это имело место в совхозе «Кзыл чарвадар», проходила в нормальных условиях и это не могло влиять на перегон овец на летние выпасы.

Основанием суду к утверждению, что Коновалов знал о предстоящем похолодании и продолжал стрижку овец, а после стрижки пустил в перегон на летние выпасы, послужило наличие в совхозе прогноза погоды метеорологической станции. Но прогноз этот настолько туманен, что сделать вывод о наступлении резкого похолодания, могущего повлечь гибель овец, не представляется возможным. Наркомсовхозов также считает, что на основе указанного прогноза задерживать перегон овец не было оснований.

Утверждение суда, что во время перегона овец на летние выпасы чабанам не был дан маршрут и что это повлияло на падеж овец, — не обосновано. Из показаний старшего зоотехника Лобова видно, что маршруты чабанам были даны, но во время перегонок овец отдельные чабаны нарушили сами данный им маршрут. Кроме того, как видно из письма Наркомсовхозов, маршруты не могли повлиять на падеж овец в ночь под 1 июня. Необходимо отметить, что во время перегонок овец на летние выпасы, Коновалова не было в совхозе, ответственным за перегон являлся старший зоотехник Лобов, и суд во время судебного заседания вынес определение о привлечении его к ответственности.

Из обстоятельств, при которых произошел падеж овец (овцы побиты были сильным дождем), необходимо сделать вывод, что падеж был вызван стихийным бедствием. Наркомсовхозов и районный комитет партии Джизакского района в своем письме на имя Нар-

комсовхозов, также считают, что причиной падежа овец в ночь под 1 июня является стихийное бедствие.

Поэтому обвинение Коновалова в этой части не обосновано.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: преступление Коновалова переквалифицировать на ст. 143 УК Узб. ССР и определить ему наказание в 2 года лишения свободы, и из-под стражи Коновалова освободить, считая неотбытый срок условным с испытательным сроком в 2 года.

Бригадир машиностроительного завода имени 1 августа стахановец Колядов П. Т. проживал с 1928 г. с женой и двумя детьми в Москве, в доме 22/2 по ул. Герцена, занимая непригодную для жилья площадь в полуподвальном помещении — кухню общего пользования.

Госсанинспекция признала, что жить на кухне Колядов не может и кухня должна быть освобождена, так как для жилья она непригодна.

В квартире жилицы того же дома Гармаш освободилась комната в 16,9 кв. м. Колядов с согласия Гармаш и домоуправления вселился со своей семьей в комнату Гармаш.

Райжилотдел предъявил иск о выселении Колядова.

Решением от 25 октября 1935 г. нарсуд признал, что Колядов жил в доме РЖО, что согласия РЖО на его вселение в освободившуюся комнату не было, что занял он комнату незаконно, и поэтому Колядов с семьей подлежит выселению.

17 ноября 1935 г. КК Мосгорсуда утвердила это решение.

Прокуратура Союза опротестовала в порядке надзора решение нарсуда и определение КК Мосгорсуда по следующим основаниям:

Материалами дела установлено, что домоуправление по соответствующему заявлению Гармаш дало согласие Колядову на занятие освободившейся площади. Колядов состоял в первой очереди нуждающихся в жилплощади в данном доме. Согласие домоуправления на занятие комнаты Колядова было подтверждено представителем домоуправления на суде.

На основании ст. 5 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1927 г. об урегулировании права пользования жилой площадью Колядов приобрел право на площадь в данном доме (СУ 1927 г. стр. 80, ст. 535). Его преимущественное право установлено и материалами дела, и домоуправление вправе было дать согласие на занятие комнаты рабочему-стахановцу, проживающему в доме с 1928 г. в исключительно тяжелых условиях.

Выселение Колядова, ударника, стахановца обратно в подвал без света, в кухню общего пользования, при наличии поддержки и признания права Колядова на площадь со стороны домоуправления и общественности дома — совершенно неправильно.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определения кассколлегии отменить и в иске Райжилотдела Красно-Пресненского района о выселении Колядова отказать.

Нарсуд Фрунзенского района 3 Ворошиловского участка г. Москвы, 17 февраля

1934 г., по делу по иску Кожкомбината к Ипполитову Я. И. и Альфу И. Г. о взыскании аванса, пени и неустойки по договору в сумме 980 руб. удовлетворил иск Кожкомбината в части присуждения с Ипполитова и Альфа солидарно 700 руб. полученного ими аванса.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение нарсуда по следующим основаниям:

По заключенному сторонами договору от 26 октября 1933 г. ответчики Ипполитов и Альф приняли на себя обязательство составить сборник «Десять лет Кожкомбината», размером в 8 печ. листов. Рукопись в готовом к печати виде должна быть представлена Кожкомбинату не позднее 1 декабря 1933 г.

Кожкомбинат, согласно пункту 4 договора, обязался предоставить авторам возможную техническую помощь, как-то: печатание работы на пишущей машинке, архивно-учетный материал, необходимое количество бумаги и т. д.

Так как авторы не представили рукописи в установленный договором срок, Кожкомбинат ссылаясь на 10 пункт договора, предусматривающий санкции за нарушение договорных обязательств, обратился в суд с требованием присуждения с ответчика Ипполитова аванса 700 руб. и 280 руб. пени и неустойки, а всего 980 руб.

В процесс вступил по заявлению, поданному в нарсуд, и Альф, привлеченный с согласия Кожкомбината в качестве соавтора. Альф в своем заявлении в нарсуд указал, что иск является неосновательным, так как рукопись не представлена авторами по вине Кожкомбината, не предоставившего в распоряжение авторов архивных материалов (п. 4 договора).

Народный суд в заседании от 17 февраля 1934 г. установил, что архив Кожкомбината оказался в полном беспорядке, вследствие чего найти в нем необходимые материалы для работы авторов оказалось невозможным, и ввиду нарушения Кожкомбинатом пункта 4 договора освободил ответчиков от уплаты пени и неустойки, но полученную ими сумму аванса 700 руб. нарсуд присудил с ответчиков солидарно в пользу Кожкомбината.

Это решение нарсуда является неправильным. Поскольку суд установил нарушение Кожкомбинатом обязательства о предоставлении в распоряжение авторов архивных материалов для выполнения заказанного авторам труда, суд должен был признать договор нарушенным по вине Кожкомбината, так как без архивных материалов авторы не могли написать заказанный им сборник.

Решение суда неправильно тем более, что часть работы — составление тематического плана ответчики выполнили, чем удостоверяется добросовестность действий авторов и желание с их стороны выполнить договор.

Кроме того для возложения на ответчиков солидарной ответственности по возвращению Кожкомбинату аванса суд не имел законных оснований. В законе солидарная ответственность авторов не предусмотрена, заключенным авторами и Кожкомбинатом договором она также не установлена (см. ст. 115 ГК).

Гражданская кассационная коллегия Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила решение нарсуда отменить и дело производство прекратить.

Балукова В. В. работница Ярославского резино-асбестового комбината приехала в Ярославль из Ленинграда в декабре 1933 г. и поселилась в жакте № 98 в порядке обмена площади.

В июне 1935 г. она уехала с ребенком на летние месяцы в дом отдыха.

В августе Балукова вернулась домой и нашла в своей комнате гр. Сорокину с семьей в 5 человек.

Балукова выяснила, что в ее отсутствие ее соседка и родственница Мельникова сдала комнату Балуковой гр-ке Сорокиной на 3 месяца с оплатой 100 руб. в месяц.

Балукова предъявила иск о выселении Сорокиной.

26 июля 1935 г. нарсуд г. Ярославля в иске о выселении Сорокиной отказал.

По жалобам Балуковой и Сорокиной дело было рассмотрено КК Ивановского облсуда, которая определением от 5 августа 1935 г. признала плату за комнату 100 руб. в месяц незаконной, отменила решение нарсуда и передала дело на новое рассмотрение для изменения договора в части квартплаты.

9 октября 1935 г. нарсуд 2 уч. г. Ярославля вновь рассмотрел дело, причем в качестве истца выступало домоуправление, а в качестве ответчиков Балукова — первоначальная истица, Сорокина и Мельникова.

Суд нашел, что Балукова спекулирует жилплощадью, продавала на базаре мануфактуру, устраивала по ночам «пирушки», до апреля нигде не работала, и решил Балукову с ребенком выселить.

В иске о выселении Мельниковой и Сорокиной суд отказал и комнату Балуковой суд закрепил за Сорокиной.

Это решение было утверждено КК облсуда 27 сентября 1935 г.

Прокуратура Союза, считая это решение незаконным и подлежащим отмене в части выселения Балуковой, опротестовала его по следующим основаниям:

По делу не доказано наличие законных оснований для выселения Балуковой, указанных в ст. 171 ГК.

В законе нигде не указано, что трудящийся, временно остающийся без работы, подлежит выселению. Такое выселение является грубым извращением советского жилищного законодательства.

Занятие Балуковой спекуляцией ничем по делу не установлено. Отдельные случаи продажи на базаре мелочей, о чем говорят детали, не могут служить доказательством спекуляции, тем более, что у Балуковой имеется маленький ребенок, в связи с чем ей трудно было поступить на работу, как это объясняет в своей жалобе Балукова.

Спекуляция жилплощадью со стороны Балуковой также материалами дела не доказана. Договор Мельниковой с Сорокиной о сдаче комнаты на 3 месяца таким доказательством не является.

По закону трудящийся вправе сдать временно трудящемуся в поднаем свою жилплощадь за плату (Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 1/VIII 1927 г. № 80, ст. 535, § 6 Инструкции НКХ НКЮ № 37 от 27/I 1934 г., Бюлл. НКХ № 5 1934 г.).

Если бы даже было доказано, что комнату Сорокиной сдала Балукова временно на 3 ме-

сяца, то это обстоятельство не могло служить основанием для признания спекуляции Балуковой жилищной площадью и для ее выселения.

Материалами дела не доказано, что комнату сдала именно Балукова. Договор от 1/VI, заключенный Мельниковой с Сорокиной, не указывает даже о вносе Сорокиной квартплаты Балуковой и не определяет, чью комнату сдала Мельникова Сорокиной. Балукова против проживания Сорокиной временно в ее комнате возражала и предъявила иск о выселении Сорокиной немедленно по приезде из дома отдыха.

Президиум Ивановского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение нарсуда и определение кассколлегии облсуда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же нарсуд в ином составе.

Приговором народного суда 2 уч. Фрунзенского района г. Москвы за перерасход продукции на 2093 р. 33 к. были осуждены к 8 мес. и-т. р. по ст. 111 УК б. директор столовой завода «Каучук» Агейкин Георгий Лаврентьевич и б. зав. производством Алексеев Никита Алексеевич со взысканием с них в порядке гражданского иска 2098 руб.

По протесту прокурора г. Москвы президиум МГС, учитывая неопытность Агейкина, постановил наказание, установленное Агейкину, считать условным.

Прокуратура СССР, считая, что привлечение Агейкина к уголовной ответственности было неосновательным, опротестовала постановление президиума Мосгорсуда по следующим основаниям:

Признавая Агейкина виновным в халатности, суд утверждает, что Агейкин, зная о начавшихся отпусках у рабочих завода, не договорился с администрацией завода о потребном количестве обедов, не дал необходимых указаний Алексееву; обеды изготовлялись без учета потребности, в преувеличенном объеме портились и уничтожались.

Однако эти утверждения суда не находят себе подтверждения в материалах дела.

Хотя свидетель Галкин и обвиняемый Алексеев утверждали, что перерасход произошел вследствие порчи нереализованной продукции, однако, поскольку никаких актов об этом составлено не было, нельзя относить весь перерасход за счет порчи.

Суд признал, что Агейкин не информировал Алексеева об уходе в отпуск рабочих, вследствие чего обеды готовились в преувеличенном размере и портились. Утверждение это основано исключительно на голословном заявлении Алексеева. Между тем, заявление это опровергается справкой пред. завкома завода Трофимова, из которой видно, что точные сведения о количестве рабочих в августе месяца давались, кроме Агейкина, также и Алексееву.

Агейкин являлся совершенно неопытным работником в области общественного питания; он проработал в столовой всего 3 мес. и охватывал за этот срок все области работы столовой было для него затруднительно. Затруднения эти еще более усугублялись тем, что в период его работы производился ремонт столовой, часть цехов завода уходила в отпуск, — все это при условии большого масштаба общественного питания на заводе.

За небольшой по размерам перерасход про-

дуктов по столовой, имевшей большой оборот, привлекать, помимо непосредственного виновника зав. производством Алексеева еще и директора столовой Агейкина не было оснований. Хотя Агейкин осужден к условному наказанию, Прокуратура СССР сочла необходимым опротестовать приговор, тем более, что суд помимо применения к Агейкину уголовного наказания взыскал с него 2098 руб.

Президиум Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда отменить и дело в отношении Агейкина в уголовном порядке прекратить.

Приговором нарсуда 2 уч. Евпаторийского р-на, утвержденным 19 января 1936 г. УСК главсуда Крым. АССР и оставленным в силе постановлением президиума этого суда от 11 февраля 1936 г. рабочий — комсомолец Солнцев Василий Григорьевич был признан виновным в хулиганстве, сопровождавшемся нанесением ножевого ранения гр. Мезенцеву, осужденному по этому же делу, и приговорен по ст. 74 ч. 2 УК к полутората годам лишения свободы.

Прокуратура Союза, считая как квалификацию действий по ст. 74 УК, так и назначенное Солнцеву наказание необоснованным, опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

По делу установлено, что гр. Мезенцев наступил умышленно, из хулиганских побуждений на ногу случайно проходившему мимо него по улице незнакомому ему, обв. Солнцеву, а когда последний схватил его за руку и стал укорять за хулиганскую выходку, Мезенцев ударил его кулаком и пошел дальше. После этого Солнцев догнал своего обидчика и нанес ему удар каким-то острым предметом (ножом или металлической пряжкой — это точно не установлено) в спину, причинив этим Мезенцеву легкое ранение — кожную рану длиной в 1 см, сам же получил от последнего удар кларнетом по зубам, причинивший ему 2 небольшие ранки на нижней губе и кровоподтек на верхней и повредивший два зуба.

Отсюда видно, что в действиях Солнцева нет признаков беспричинного, ничем не вызванного озорства, какое имеется налицо в действиях Мезенцева. Будучи без всякого с его стороны повода задет и побит последним, Солнцев, желая отплатить за полученную обиду и физическое насилие, нанес обидчику легкое телесное повреждение, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 144 УК.

Очевидно суд, обрушивая всю тяжесть приговора на Солнцева, исходил из того, что он пустил в ход нож в то время, как его противник действовал только кулаками и таким «мирным» орудием, как кларнет, а затем, изобразив все это столкновение, как обоюдную драку, а значит и хулиганство, дал наказание тому, кто действовал ножом.

Здесь сказалась неправильная, нередко наблюдающаяся за последнее время тенденция некоторых судей и прокуроров подводить под хулиганство то, что к нему вовсе не относится. Хотя ст.ст. 142—144 и 146 УК не отменены, суды нередко склонны их игнорировать и, не считаясь с характером действий обвиняемых и побуждениями, ими руководившими, применяют в качестве универсальной панацеи

ст. 74, когда нужно и когда не нужно, думая, что они таким образом выполняют директиву об усилении борьбы с хулиганством.

Повышая ответственность за злостное хулиганство, закон имел в виду усиление борьбы именно с этой формой ничем не вызванного нападения хулиганов из озорства от пьяной удали на мирных граждан, на случайно попадающихся под руку людей, в результате чего получается терроризирование трудящихся, находящихся под угрозой ничем не вызванных нападений. В самом характере побуждений хулигана (озорство, пьяная удаля, безмотивность) содержится основная причина особой социальной опасности хулигана и хулиганства, что вынуждает прибегать в таких случаях к жестоким репрессиям.

Другое дело, когда виновный наносит рану или удар не из озорства, а по тем или иным мотивам, вытекающим из его взаимоотношений с потерпевшим.

К преступлениям этого рода нужно подходить по-иному, применяя к ним не ст. 74 из раздела преступлений против порядка управления, а соответствующие ст.ст. из главы VI УК.

Именно к этой последней категории относятся преступления, совершенные обвиняемым Солнцевым. Из дела видно, что он не хулиган, а хороший в прошлом рабочий — комсомолец, активный общественник, никогда худыми делами не занимавшийся, ранее в хулиганстве не замеченный. Совершил он свое преступление не из озорства, а под непосредственным впечатлением от нанесенной ему хулиганом незаслуженной обиды и насилия. Поэтому и отвечать он должен по-иному.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила действия Солнцева переквалифицировать на ст. 144 УК и определить ему наказание в 6 мес. и.т. р. по месту работы с удержанием 15% из зарплаты с зачетом лишения свободы в соответствии с требованиями ст. 29 УК.

Нарсуд 1 участка г. Оренбурга приговорил по ст. 136 УК на 10 лет Кушнера Е. З., в момент суда находившегося под следствием по обвинению по ст. 107 УК, и Проскурякову Евдокию Павловну. Последней, в порядке ст. 50 УК, наказание было снижено до 5 лет лишения свободы.

КК Облсуда Оренбургской области приговор нарсуда утвердила.

Кушнер и Проскурякова были осуждены за то, что Проскурякова по уговору Кушнера и по заранее составленному им плану убила дочь Кушнера Маргариту 8 лет и пыталась задушить вторую его дочь Тамару 5 лет, что ей не удалось. Тамара отделалась сотрясением мозга и выздоровела. Проскурякова после совершенного ею убийства взломала топором шкаф, откуда похитила вещи и продала их в комиссионном магазине за 250 руб.

Вина Проскуряковой как свидетельскими показаниями, так и ее собственным признанием вполне установлена. Приговор же в отношении осужденного Кушнера основан исключительно на показаниях Проскуряковой. В деле нет никаких данных, которые бы могли подтвердить показания Проскуряковой.

Между тем Проскурякова давала на следствии путанные показания и неоднократно их изменяла, почему они и не заслуживают доверия. Так, на первых 2 допросах она о Кушнере ничего не говорила и сваливала вину в ограблении, а значит в убийстве, на гр-ку Кабанову, с которой Кушнер находился в связи. При этом она заявила, что в половой связи с Кушнером не находилась.

На третьем допросе Проскурякова признала свою вину в убийстве ребенка, но заявила, что подговорил ее к этому убийству Кушнер, который с ней сожительствовал, а в ночь с 3 на 4 июня уговорил ее совершить убийство его двух девочек.

Когда медицинской экспертизой было установлено, что девственная плева Проскуряковой не нарушена и что она половой жизнью еще не жила, она на очной ставке заявила, что Кушнер пытался ее использовать в половом отношении в ночь с 3 на 4 июня, но вследствие ее сопротивления этого сделать не мог.

На судебном следствии Проскурякова снова меняет свое показание и заявляет, что она вообще никакой связи с Кушнером не имела и что она совершила убийство из-за денег, так как Кушнер обещал ей 400 руб.

Судом не установлено никаких мотивов, которые бы могли побудить Кушнера стремиться к убийству его детей. Между тем мотивы, побудившие Проскурякову убить детей, совершенно ясны. Это ограбление квартиры Кушнера и желание освободиться от бывших в это время дома детей, которые могли впоследствии ее изобличить.

Ясен также мотив оговора Проскуряковой Кушнера: желание ослабить свою вину.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда в отношении осужденного Кушнера.

Президиум Оренбургского облсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор народного суда 1 участка г. Оренбурга и определение СКК Средневожского крайсуда в отношении Кушнера отменить и дело о нем производством прекратить.

Приговором нарсуда Севского района Западной области от 21 ноября 1935 г. был осужден на 5 лет лишения свободы по ст. 109 и 2 ч. ст. 116 УК б. бухгалтер Севского р/о связи Бойцов Владимир Иванович.

Бойцову вменено было в вину запутанное положение учета в бухгалтерии р/о, отставание в представлении отчетов на 12—15 дней, пропажа денежных переводов и посылок, «кроме этого за обвиняемым был установлен недоход 1117 р.» И дальше в приговоре су. описывает, как Бойцов «способствовал этому убытку».

Из всего приговора, не очень грамотного, совершенно ясно, однако, что Бойцову не вменяется в вину присвоение.

Это еще яснее доказывается материалами дела: показаниями РЗ Назарова, который говорит о халатном отношении Бойцова к своим обязанностям, и актом инспекции Западного областного управления связи от 7—18 сентября 1935 г., подробно проанализировавшим все неправильности ведения бухгалтерии, отбросившим обвинение в корыстных злоупотреблениях и установившим халатное отношение к работе.

Обвинение бухгалтера Бойцова в пропаже посылок и переводов является просто недоразумением, особенно в отношении перевода на имя Хохлова. Сам свидетель говорит о том, что перевод этот был получен в апреле 1935 г., а выдан ему в августе. Между тем Бойцов был снят с работы в мае того же года.

КК Западного областного суда оставила приговор в силе, ни одним словом не мотивировав причины отклонения доводов кассатора — осужденного Бойцова.

Еще более грубое невнимание к жалобе осужденного проявил зав. бюро жалоб областного суда, рассматривавший ее в порядке надзора. Он уже прямо пишет в своем заключении, что Бойцов произвел растрату 1117 руб. и из запутанности в его работе «пропадали переводы денег».

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала определение КК Западного областного суда.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила действия Бойцова переквалифицировать на ст. 111 УК и определить ему меру наказания 1 год и т. р. с зачетом отбытого им срока лишения свободы считать наказание отбытым.

Народный суд 2 уч. Бауманского района г. Москвы 29 декабря 1935 г. в числе других работников столовой № 9 приговорил по ч. 2 ст. 112 б. кладовщика Алешина Афанасия Дмитриевича.

Прокуратура Союза опротестовала приговор наряду со следующими основаниям:

За время пребывания Алешина кладовщиком с 1 августа по 9 сентября 1934 г. по кладовой образовалась недостача продуктов на 851 руб. и излишки на 699 руб.

Суд признал Алешина виновным в халатном отношении к своим обязанностям и обязал его возместить ущерб столовой, взыскав с него 851 руб.

По делу видно, что недостача, образовавшаяся по кладовой, за исключением испорченных рабочими молока и ситро, в значительной части не явилась результатом утраты продуктов Алешиним, а представляет собой так называемую «бухгалтерскую недостачу», так как Алешин, отпуская продукты на вполне законных основаниях, иногда не оформлял отпуск необходимых документами. Это обстоятельство подтверждено свидетелем Козловым; к этому же выводу пришли и органы расследования в обвинительном заключении.

Алешин в процессе предварительного и судебного следствия утверждал, что он не справлялся с работой и просил неоднократно об освобождении, но администрация столовой был задержан на работе до 9 сентября. На листе дела 182 имеется выписка из приказа по столовой, которым Алешин действительно признается несправившимся с работой и увольняется с работы с 1 сентября.

То обстоятельство, что Алешин не мог справиться с работой, ставил об этом в известность администрацию и последняя признала его непригодным, обязывало администрацию немедленно снять его с работы; вместо этого Алешин был задержан на работе.

При указанных выше условиях не было оснований для привлечения Алешина к судебной ответственности.

Кроме недостачи, у Алешина оказались излишки. Однако нет оснований полагать, что эти излишки явились результатом обвешивания потребителей.

Президиум Мосгорсуда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор наряду с определением КК горсуда в отношении Алешина отменить и дело в уголовном порядке прекратить.

Нарсуд Рыбно-Слободского р-на 21/XI 1935 г. приговорил Андрея и Егора Шалимовых и Дардынова Федора за кражу аварийного леса и продажу его на сторону по ст.ст. 162 п. «д» и 107 УК к 5 годам лишения свободы каждого.

Этот приговор 3 декабря 1935 г. был утвержден УК Главсуда с исключением из него ст. 107 УК и оставлением всем осужденным 4 г. лишения свободы, назначенных им наряду по ст. 162 п. «д».

Прокуратура Союза, считая, что приговор и кассопредельное должны быть отменены, а дело должно быть дорасследовано, опротестовала его по следующим основаниям:

По делу установлено, что обвиняемые работали на сплаве в качестве «перехватчиков» (переемщиков) аварийного леса по договоренности с лесостроитом, причем Андрей Шалимов являлся бригадиром. В их обязанности входило извлечение из воды бревен и причал их к берегу.

Установлен ряд случаев передачи этого леса местным колхозам и отдельным крестьянам, платившим обвиняемым по 2 р. 30 к., по 3 и 4 руб. за каждое бревно.

В отношении целого ряда случаев и как раз наиболее значительных по размерам установлено, что обвиняемые получили указанное вознаграждение не за самый лес, а за свою работу по извлечению его из реки, оплата же самой древесины была произведена покупателями официально представителю треста г-р. Паничеву.

В одном из случаев (продажа наиболее крупной партии леса колхозу «Кзыл-Юл») установлено, что сам Паничев предложил председателю колхоза, при продаже ему этой древесины, договориться с обвиняемым Дардыновым об уплате последнему за переем леса.

В отношении обвиняемого Андрея Шалимова, бригадира, показаниями того же Паничева устанавливается, что последний разрешил А. Шалимову производить отпуск леса потребителям.

Получая вознаграждение от колхозов, обвиняемые выдавали им официальные расписки с указанием, что деньги получены за переем леса. Делали они это открыто, не скрываясь, и их подписи иногда даже засвидетельствовывались сельсоветом.

Таким образом, указанными выше фактами доказано, что при отпуске крупных партий леса колхозам обвиняемые получали вознаграждение за свой личный труд по переему леса, в чем нет ничего незаконного, и что об этом знала администрация сплава. При таких условиях инкриминировать им эти случаи, как кражу или хищения, не было никаких оснований.

Остаются случаи мелкого отпуска, по несколько бревен отдельным индивидуальным

покупателям (Кондратьеву, Митрофанову и др.). По объяснениям самих покупателей, они этот лес получили при посредстве обвиняемых и за древесину одни из них платили обвиняемым, а другие агенту Паничеву. В этой части и надлежало органам расследования и суду сосредоточить свое внимание и разобраться в характере действий обвиняемых и агента Паничева.

При продаже бревен индивидуальным покупателям обвиняемые брали с последних вознаграждение в том же размере (от 2½ до 4 рублей за бревно), и что при отпуске леса колхозам, то есть в пределах стоимости своего труда по переему.

В связи с этим надлежало выяснить, на каких условиях работали обвиняемые по договору с трестом и как последний с ними расплачивался, так как, если бы оказалось, что трест им платил примерно столько же, то их объяснения о том, что они получали только за свой труд, в убеждении, что за древесину покупатели (как это было в случаях приобретения леса колхозами или в случаях с продажей Сергееву и Митрофанову) рассчитываются сами с трестом, — получили бы надлежащее подтверждение, и версия о краже сама собой бы опала, а тресту оставалось бы взыскать соответствующую сумму стоимости с покупателей.

Необходимо было установить, какой порядок отпуска аварийного леса был установлен трестом и в этом разрезе подойти к рассмотрению роли не только обвиняемых, но и прежде всего агента сплава гр. Паничева, усиленно распродававшего этот лес на сторону. Сам Паничев в своем показании ссылаясь на какое-то распоряжение треста по этому поводу (телеграмму от 28 апреля), устанавливающее как будто какие-то натуральные отчисления, из спасенного леса в пользу переемщиков леса, чуть ли не 30%.

Надлежало уточнить, путем опроса Паничева (который на суде почему-то допрошен не был), как понимать его слова о том, что он «кроме Шалимова Андрея никому не разрешал». Чего именно он не разрешал другим и что конкретно было разрешено Андрею Шалимову. И как согласовать его «неразрешение» другим, значит и Дардынову, с фактом направления им же самим к последнему свид. Сарахутдинова за получение леса.

До выяснения всех этих моментов, до их следственной и судебной проверки нельзя определенно утверждать, продавали ли обвиняемые краденую ими древесину или же ту, на которую они имели право.

Вместе с тем, эта проверка должна выявить роль во всем этом деле агента лесотреста Паничева.

Президиум главсуда Татарской республики, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил приговор нарсуда и определение УКК отменить и дело передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

Линейный суд Турксіб, рассматривая уголовное дело по обвинению Бабичева и Солдатова по ч. 1 ст. 142 Уголовного кодекса 5 мая 1936 г., признал их виновными, но переквалифицировал преступление на ст. 145 УК и приговорил Бабичева к штрафу на 500 руб., а Солдатова на 300 руб.

Транспортная коллегия 16 июня протест Прокуратуры Союза отклонила и приговор оставила в силе.

Прокуратура Союза опротестовала приговор и определение Транспортной коллегии по следующим основаниям:

28 января с. г. Инструктор-бухгалтер краевой инспекции Союзпечати Юрковский прибыл в командировку на ст. Аягуз. Встретив знакомых, он с ними выпил и опьянел. В состоянии опьянения Юрковский около часу ночи пошел искать гостиницу. По ошибке он вошел в один из железнодорожных домов, двери коего не запирались.

Проживающая в доме Никольская, услышав шаги в коридоре, приоткрыла дверь, чтобы узнать, кто ходит. Юрковский спросил, нет ли свободного номера. Получив ответ, что никаких номеров тут нет, Юрковский пробормотал: «ну все равно» и остался в коридоре.

Никольская постучалась в комнату инструктора политотдела Бабичева и сообщила, что кто-то вошел в коридор.

Бабичев взял револьвер, и, выйдя в коридор, не выяснив, в чем дело, и без всякого повода со стороны Юрковского произвел в него 2 выстрела. На 3 выстреле получил перекос патрона, и Бабичев пошел к себе в комнату, чтобы перезарядить револьвер.

Раненый Юрковский последовал за Бабичевым. Последний схватил когергу и несколько раз ударил по голове Юрковского, который упал.

Пока Бабичев перезаряжал револьвер, Юрковский встал и спрятался в шкаф-гардероб, находившийся в коридоре.

В это время пришел вызванный женой Бабичева Солдатов, который вызвал по телефону агента НКВД.

После этого, несмотря на то, что Юрковский не делал никаких попыток вылезть из гардероба и на кого-либо напасть, Бабичев и Солдатов через двери гардероба стреляли в Юрковского. Юрковский был извлечен из шкафа без сознания и в таком состоянии скорой помощью доставлен в больницу.

Актом медицинской экспертизы установлено, что нанесенные Юрковскому раны, огнестрельные и когергой относятся к разряду тяжелых и опасных для жизни. Юрковский только случайно остался жив.

У Юрковского несколько пулевых ранений с поражением легких, перелом свода черепа и трещина в области теменной кости.

Как видно из показаний всех допрошенных лиц, в данном случае имела место дикая расправа вооруженных людей над безоружным человеком, и ничем, даже словесно, не угрожавшим никому из жильцов квартиры. Преступление было правильно квалифицировано по ч. 1 ст. 142 УК и у суда не было никаких оснований для переквалификации по ч. 1 ст. 145 УК и назначения наказания в виде штрафа.

Определение Транспортной коллегии не соответствует обстоятельствам дела.

Юрковский проник до выстрелов не в комнату, а в незапиравшийся коридор.

Никаких предупредительных выстрелов не было.

Бабичев на первом допросе прямо говорит, что «выстрелил прямо в Юрковского». Кроме того число ран совпадает с числом выстрелов.

До начала стрельбы никакой особой обстановки не было. Плач детей и крики женщины

начались после того, как Бабицев начал стрелять.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор лиссуда и определение Транспортной коллегии отменить и дело вернуть в тот же лиссуд на новое рассмотрение в ином составе со стадии предъявления обвинения по ст. 142, ч. 2 УК.

Приговором линейного суда Московско-Казанской ж. д. от 13 марта 1936 г. Скалин был признан виновным в том, что, состоя зав. лесоскладом Мухомовского леспромхоза на разъезде Венец, преступно халатно отнесся к своим обязанностям, грубо нарушил правила укладки лесоматериала у полотна железной дороги, вследствие чего при прохождении 18 февраля пассажирского поезда № 66 по 4 пути, одно бревно скатилось и попало под колесо 4 вагона, что вызвало сход вагона с рельс. Преступление Скалина было квалифицировано по ст. 16—59^{3в} УК и он был приговорен к 4 годам лишения свободы.

Другой обвиняемый Пискунов — дежурный по разъезду был признан виновным в том, что без согласия диспетчера занял 3 главный путь товарным поездом, чем создал такое положение на разъезде, что пассажирский поезд пришлось принимать на боковой 4 путь, где производилась погрузка лесоматериала и где бревна были свалены в беспорядке, с нарушением габарита. Пискунов по ст. 59^{3в} УК был приговорен условно к 2 годам лишения свободы, с испытательным сроком на один год.

Прокуратура Союза опротестовала приговор лиссуда по следующим основаниям:

Преступление зав. складом Леспромхоза Скалина неправильно квалифицировано по ст. 16—59^{3в} УК, так как он не является работником транспорта. Кроме того, он не является непосредственным виновником крушения и ему вменено лишь отсутствие наблюдения за погрузкой, при производстве которой он участия не принимал. Преступление Скалина следовало квалифицировать по ст. 111 УК.

Из имеющегося в деле постановления усматривается, что по настоящему делу в качестве обвиняемого был привлечен и нач. разъезда Шеронов, которому было предъявлено обвинение в неосуществлении повседневного контроля за местами укладки и лесоматериалов вдоль станционного пути, а также в том, что он допустил 17 февраля беспорядочную укладку лесоматериала, а 18 февраля перед принятием пассажирского поезда, проходя по 4 пути, не принял мер в связи с нарушением габарита при разгрузке материалов, помимо того — в том, что он не прорабатывал с клиентурой приказа нач. дороги о соблюдении габарита и

вообще не давал по этому вопросу указаний. В конечном итоге дело в отношении Шеронова было разрешено в дисциплинарном порядке.

Из изложенного видно, что основными виновниками являются агенты железной дороги, тем более, что крушение имело место на станционных путях.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила преступление Скалина квалифицировать по ст. 111 УК и определить ему меру наказания один год и.т. р. с удержанием 10% из заработка.

Приговором народного суда Мытищенского района гр. Роткина Ирина Ивановна по ч. 2 ст. 169 УК была осуждена к 3 годам лишения свободы.

Приговор был утвержден кассационной коллегией Московского областного суда.

Прокуратура Союза опротестовала приговор нарсуда по следующим основаниям:

Роткина была признана виновной в том, что в поданной ею в Московский горфинотдел декларации она скрыла полученный ею в 1934 г. доход в сумме 4250 руб. от сдачи в наем гр-нам Шапиро и Бродскому квартир в принадлежащем ей доме.

Из имеющихся в деле материалов видно, что гр. Роткина заключила с Шапиро 10/IX 1934 г. и Бродским 20/X 1934 г. письменные договоры о сдаче им квартир сроком на 2 года и тогда же получила с них вперед арендную плату, с первого 3000 руб., а со второго 1500 руб.

В заключенных Роткиной с Шапиро и Бродским договорах имеется указание, что в случае выезда последних до срока уплаченная ими вперед арендная плата подлежит возврату.

При составлении декларации о доходах за 1934 г., которую ввиду неграмотности Роткиной писал гр-н Носов, Роткина указала последнему и на суммы, уплаченные ею Бродским и Шапиро по указанным выше договорам.

Однако Носов, как это устанавливается из его показания на судебном следствии, сумм этих в декларации не показал, считая, что таковые составляют доходность Роткиной за 1935 г., а не за 1934 г.

При наличии указанных условий у суда не было никаких оснований к выводу о том, что невключение полученных гр. Роткиной по договорам с Бродским и Шапиро сумм в декларацию произведено было сознательно с целью обмана финорганов.

Коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, определила приговор нарсуда отменить и дело производством прекратить за отсутствием состава преступления.

Из практики Прокуратуры Союза ССР по общему надзору

Порядок расчета с трактористами за экономию и перерасход горючего установлен постановлением Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) от 2/VI 1935 г. «Об оплате трактористов в совхозах».

В ст. 10 этого постановления сказано: «За экономию горючего против установленных

норм в конце каждого месяца тракторист получает премию в размере стоимости сэкономленного им горючего, а за перерасход горючего с него вычитывается полуторная стоимость перерасходованного зря горючего против установленной нормы».

По точному смыслу этого закона тракторист

должен получать премию или уплачивать штраф после подведения итога израсходованного им в течение месяца горючего в соответствии с установленными нормами.

Между тем правовая группа Наркомсовхозов за подписью некоего т. Кононова разослала всем овцеводческим совхозам юга разъяснение, согласно которому расчеты с трактористами должны были производиться (и производились) не по месячному балансу расхода горючего, а по денежным итогам штрафов и премий за использование горючего в течение месяца.

Если, например, в течение месяца тракторист пережег против нормы 5 литров горючего, а затем исправил эту свою оплошность и сэкономил те же 5 литров и, таким образом, фактически никакого ущерба государству не причинил, то все же по разъяснению правовой группы Наркомсовхозов этот тракторист должен уплатить штраф в размере стоимости 2½ литров горючего.

Это разъяснение, как явно противоречащее закону, Прокуратурой Союза ССР было опротестовано перед Совнаркомом Союза. 2 октября 1936 года СНК СССР вынес следующее постановление:

1. Признать установку т. Калмановича (проект Наркомсовхозов от 9/VIII) о порядке проведения в жизнь постановления СНК и ЦК от 2 июля 1935 г. о премиях трактористам за экономии и вычетах за перерасход горючего, как ведущую к необоснованным вычетам из заработка трактористов, принципиально неправильной.

Предложить Наркомсовхозов отменить указание юридической части Наркомсовхозов по этому вопросу, как извращающее указанное постановление СНК и ЦК.

2. Предложить Наркомсовхозов исправить на местах неправильно произведенные расчеты с трактористами по премиям за экономии и вычетам за перерасход горючего и о результатах доложить СНК в месячный срок.

В связи с поступившими в Наркомзем Союза ССР запросами, последний разъяснил, что колхозы, у которых в настоящее время имеются свободные неосваиваемые ими земли, могут с согласия общего собрания членов колхоза передавать эти земли во временное и бесплатное пользование другим колхозам или государственным и общественным организациям.

Такого рода разъяснения являются существенными поправками к Сталинскому уставу сельхозартели, 2-я статья которого категорически указывает на недопустимость сдачи колхозной земли в аренду, между тем передача колхозной земли хотя бы и во временное и бесплатное пользование другим земледельцами по мотивам невозможности ее освое-

ния в отдельных случаях может послужить формой скрытой аренды; кроме того возможность передачи неосвоенных земель другим земледельцам может повести неокрепшие колхозы к переуступке трудно осваиваемых земель другим земледельцам вместо надлежащего их освоения собственными силами и средствами.

Наркомзем Союза ССР был безусловно не вправе в порядке ведомственных разъяснений давать повод для такого рода отступлений от указаний устава сельскохозяйственной артели. Прокуратура Союза опротестовала эти разъяснения перед Советом народных комиссаров Союза ССР.

По представлению Прокуратуры Союза ССР Совет народных комиссаров Союза ССР 9 октября с. г. по вопросу «Об использовании свободных земель колхозов» принял следующее постановление: «принять к сведению заявление т. Чернова о том, что им будет немедленно отменено распоряжение Наркомзема СССР от 11 июля 1936 г. данное Наркомземом Дубоссарскому райземотделу Молдавской АССР о согласии на временную передачу неосваиваемых земель колхозов в бесплатное пользование другим колхозам или государственным и общественным организациям, и что в дальнейшем Наркомзем СССР будет исходить из этой установки».

Постановление СНК Союза ССР

о дополнении примечанием к ст. 5 постановления СНК Союза ССР «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях».

Совет народных комиссаров Союза ССР по вопросу о дополнении примечанием ст. 5 постановления СНК СССР от 16 февраля 1933 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» постановил:

«Дополнить ст. 5 постановления СНК СССР от 16 февраля 1933 г. «О мероприятиях по усилению борьбы с хищениями и растратами в государственных и кооперативных торговых предприятиях» (СЗ 1933 г. № 13, ст. 76) примечанием следующего содержания:

«Примечание. В случае мелкой недостачи, происшедшей у данного работника впервые и притом вследствие неопытности, просчета или других действий работника, не содержащих признаков уголовного преступления, на виновного может быть наложено административное взыскание с возмещением понесенного предприятием убытка в общегражданском порядке».

По союзным республикам

РСФСР.

Как обращаются с жалобами и с жалобщиками в Прокуратуре РСФСР

Скорое рассмотрение жалоб и немедленное извещение жалобщиков о результатах является само собой разумеющимся в работе любого советского учреждения, стремящегося проводить на практике великий сталинский лозунг о заботливом и бережном отношении к каждому живому человеку нашей страны. Тем более мы вправе ждать такого отношения к жалобам трудящихся и к самим жалобщикам в Прокуратуре РСФСР, призванной бороться со всяким беззаконием, чинимым на местах в отношении этих жалобщиков. Однако несколько дней наблюдения за этой работой в стенах прокуратуры дали не очень положительные результаты.

Начать хотя бы со сроков прохождения жалоб. На голый отказ в просьбе жалобщика, решившегося послать свою жалобу по почте, уходит столько времени, что его с лихвой хватило бы на истребование дела с места, тщательное изучение его и обратную отсылку его на место. Вот яркий пример.

В начале мая 1936 г. была послана в Прокуратуру РСФСР из Ленинграда жалоба по уголовному делу, в которой указывалось, что наказание отбывает невинно осужденный человек. Казалось бы, при внимательном чтении жалобы подобного рода, должна зародиться мысль о необходимости истребовать дело или, по крайней мере, о быстрейшем ответе на жалобу. На деле же ничего подобного не случилось. Прошли за маем, как всегда, июнь, июль и август. Стал подходить к концу и сентябрь. Из прокуратуры, как говорится, ни ответа, ни привета. Наконец, довелось мне лично навести справку в канцелярии прокуратуры. В комнате 105, в соответствующем окошке, мне дали справку, что «еще» 2 июля жалоба была передана в культбытовой отдел. В канцелярии этого отдела (в 423 комнате) никаких следов не могли найти. Наконец, на исходе второго дня поисков «пропавшая грамота» нашлась. На ней красовалась резолюция прокурора с «неразборчивой подписью» об отказе и пометка «сообщено жалобщику» с датой 2 июня. На самом деле, жалобщик не только не получил сообщения в июне, но на свой запрос не удостоился ответа. По существу же жалоба только 25 сентября удалось добиться резолюции т. Стефанюка о затребовании дела.

Но и приезжающим лично в прокуратуру жалобщикам не скоро удается добиться толку. Работа различных «ответвлений» канцелярии часто не совпадает во времени. И нередки случаи, когда сотрудница из 423 комнаты не может снести с сотрудницей из 105 комнаты (так как первая работает в этот день с утра, а вторая — с 5 часов вечера). В результате — жалобщики теряют уйму времени и энергии совершенно зря. Нередко можно также слы-

шать возгласы возмущения: «Мои документы пропали здесь, никак не могут их найти». Сплошь и рядом у окошек происходит истерика.

Такие же картины можно наблюдать и в коридорах возле дверей кабинетов, где принимают «дежурные прокуроры». Кстати, эта «средняя инстанция» вряд ли оправдывает свое существование. Редко кто удовлетворяется ею. Почти весь поток жалобщиков идет дальше — к начальникам отделов. Получается только больше шума.

К этому падо прибавить подчас грубое отношение сотрудников (особенно в комнате 113, где записывают на прием к дежурным прокурорам), мрачность, неуютность и бескультуре ожидающих коридоров.

А. Либерман

Беспримерная волокита

В навигацию 1935 г. заведующий буфетом п/х «Красный профинтерн» Мусаев Абдул за 3 рейса присвоил 4675 р. 38 к., и вскоре после этого уволился с парохода.

Вскоре после сдачи Мусаевым буфета в тресте «Водресторан» обнаружили, что за ним числится растрата. Вызванный Мусаев, убедившись в неоспоримости данных, подтверждающих растрату, не подписывая акта выверки счетов, выехал в Астрахань, где благополучно пребывает и поныне. Как это ни странно, но дело о нем до сих пор еще находится «в стадии расследования». Суд и прокуратура оспаривают первенство на звание волокитчика, в течение 11 месяцев гоняют дело один другому, а Мусаев давно уже забыл о своем деле и как видно готовится к новым растратам.

Дело это проходило следующим образом.

Получив в начале сентября 1935 г. материал о растрате Мусаевым 1175 руб., зам. прокурора Нижневолжского б-на т. Семейкин решил спихнуть это «неприятное» дело в прокуратуру Верхневолжского бассейна по признакам, что трест «Водресторан» находится в Горьком.

Между прочим, нанимателем Мусаева являлась Астраханская контора, пароход принадлежит Нижней Волге, а растрачивал Мусаев во время плавания. Главная прокуратура водного транспорта СССР 20/X возвратила это дело прокуратуре Нижневолжского б-на с указанием расследовать дело в кратчайший срок и привлечь Мусаева к судебной ответственности.

Продержав дело до 8/X без движения, а затем ограничившись допросом обвиняемого Мусаева, прокуратура в течение 12 дней составила обвинительное заключение и дело, явно недоследованное, 20/X было передано в суд для разрешения по существу. 23/X суд под председательством члена бассада т. Груднева совершенно правильно дело возвратил прокуратуре на доследование.

По поручению прокуратуры Нижневолжского б-на в Горьком был произведен допрос целого ряда свидетелей и проведена тщательная выверка документов, касающихся служебной деятельности Мусаева, в результате сумма

растраты Мусаева увеличилась до 4675 р. 38 к. Получив эти материалы, прокуратура бассейна 2/XII отстранила Мусаева от работы зав. отд. магазина № 1 астраханского горта и в тот же день заключила его под стражу, а спустя 3 дня, т. е. 5/XII, дело вторично направила в бассейновый суд для рассмотрения по существу.

7 декабря бассейновый суд под председательством т. Груднева дело принял к своему производству, причем вызов в судебное заседание бухгалтера-эксперта признал нецелесообразным, так как считал, что заключение экспертизы с достаточной ясностью устанавливает растрату Мусаева.

При рассмотрении дела в судебном заседании 20/XII суд под председательством того же т. Груднева, несмотря на неявку по невыясненным причинам важнейших свидетелей Вагиной и Корсаковой, ограничившись объяснением обвиняемого Мусаева, определил дело возвратить на исследование, в частности, для проверки черновых записей Мусаева, копий расходных ордеров на сдачу Мусаевым денег Исаченко и т. п. Судя по всему, у суда не было «желания» рассматривать это дело, и поэтому вместо проверки интересующих обстоятельств по делу в процессе судебного разбирательства он подошел к разрешению вопроса крайне формально, игнорируя документы бухгалтерской экспертизы (признанные, кстати сказать, судом бесспорными и оставленные им без разбора), направил дело на исследование.

Получив это дело из суда 21/XII, допросив 9/1 1936 г. свидетеля Исаченко, прокуратура бассейна, спустя 19 суток, направила его в прокуратуру Верхневолжского б-на на предмет «точного определения» недостачи у Мусаева, хотя заключение комиссии бухгалтеров от 15/XI и бухгалтерской экспертизы от 20/X судом и прокуратурой в части установления размера недостачи у Мусаева не были опровергнуты. Получив 12/II это дело, прокуратура Верхневолжского б-на вынуждена была его на следующий день возвратить с просьбой указать, какие конкретно обстоятельства по делу интересуют следствие и что нужно выяснить через экспертизу. Однако после этого дело больше не поступало.

15 июля дело прокуратурой Нижневолжского б-на было закончено, и в тот же день передано в суд в 3 раз. Направление санкционировал прокурор б-на т. Бунов. 19/VII суд бассейна опять-таки под председательством т. Груднева дело принял к своему производству, а 29 июля при рассмотрении в судебном заседании суд ограничился допросом обвиняемого Мусаева и свидетеля, его закадычного приятеля Исаченко, и постановил: дело возвратить на исследование уже в 4 раз, причем на этот раз уже в прокуратуру другого бассейна, что суд даже не потрудился мотивировать в своем определении.

Напрашивается вопрос, кто виноват в этой беспримерной волоките, объективно превратившейся в защиту растрачника? Не ошибемся, если скажем, что виноваты в этом прокурор Нижневолжского бассейна т. Бунов и член бассейнового суда т. Груднев, которые в течение 11 месяцев перебрасывают это дело один другому. Как, например, могло получиться, что прокуратура бассейна направила 20/X это дело в суд, совершенно не расследовав причины недостачи у Мусаева, а затем, дважды получая его из суда на исследование, не удосужилась

выполнить определения суда или опротестовать их, как необоснованные? Почему т. Груднев не потрудился ознакомиться с материалами дела до подготовительного заседания и принимал его к производству суда 7/XII и 19/VII, считая материалы следствия достаточно полными, а затем без проверки их в судебном заседании возвращал дело на исследование, не указывая, как правило, что считает суд необходимым доследовать?

Мы уверены в том, что главный прокурор водного транспорта и председатель ВТК Верховного Союза СССР из этого дела сделают необходимые выводы.

Шлычков

Как проводится закон о запрещении абортов на дороге им. Л. М. Кагановича

Несмотря на сравнительно небольшой срок с момента издания закона о запрещении абортов, однако уже сейчас можно подвести некоторые итоги борьбы за его осуществление. В этой статье мы попытаемся осветить, как обстоит дело с проведением закона на железной дороге им. Л. М. Кагановича.

По данным гинекологического отделения Свердловской железнодорожной больницы видно, что в 1936 г. количество обращающихся за разрешением абортов, даже до издания закона, резко снизилось против соответствующих цифр 1935 г.

Это говорит об огромном росте культурного уровня трудящихся женщин и благосостояния рабочей массы.

Стабильной, даже с тенденцией некоторого увеличения, остается цифра прерывания беременности по разным причинам, происходящим в небольшой обстановке. Сюда входят падение, поднятие тяжести и неизвестные причины. Над этим вопросом необходимо задуматься, ибо здесь имеют место случаи подпольных абортов, с которыми нужно вести самую беспощадную борьбу как по линии общественной, так и по линии судебно-прокурорских органов. Однако вследствие того, что прокуроры и следователи на местах недостаточно связаны с общественностью, нам не удалось провести ни одного дела над виновниками незаконных абортов.

5 июля с. г. на совещании с участковыми прокурорами прокуратуры дороги был поставлен вопрос о необходимости проверки выполнения судебных решений по взысканиям на содержание детей и о проведении этих решений в соответствии с требованиями закона от 27 июня. В августе по этому вопросу мы получили указание Прокуратуры Союза, в исполнение которого провели работу по дороге.

Проверкой все службы и хозяйственные подразделения дороги мы охватить не успели, но по тем, по которым была произведена проверка, выяснилась очень интересная картина.

Всего пока выявлено по дороге 356 человек, платящих алименты. Нужно сказать, что почти все к моменту проверки платили по-старому. Очень многие платили и платят совершенно мизерную сумму. Так, например, в Тагильском участке из 97 человек, платящих алименты, к 67 нужно предъявить иски об увеличении. Такое же примерно положение и в других участках.

Всего участковыми и дорожной прокуратурой в порядке ст. 2 ГПК представлен 81 иск, часть из них рассмотрена и удовлетворена, а часть будет рассмотрена в ближайшее время.

Народные судьи для разбора дел по алиментам отводят специальные дни и рассматривают эти дела непосредственно на производстве в клубах и красных уголках.

По каждому делу выступает прокурор.

По получении исполнительного листа прокуратура передает его на исполнение. В том случае, когда женщина не находится в месте рассмотрения дела, прокуратура уведомляет ее специальным письмом о вынесенном решении.

Нужно отметить, что исполнение судебных решений по алиментным делам до сего времени было совершенно бесконтрольно. Суды этими вопросами не занимались, не занималась и прокуратура. Такое положение привело к тому, что некоторые родители, несмотря на приличный заработок, платили совершенно мизерную сумму. В Тагильском депо машинист Мурашев Н. Г. при заработке в 570 руб. по судебному решению от 1/II 1932 г. платил на одного ребенка 15 руб. Осмотрщик вагонов Тагильского вагонного участка Лелков В. при заработке в 350 руб. платит на одного ребенка 10 руб. В Тюменском вагонном участке Дорофеев при окладе в 700 руб. на 2-х ребят по решению суда от 1933 г. платил 60 руб. В Тюменском отделении движения Истомин при окладе в 900 руб. платил 100 руб. Данченко, работник пассажирской службы управления дороги, получающий 1000 руб., платил по исполнительному листу от 20 мая 1932 г. только 60 руб. в месяц.

Эти люди, несмотря на то, что закон существует уже более 2 месяцев, не считали возможным добровольно платить столько, сколько требуют закон и интересы ребенка.

За этот отрезок времени прокуратурой был объявлен ряд розысков скрывающихся отцов. Некоторые из них розысканы и их заставили платить на содержание ребят. Некоторые привлечены к уголовной ответственности. Гр. Лисин, работник путевой колонны Тюменской дистанции пути, переменил за короткое время 6 мест работы. На последней работе он успел переменил две квартиры. Лисин общественностью был выявлен как неплательщик. Деньги на содержание ребенка взысканы, а Лисин привлечен к уголовной ответственности и приговорен к одному году исправительно-трудовых работ.

Романенко

О внутренней правовой структуре колхозного двора¹

Одна из больших проблем советского аграрного права, выдвигаемая в связи с коллективизацией деревни, это проблема внутренней правовой структуры колхозного двора.

Этой важнейшей проблеме текущей аграрной политики менее всего уделяется внимания как в отношении теоретической разработки вопроса, так и в особенности судебной практикой. Наша судебная практика пока не дала

принципиальных установок по основным вопросам этого института.

В этом вопросе менее всего допустим самотек, и мы не можем отказаться от регулирования имущественных отношений внутри колхозного двора.

Упрек, сделанный т. Сталиным аграрникам-марксистам в конце 1929 г. на конференции аграрников-марксистов, «что за нашими практическими успехами не поспевает теоретическая мысль, что мы имеем некоторый разрыв между практическими успехами и развитием теоретической мысли», не потерял своей актуальности и в настоящее время, в особенности в отношении теоретической разработки проблем советского аграрного права и отдельных его институтов. В связи с социалистической реконструкцией сельского хозяйства, нет сомнения, эволюционируется и крестьянская семья, как участница ведения социалистического хозяйства. Но одновременно семья колхозника при артельной форме имеет необобщественное хозяйство, которое ведут совместно все члены двора, и мы не можем отказаться от использования формы двора в регулировании необобщественного хозяйства в колхозе. Но весь вопрос заключается в том, как его использовать, каким нормам подчинить внутреннюю жизнь колхозного двора. Не вызывает сомнения то положение, что в дальнейшем своем развитии, при окончательной ликвидации различия между рабочим и колхозником, бытие колхозной семьи будет определяться общими началами советского семейного права, но, однако, не верно будет на данном этапе отождествлять семью колхозника с семьей «рабочего, имеющего огород», и подчинить колхозный двор полностью началам советского семейного права. С другой стороны, наш кодекс о семье и браке по этому вопросу в ряде статей (прим. к 10 ст., ст.ст. 53, 56, 56¹), отсылает нас к земельному кодексу, как источнику регулирования имущественных отношений внутри крестьянского двора. Хотя наше законодательство здесь говорит о крестьянском дворе, отдельно не упоминает о колхозном дворе, но мы отдельного законодательства о колхозном дворе не имеем.

Теоретическое определение имущественных взаимоотношений членов колхозного двора встречает большие затруднения. Мы и не ставим перед собою задачу самостоятельного разрешить эту проблему, но стоит в порядке обсуждения поставить этот большой и сложный вопрос и на основе коллективного обсуждения уловить то общее, что в качестве руководящего принципа может быть рекомендуемо судебной-земельной практике.

Известно, что членство в колхозе носит личный характер и в строгом юридическом смысле дворов в составе колхоза нет, как это усматривается из всей 5-й главы Сталинского устава сельскохозяйственной артели. Так, что взаимоотношения между колхозом и отдельными его членами, регулируемые уставом сельскохозяйственной артели, не могут явиться определяющими при установлении имущественных взаимоотношений внутри колхозного двора. Если мы обращаемся к действующему законодательству, то невольно останавливаемся на Земельном кодексе, как единственном законодательном акте, который регулирует затронутый нами вопрос, хотя и кодекс этот является памятником восстановительного периода и непамят, следовательно, в незначительной степени за-

¹ В порядке обсуждения.

трагивает вопросы колхозного хозяйства. При исследовании внутренней правовой структуры колхозного двора основное в этом вопросе — это вопрос о правовой особенности неособщенного имущества колхозного двора.

Нам думается, что нет никаких оснований в данном случае не применять к колхозному двору ст. 67 Земельного кодекса устанавливающей принципиальное равенство между членами двора на имущество двора. Если при индивидуальном хозяйстве члены двора уравнены в имущественных правах на имущество двора, то при коллективном хозяйстве, когда роль и авторитет женщин так высоко поднялся, благодаря ее месту в колхозном производстве, нет основания этот принцип равенства не распространять на членов колхозного двора. Что же касается несовершеннолетних членов колхозного двора, то советское законодательство, в особенности последнего периода, всегда брало их под особую защиту. Что же касается вопроса о подчинении общего и личного имущества крестьянского двора двум правовым режимам, как это установлено в ст. 77 Земельного кодекса, то нет никаких оснований этот же принцип не применять к имуществу колхозной семьи. Но здесь нужно оговориться, что местный обычай, как источник права, не может быть применен при определении личного имущества колхозного двора, так как колхозный строй уже изжил старые местные обычаи индивидуального хозяйства и колхозная деревня приближается к окончательному преодолению пережитков капитализма в экономике и сознании колхозника.

Иное правовое положение приусадебной земли, находящейся в пользовании колхозного двора. В Сталинском уставе сельскохозяйственной артели сказано: «из обобщественных земельных угодий выделяется в личное пользование каждого колхозного двора по небольшому участку в виде приусадебной земли (огород, сад)» (ст. 2).

Так как предоставляемый колхозному двору приусадебный участок входит в единый земельный массив колхоза и закреплен за ним в бессрочное, т. е. на вечное пользование, а потому выделяемый колхозом колхозному двору приусадебный участок не может рассматриваться, как закрепленный за последним в постоянное пользование в смысле ст. 11 Земельного кодекса. В противном случае мы имели бы в данном случае двух субъектов права на трудовое пользование колхозного земельного фонда (колхоз и колхозный двор). По этим основаниям не может быть и речи о разделе колхозного двора, как это понимается ст. 73 Земельного кодекса, т. е. распределение между членами двора в отдельное пользование части приусадебной земли колхозного двора и имущества, а может иметь место только распределение неособщенного имущества.

Что же касается распределения неособщенного имущества колхозного двора, то если распределение мелкого неособщенного сельскохозяйственного инвентаря, домашних вещей и пр. не вызывает особых затруднений, то при распределении неособщенного скота колхозного двора мы встречаемся с большими затруднениями. И поэтому по последнему вопросу земельно-судебным органам необходимо дать вполне ясные, четкие и твердые указания и директивы. В этом вопросе можно исходить как из потребительских нужд выделяющихся членов семьи, так и из произ-

водственных. Нам думается, что в данном случае эти два принципа необходимо сочетать, и при распределении скота нужно исходить не только от потребительских нужд семьи, но также из производственного принципа возможности выполнения плана развития животноводства и выращивания молодняка. При распределении жилых и хозяйственных построек тот же принцип равенства членов двора должен быть применен и здесь. Но в данном вопросе требуется большая осторожность и не следует механически распределять в натуре жилые постройки, а допустимо в более широком масштабе, чем это имело место при распределении построек индивидуального хозяйства, оставление жилых построек одной стороне с уплатой другой стоимости, причитающейся доли деньгами или зачетом другим имуществом. Распределение хозяйственных построек, в особенности скотных дворов, надо увязать с распределением неособщенного скота. Раздробленные мелкие, оставшиеся в наследство от индивидуального хозяйства жилые постройки не могут служить стимулом к строительству новых, светлых домов в колхозной деревне, тем более, когда богатеющая колхозная семья имеет все возможности улучшить свои жилищные условия.

Ко всему сказанному необходимо добавить, что изложенными краткими замечаниями, само собой разумеется, не только не исчерпывается большой и сложный вопрос о внутренней правовой структуре колхозного двора, мы здесь не имели в виду даже ставить его во всей его широте, так как руководящая директива в этом вопросе может быть дана только авторитетным судебным органом, а именно Верховным судом Союза. Мы надеемся, что ближайший пленум Верховного суда займется этим вопросом, так как земельно-судебная практика нуждается в такой директиве.

А. Есаянц

Еще о протоколах

В журнале «Социалистическая законность» № 6—июнь 1936 г.—в статье «Такую практику надо прекратить» товарищ И. М. совершенно правильно поднял вопрос о протоколах судебного заседания военных трибуналов.

Во всех трибуналах, в особенности за последнее время, протоколы судебного заседания печатаются на машинке и подписываются как удлиняники.

Как правило, секретарь судебного заседания не ведет протокол судебного следствия: некоторые более или менее молно делают заметки карандашом, а есть и такие, считающие себя людьми «с хорошей памятью», и эти заметки не делают. Поэтому в момент вынесения приговора — трибунал никогда не пользуется протоколом судебного следствия и не может им пользоваться потому, что такового нет. Зато через несколько дней, совсем в другой обстановке, эти протоколы пишутся, редактируются и подписываются как подлинники. Причем нередко бывают случаи, что у секретаря трибунала после сессии скопляется несколько таких протоколов и оформляются они в порядке очереди.

Работники трибунала мотивируют эту практику тем, что будто бы есть специальное указание Военной коллегии Верховного суда СССР по

Библиотека Киевской областной прокуратуры

этому вопросу, что протоколы должны печататься на машинке.

Я лично этих указаний не читал, но как видно такие указания имеются, так как Военная коллегия, рассматривая дела в кассационном порядке видит и знает, что такая практика существует и не обращает на это внимания, хотя это противоречит ст. 80 УПК.

Я согласен, что печатанные протоколы судебного заседания удобнее читать, но нельзя же ради только удобства нарушать закон; лишать права и возможности участников процесса проверять свои показания.

Очень редко бывает, чтобы участники процесса и даже прокурор или защитник приносили свои замечания на протокол судебного заседания трибунала в порядке ст. 81 УПК,—это происходит не потому, что протоколы трибунала пишутся квалифицированными людьми и к ним не придерешься, а потому, что они составляются через несколько дней. За это время прокурор или защитник занимается многими другими вопросами и, конечно, нельзя запомнить подробностей судебного следствия.

Я поддерживаю мнение товарища И. М., что такую практику надо прекратить.

Протоколы судебного следствия как в трибуналах, так и во всех судах должны составляться, как это предусмотрено законом; должны писаться чернилами; достаточно полно, с таким расчетом, чтобы к концу судебного заседания они были подписаны председателем следствия.

В целях облегчения работы кассколлегии возможно печатать копии протоколов на машинке, так как такие возможности в трибуналах имеются.

Гринштейн.

Массовая работа с красноармейцами в лагерях

Прокуратурой Азово-Черноморского края совместно с военной прокуратурой СКВО проведен день правовой пропаганды в частях Н. ского лагерного сбора.

В лагерь выезжали 9 райгорпрокуроров тех городов и районов, откуда призвано большинство красноармейцев этого лагеря.

Прокуроры проводили с красноармейцами беседы, принимали письменные и устные заявления, давали советы и разъяснения юридического характера.

В течение этого дня проведено 9 докладов и 10 бесед на темы: об охране социалистической собственности, о законе об измене родине, о льготах военнослужащим и их семьям, о законе о запрещении аборт и увеличении материальной помощи роженицам, об отмене ограничений казачеству и о трудовом законодательстве.

Докладами и беседами охвачено 1855 чел. красноармейцев.

Во время докладов прокурорам было задано 179 различных вопросов.

Красноармейцам дано 275 юридических советов и разъяснений и от них принято 128 письменных и 247 устных заявлений для разрешения на местах в районных центрах.

Такая же работа проведена в других лагерях.

Организованная 1 июня 1935 г. библиотека Киевской областной прокуратуры за год своей работы выросла и окрепла — вошла в уклад жизни и работы сотрудников прокуратуры.

Библиотека имеет более 7000 книг — юридических, социально-экономических, художественной литературы. Выписывает свыше 20 различных газет и 62 журнала, заканчивает комплектование справочников, официальных сборников постановлений и распоряжений правительства.

В библиотеке имеются в 3—4 экземплярах вся наша юридическая литература последних 2—3 лет. Подобран комплект старой юридической литературы, почти в таком же комплекте имеется социально-экономическая литература и хороший комплект художественной литературы — русской и украинской, начиная с классиков и кончая новейшими произведениями советских писателей. Комплекуются произведения классиков мировой литературы и современная переводная литература. Четыре комплекта полного собрания сочинений Ленина, несколько комплектов отдельных его работ, 20 экземпляров «Вопросов ленинизма» товарища Сталина и последние его выступления, комплект основных произведений Маркса и Энгельса представлены в лучших изданиях.

Библиотекой были разрешены трудности комплектования юридической литературы, недостающей в Киев. С КОИЗом заключен договор и практикуется система предварительных заказов, что в значительной мере обеспечило своевременное и достаточное получение юридической литературы. С отдельными юридическими издательствами (Москва—Киев) налажена непосредственная связь. В дело снабжения был втянут и Госкинокультурторг УССР. Букинистические книжные магазины Киева приняли предварительные от нас заказы и стали подбирать юридическую литературу, которой раньше мало интересовались.

Библиотека широко использовала книжные библиотечные возможности Киева. В течение этого года она пользовалась книгами Киевского института коопромышленности (201 книга), ФЭТа (40 книг), УКОТа (25 книг), библиотекой им. ВКП(б) и имеет постоянный коллективный абонемент в библиотеке УАН.

Наиболее трудным вопросом для библиотеки был вопрос организации читателя. Надо было охватить всю область, состоящую из 96 районных прокуратур, 7 пунктов городской и областную прокуратуру.

Для обслуживания районных прокуратур библиотека использовала систему передвижек.

В передвижной фонд выделено более 3000 книг юридических, социально-экономических и художественной литературы. Работа с юридической и социально-экономической литературой ведется отдельно от работы с художественной литературой.

Передвижки художественной литературы комплектуются в количестве 10—15 книг классиков и лучшей современной литературы и рассылаются на районы с расчетом на один—два месяца.

Организацией передвижек мы ставили своей целью дать литературу для поднятия квалификации работников райпрокуратур, обеспечить подготовку их к сдаче юрминимума, дать материал для текущей работы. Они комплектуются из специальной юридической, партийной и экономической литературы в количестве до 30—40 книг и высылаются в районы на срок, необходимый для этих целей, обычно на 2—3 месяца, но некоторые районы задерживают эти передвижки до 8 месяцев. Всего за год разослали 87 юридических передвижек и 82 передвижки художественной литературы.

Кроме районных передвижек в самом Киеве имеются 3 укрупненных передвижки.

В работе с индивидуальным читателем библиотека применила ряд мероприятий, способствующих продвижению книги — подбор новинок, тематический подбор литературы, рекомендательные списки по юрминимуму и художественной литературе, указатели критической литературы, рекомендательные списки художественной литературы к изучению истории ВКП(б). Библиотека разработала темы «Преступление и наказание в русской художественной литературе» и «Лицо классового врага в современной художественной литературе», провела вечер с разбором книги Островского «Как закалялась сталь».

Библиотека широко практикует свободный доступ к полке, вполне оправдавший себя. Основным, лучшим достижением являются внебюджетные беседы — консультации с читателем.

Кроме этой чисто библиотечной работы, организовано систематическое снабжение райпрокуратур и работников областной прокуратуры, руководящей правовой литературой, кодексами и сборниками постановлений правительства. За год такой литературы было распределено 1460 экземпляров.

Подводя итоги годовой работы, библиотека Киевской областной прокуратуры ставит перед собой как ближайшую задачу дальнейшее развитие и укрепление своей работы и имеет к этому все необходимые условия.

М.

Туркменская ССР

Изучение истории развития судебных органов

Исторические указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова об изучении истории наро-

дов СССР поставили огромные задачи перед правовым научно-исследовательским фронтом в области собирания, изучения и обобщения материалов о формах развития судебного и уголовного права в национальных республиках Советского союза.

Студенты-отличники III курса МЮИ тт. Мариупольский, Вольфсон, Файнгольд и Горчаков, поставив себе задачей — изучение истории развития судебных органов и уголовной политики в Туркменской советской социалистической республике, использовали свои летние каникулы для поездки в ТуркССР с целью собирания фактического материала, охватывающего период 1882—1935 гг.

В результате упорной 2-месячной работы, использовав архивный, литературный и законодательный материал, конкретные судебные дела, документы руководящих партийных и советских организаций, а также воспоминания судебно-прокурорских работников первых лет советской власти, бригада собрала огромный материал по темам:

а) История суда и процесса в Туркменистане,

б) Основные этапы уголовной политики в ТССР,

в) Органы юстиции в борьбе за раскрепощение женщины-туркменки и

г) Преступления в области земельно-водных отношений.

В процессе накопления материала бригада поддерживала тесную связь с Наркомюстом и прокуратурой Туркменской ССР, а также с научно-исследовательскими организациями Туркмении.

Институт уголовной политики заслушал отчет о проделанной участниками этой группы работе и констатировал, что: «бригада провела в Туркменской ССР большую работу и собрала ценный материал, который даст возможность решения ряда научно-исследовательских вопросов в области истории и работы суда Туркменской ССР».

Весь собранный материал подвергается литературной обработке.

Право-процесс-судостройство в капиталистических странах

УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ И СУДОУСТРОЙСТВО ИСПАНИИ

Испанская конституция 1931 г. была выражением нового соотношения классовых сил в стране после апрельской революции.

Формально закрепленные в конституции демократические свободы давали возможность рабочему классу города и деревни использовать их против буржуазии и помещиков.

Вот почему, в частности, рабочий класс Испании сделал защиту демократии своим делом.

Героическое восстание горняков в Астурии в 1934 г. не привело их к победе из-за раздробленности рабочего класса и предательства его реформистских и анархо-синдикалистских во-

ждей. Единственно правильной была позиция коммунистической партии Испании, упорно борющейся за единство в испанском пролетариате. Результаты этой борьбы успешно сказались в 1935 г., когда обозначился резкий поворот в рабочем классе. Образовавшийся единый народный фронт победил на выборах 16 февраля и 1 марта 1936 г., и его правительство взяло на себя выполнение требований единого народного фронта.

К моменту победы народного фронта уголовное законодательство и судоустройство Испании регулировалось:

1) конституцией 1931 г., 2) уголовным кодексом 1932 г. с дополнениями в виде отдельных законов, 3) уголовно-процессуальным кодексом 1882 г. и 4) основным законом об организации судебной власти 1870 г.

Правительство единого народного фронта до мятежа генералов Франко, Мола, Кейпо-де-Льяно, осуществленного при активной помощи Италии, Германии и Португалии, ограничилось в области уголовного законодательства и судоустройства только изданием амнистии от 19/II 1936 г. осужденных за преступления, совершенные по политическим и социальным мотивам.

После мятежа правительство единого народного фронта приступило в первую очередь к чистке судебного аппарата (закон от 14 августа 1936 г. об увольнении муниципальных судей и прокуроров, не сочувствующих нынешнему режиму)¹ и к укомплектованию его работниками, заявляющими о своей верности единому народному фронту (закон от 16 августа 1936 г.)².

Однако лишь с образованием возглавляемого Ларго Кабальеро правительства, в котором министрами земледелия и народного просвещения являются коммунисты Урибе и Эрнандес, можно отметить более решительный поворот к надлежущей борьбе с врагами народа и за поддержание в народе внутренней дисциплины и порядка.

За этот период последовали: 1) закон 25/VIII 1936 г. об учреждении чрезвычайного народного трибунала; 2) закон 1/IX 1936 г. о специальных судах по борьбе с восстаниями и мятежами в городах Бильбао, Хасн и Сигудад-Реаль; 3) закон 21/IX 1936 г. об организации генеральной дирекции по применению условного освобождения³.

Других изменений материального и процессуального законодательства, за исключением тех, которые содержатся в упомянутых законах, пока не последовало.

После апрельской революции декретом от 2 мая 1931 г. было восстановлено действие УК 1870 г., в котором вместо терминов «королевство» и «король» были введены — «испанская республика» и «глава государства».

Декретом от 6 мая 1931 г. была организована юридическая комиссия по кодификации уголовного законодательства. Проект нового УК был 16/V^о 1932 г. доложен парламенту (кортесы) и был принят 6 сентября 1932 г. с введением в действие с 1 декабря 1932 г.

Юридическая комиссия, которая была занята переработкой УК 1870 г., в целях его согласования с новой конституцией, состояла из профессоров Хименес Асуа (нынешний заместитель председателя кортесов, социалист), Рюис

Фунес (министр юстиции в кабинете Ларго Кабальеро, республиканская левая) и Родриго Мюнос.

Работа этой комиссии была парализована буржуазным большинством кортесов.

Все демократические свободы были фактически аннулированы коалиционным правительством путем закона о защите республики, который был направлен против рабочего класса и революционного крестьянства.

Закон этот был опубликован 21 октября 1931 г. и просуществовал до 29/VIII 1933 г., карая за распространение «ложных слухов», призыв армии к неповиновению, призывы к насильственным действиям, в частности, по мотивам политическим и социальным, забастовки неэкономического характера, забастовки, объявленные без предупреждения за 8 дней и забастовки, которым не предшествовал арбитраж. Этот же закон предоставлял широкие права министру внутренних дел по запрещению собраний, закрытию клубов и газет.

Однако последующее фашистское правительство считало этот исключительный закон «слишком либеральным» и перешло к открытому произволу, который в 1934—1935 гг. привел к массовым казням и к каторжным приговорам, исчисляемым в десятках тысяч.

Изменения УК 1870 г., принятые республиканским правительством при издании УК 1932 г., в основном выразились в следующем:

1) Одни вытекали из испанской конституции 1931 г.

2) Другие исправляли отдельные ошибки материально-технического порядка.

3) Третьи гуманизировали наиболее серьезные наказания.

4) На последнем месте стояли немногочисленные дополнения особенной части (о преследовании ростовщичества, о нарушениях).

УК 1932 г. состоит из трех книг, в которых содержится 600 статей, (на 26 статей меньше, чем в УК 1870 г.).

В первой книге содержатся общие положения о преступлениях, нарушениях и наказаниях. Во второй книге перечисляются преступления и их наказания. В третьей книге перечисляются нарушения и их наказания.

Ст. 1 УК 1932 г. разграничивает преступления и нарушения, согласовывая это разграничение со ст. 28 конституции, по которой будут наказываться только те деяния, которые были объявлены наказуемыми законом, изданным до их совершения. В ней же указывается, что суды должны воздержаться от осуждения деяний, заслуживающих репрессий, но не наказуемых по закону.

Закону придается обратная сила, если он смягчает наказуемость деяния.

УК распространяет свое действие на всех, совершивших преступные деяния на территории Испании, в том числе и на иностранцев, не пользующихся правом экстерриториальности.

Исключениями являются находящиеся под протектором Испании африканские территории (Испанское Марокко). В Испанском Марокко действует специально изданный УК от 1/IX 1914 г. Там же по конвенции от 27/X 1907 г. французских подданных, совершивших преступления в Испанском Марокко, судят по французским законам.

УК признает равенство всех испанцев перед законом в соответствии со ст. 2 конституции.

К обстоятельствам, исключающим вменение

¹ «Caceta de Madrid» от 15/VIII 1936 г.

² Там же, от 17/VIII 1936 г.

³ Там же, от 26/X и 1/IX 1936 г.

в вину, отнесена невменяемость и оправдывающие доказательства. Неответственными признаются психически больные и все, кто действовал в помраченном сознании, если это помрачение не было умышленно вызвано. Преступления, совершенные в состоянии опьянения, не наказуются в тех случаях, когда опьянение было полным и случайным. В отношении психически-больных суду предоставлено право помещения их в госпиталь, откуда они не могут быть освобождены без разрешения суда.

УК 1932 г. устраняет ответственность несовершеннолетних до 16 лет. Глухонемые приравниваются к психически-больным. Ст. 8 УК устраняет вменение в вину преступлений, совершенных в защиту от незаконного нападения и при разумной необходимости в помощи. Под непреодолимой силой понимается только физическая сила или непреодолимый страх перед равным злом.

Смягчающими вину обстоятельствами (ст. 9) признаются: 1) изложенные выше обстоятельства, когда они не устраняют ответственности, 2) неслучайное опьянение, но с помрачением сознания при условии, если оно не было сопряжено с умыслом совершить преступление, 3) если виновный не достиг 18 лет, 4) если виновный не имел ввиду совершить своим деянием такое зло, какое последовало, 5) непосредственное раскаяние, чистосердечное сознание до начала расследования и другие аналогичные обстоятельства.

Отягчающими обстоятельствами признаются (ст. 10): 1) насилие, 2) получение вознаграждения за совершение преступления, 3) применение опасных средств, 4) прямой умысел, 5) злоупотребление доверием, 6) использование своего служебного положения, 7) совершение деяния в обстановке общественного бедствия, 8) применение оружия, 9) совершение преступления ночью или в пустынном месте, 10) рецидив, 11) совершение деяния без учета возраста и пола потерпевшего.

Основными наказаниями являются:

1) заточение, 2) каторжные работы, 3) тюрьма нескольких степеней, в зависимости от срока наказания, 4) строгий арест, 5) арест, 6) изгнание, 7) ссылка, 8) публичный выговор, 9) штраф.

Дополнительными наказаниями являются:

1) лишение гражданских прав, 2) конфискация добытого преступлением.

УК 1932 г. не указывает смертную казнь среди наказаний и устраняет пожизненное заключение, устанавливая лишение свободы от 1 дня до 30 лет.

Суд вправе применить наказание в пределах закона, но по своему свободному убеждению.

УК 1932 г. сохраняет условное осуждение в тех случаях, когда наказание не превышает 1 года. Применяется и условное освобождение к приговоренным более чем на один год, если они отбыли $\frac{3}{4}$ срока (ст. 101).

Книга автора УК 1932 г. является особенной частью УК.

В 17 главах перечислены признаки деяний, в которых содержится состав преступления, и их наказание.

В специальную главу выделены преступления против кортесов (воспрепятствование избранию нового президента, воспрепятствование конгрессу кортесов его деятельности, узурпация министрами своей компетенции, насильственное вторжение в кортесы и в помещение совета министров (ст. 150, 166).

Наказуется посягательство на замену республиканской формы власти иной формой, посягательство на все или часть кортесов, на президента республики и его прерогативы (ст. 167—173). В этой же главе указывается на наказуемость посягательств против граждан при осуществлении ими своих прав, гарантированных конституцией.

Впервые в УК 1932 г. вводится наказуемость нарушений государственным должностными лицами своих конституционных обязанностей (установление незаконных налогов, незаконное задержание, нарушение неприкосновенности жилища (ст. 190—227).

Точно так же впервые в УК 1932 г. помещается глава 5 о преступлениях против органов юстиции, в которой содержится наказуемость ложного доноса, а также ложного показания в уголовном и гражданском суде как в интересах обвиняемого, так и против него.

Глава 7 предусматривает должностные, преступления, в частности, вынесение неправолиного судебного приговора в пользу или против обвиняемого, отказ от правосудия под предлогом незнания закона или умолчания закона.

В главе 9 перечисляются посягательства на жизнь и телесную неприкосновенность. Отце- и материубийства рассматриваются как квалифицированные убийства. Наказуется детоубийство и аборт. Детоубийство, совершенное в целях скрыть роды, карается также, как и детоубийство по другим мотивам. При наказуемости аборта различается: был ли аборт совершен с согласия матери или без него.

В главе 14 перечисляются преступления против собственности. Кража, совершенная в безлюдном месте или с применением отмычек, карается тюремным заключением (ст. 493).

В книге 3-й содержится перечень нарушений и их наказуемость. Под нарушениями понимаются не только нарушения в собственном смысле этого слова, но и отчасти мелкие преступления, причинившие убытки до 100 пезет.

В первой главе этой книги перечислены нарушения правил о печати. Ответственность несут редакторы, издатели и выпускающие. Редактор периодического издания, в котором были опубликованы ложные сведения частной жизни потерпевшего, карается, если он не напечатал опровержение потерпевшего. Во второй главе перечисляются нарушения порядка (ложная тревога, участие в азартных играх, купанье в неразрешенных местах). В третьей главе перечисляются мелкие проступки, направленные против личности (неоказание помощи врачом, если потерпевший, в результате этого неоказания помощи, утратил трудоспособность от 1 до 15 дней, оскорбление одним супругом другого). В пятой главе содержатся правила, которые регулируют применение наказания.

После издания кодекса 1932 г. законом от 4 августа 1933 г. была установлена наказуемость социально-опасных лиц, не совершавших конкретного преступления. Закон этот носит название закона о борьбе с бродяжничеством и нищенством. Выработанный коалиционным правительством проект от 25 апреля 1933 г. кортесы отклонили. Нынешнему заместителю председателя кортесов профессору Асуа и министру юстиции в кабинете Ларго Кабальеро профессору Фунес тогда была поручена переработка этого проекта. Асуа и Фунес были в то время депутатами кортесов и руководствовались необходимостью устранения из закона

того обстоятельства, что «в ряды преступников были поставлены бродяги и нищие, дошедшие до этого состояния в силу большой нужды в городах, и внесения в закон гарантии защиты личности от произвола»¹.

В результате их работы cortesы приняли этот закон в измененном виде.

Закон этот делит социально-опасных лиц на две категории (рецидивисты и любые лица, признанные судом социально-опасными — ст.ст. 1 и 3).

В отношении этих лиц после исполнения приговора могут быть приняты дополнительные обеспечивающие меры (содержание в исправительном доме или в сельскохозяйственной колонии на срок от 1 до 5 лет).

Право признавать социально-опасными представлено суду. Суд обязан собрать сведения в отношении социально-опасных лиц за последние 5 лет. Они могут быть подвергнуты превентивному аресту до 10 дней. Обвиняемый вправе избрать себе защитника или просить о назначении ему защитника. Приговор о признании лица социально-опасным может быть в трехдневный срок обжалован в апелляционном порядке.

23 ноября 1935 г. закон этот был изменен. Ст.ст. 2 и 6 закона были изменены в том смысле, что социально-опасными могут быть признаны также те лица, которые подстрекают к террористическим деяниям или высказывают свое одобрение совершению подобных деяний. В качестве обеспечивающих мер применяется помещение в исправительные дома.

11 октября 1934 г. коалиционным правительством был издан закон о наказуемости применения взрывчатых веществ и грабежей².

Ст. 1 этого закона карает нападение с применением взрывчатых веществ. При легких последствиях нападения наказание до 20 лет лишения свободы, при более тяжких — до 30 лет. Нападения, причинившие смерть или совершенные несколькими лицами, караются смертной казнью.

Ст. 2 карает грабежи с насилием, совершенные двумя и более лицами с применением оружия. Наказанием является смертная казнь в тех случаях, если последовала смерть или тяжкие телесные повреждения потерпевших.

Таким образом, этим законом вводилось право применения смертной казни.

Уголовный процесс в Испании регулируется УПК 1882 г. Он состоит из 7 книг, содержащих 998 статей.

В 1-й книге содержатся общие положения. Во 2-й книге — постановления о производстве расследования. В 3-й книге — о судебном следствии. В 4-й книге — специальные процедуры. В 5-й книге — кассационное обжалование и пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам. В 6-й книге — правила судопроизводства по делам о нарушениях. В 7-й книге — порядок исполнения приговора.

В 1-й книге содержатся постановления о подсудности, об отводе, о порядке обжалования.

Подсудность определяется по месту совершения преступления (ст. 14).

Правом отвода могут воспользоваться прокурор, частный обвинитель и обвиняемый.

Поводами к отводу являются обычные для

всех буржуазных кодексов основания. Прокурор отводу не подлежит.

Право возбуждения уголовного преследования принадлежит государству. Просить о возбуждении уголовного преследования могут все граждане в пределах закона (ст. 101).

Защита может быть допущена и во время расследования дела. Если обвиняемый не избрал себе защитника, то по его просьбе ему может быть защитник назначен.

Судебные постановления различаются трех родов: 1) резолюции (по вопросам формальным), 2) определения (возбуждение уголовного преследования, арест, принятие доказательств или отказ в принятии доказательств), 3) приговоры.

Приговоры являются окончательными в тех случаях, когда по закону не допускается апелляция. Обжалование может иметь место в порядке апелляционном и кассационном.

В книге 2-й, посвященной расследованию, прежде всего указывается, что всякий, кто явился свидетелем преступного деяния, должен поставить об этом в известность власти. От этой обязанности освобождаются недееспособные супруги, родственники по восходящей и нисходящей степени, и несовершеннолетние. Просьба о привлечении к уголовной ответственности должна быть составлена адвокатом. В обеспечение поданной просьбы о привлечении к ответственности может быть назначен залог. Сообщение, о всяком преступлении должно быть расследовано. Обвиняемый имеет право ознакомиться с материалами предварительного следствия, за исключением тех, которые являются секретными. Если расследование продолжается более двух месяцев, судья должен осведомить об этих материалах защитника обвиняемого. Расследование производится лично следственным судьей под прямым контролем прокурора. Следственный судья может передоверить свои полномочия муниципальному судье. Продолжительность расследования ограничивается 30 днями.

В соответствии со ст. 29 конституции, всякий арестованный в течение 24 часов после ареста должен быть допрошен без приведения к присяги, но с приглашением ясно и определенно отвечать на поставленные ему вопросы.

Обвиняемый имеет право диктовать свои показания. В протоколе должны быть изложены все поставленные вопросы и полученные ответы. Перед подписанием протокола обвиняемый имеет право прочитать его, но дополнить или изменить он не вправе. Сознание обвиняемого (ст. 406) не освобождает судью от производства всех действий, необходимых для проверки правильности его показаний. Арест может иметь место только в случаях, указанных в законе (ст. 489). Подследственный может содержаться в одиночке не более 5 дней. Предварительное заключение допускается только по делам, по которым угрожает наказание более 6 лет лишения свободы. Превентивный арест допускается только в случаях, когда обвиняемый может повлиять на ход расследования своим пребыванием на свободе. Находясь под стражей, обвиняемый может питаться за свой счет. По окончании расследования дело направляется в суд по соответствующей подсудности. Прокурор или суд могут вернуть дело с предложением дополнить расследование.

В книге 3-й указывается, что по законченному расследованием делу прокурор обязан в течение 5 дней дать свое заключение. Защита

¹ Asua. Mon. f. Krim. und. Straf № 2/3 1934, S. 87.

² Calon Zeitschr. f. StW № 56/2/1936 г., S. 469.

имеет право изучить все производство по делу. Обвиняемый и прокурор могут вносить предложения о мероприятиях по представлению новых доказательств. Вопрос этот разрешается судом, который первоначально передает дело судье-магистрату для изучения его в течение трех дней и доклада. Заседание суда происходит публично. Председательствующий может закрыть двери, если государственный порядок или мораль этого требует.

В порядке судебного следствия заслушиваются свидетели и эксперты, которых опрашивают прокурор и защитник. Председатель обязан не допускать наводящих или сбивающих вопросов. Заявления представителей власти и судебной полиции имеют силу свидетельских показаний. Изучение документов по делу производится самим судом. Суд вправе произвести проверку фактов по своей собственной инициативе или по ходатайству сторон. Перед окончанием судебного следствия стороны приглашаются представить свои письменные предложения по делу. После речей сторон председательствующий спрашивает, не хотят ли обвиняемые что-либо добавить по делу. В случае утвердительного ответа, обвиняемый получает слово. После этого председательствующий объявляет прения сторон законченными. Протокол судебного заседания должен быть подписан председателем, членами суда, прокурором и защитником.

Начавшиеся прения сторон не могут быть прерваны или отложены, за исключением случаев, предусмотренных законом.

В книге 4-й излагаются постановления о специальных процедурах.

Здесь имеется в виду порядок привлечения к ответственности депутатов кортесов, судей и магистратов, порядок рассмотрения дел о печати и о клевете.

В книге 5-й содержатся постановления о кассационном обжаловании и пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам.

Кассационное обжалование может иметь место в случаях нарушений материального закона или процессуальных норм. Нарушениями материального закона признаются: а) отсутствие состава преступления, б) неправильная квалификация, в) ошибочное применение закона, г) применение непредусмотренного законом или чрезмерного наказания. Нарушениями процессуальных норм признаются: а) невызов обвиняемого в суд, б) отказ в допросе существенных свидетелей, в) неуказание в приговорах установленных судом фактов, г) необсуждение судом всех пунктов обвинения и защитительных доводов, д) неправильный состав суда.

Основаниями к пересмотру дел по вновь открывшимся обстоятельствам признаются: 1) когда за одно и то же деяние осуждено несколько лиц при обстоятельствах, исключаящих участие нескольких лиц, 2) когда кто-либо осужден за убийство, а затем устанавливается, что потерпевший жив, 3) когда обвинительный приговор основан на подложных документах или ложных показаниях. В книге 6-й указывается, в частности, что кассационное обжалование по делам о нарушениях может иметь место только в случаях, если нарушены процессуальные нормы.

Судоустройство в Испании регулируется конституцией 1931 г., основным законом об организации судебной власти от 15 сентября 1870 го-

да, дополнениями к нему 1882 г. и 5/VIII 1907 года.

Правительство единого народного фронта учредило законами 25/VIII 1936 г., 1/IX и 15/IX 1936 г. специальный народный трибунал, организация которого и подсудность ему изложены ниже.

Судом 1-й инстанции является муниципальный суд (судья единоличный).

Муниципальным судьей может быть всякий испанец, избранный народным голосованием, в котором участвовало не менее 12 тысяч человек. Муниципальному суду подсудны дела о нарушениях.

Суд исправительный (судья единолично) производит расследование по делам и рассматривает дела о проступках, по которым угрожает лишение свободы.

В качестве суда второй инстанции он является судом апелляционным для судов муниципальных.

В главном городе каждой провинции имеется провинциальный суд, состоящий из председательствующего и четырех магистратов.

Провинциальные суды в качестве судов первой инстанции рассматривают ряд дел с участием присяжных заседателей. Суд присяжных был введен в Испании в 1888 г. Диктатура Примо-де-Ривера его отменила. После апрельской революции 27 апреля 1931 г. суд присяжных был восстановлен, но объем его деятельности был изменен первоначально законом 22 сентября 1931 г., а затем законом 27 апреля 1933 г.

По закону 22 сентября 1931 г. суду присяжных были подсудны дела об убийстве, аборт, насилии. Закон 27 апреля 1933 г. исключил из подсудности суду присяжных те же преступления, если они были совершены по политическим или социальным мотивам.

Если прокурор или защитник находят ошибочным вердикт присяжных, то они могут просить о пересмотре вердикта в новом составе. Суд присяжных вправе был, вынося обвинительный вердикт, поставить вопрос об уменьшении наказания.

Все судьи, кроме муниципальных, назначаются министром юстиции по представлению председателей соответствующих судов.

В соответствии со ст. 98 конституции, судья и магистраты не могут увольняться, временно отстраняться от исполнения обязанностей или перемещаться со своего поста иначе, как в соответствии с законами, которые установят необходимую гарантию для действительной независимости судов.

Судьи, независимые в осуществлении своих функций, подчиняются только закону (ст. 94 конституции).

Верховный трибунал состоит из 6 палат. Уголовные дела рассматриваются в первой палате (кассационной), состоящей из председателя и 9 магистратов. В состав третьей палаты (управления) входят председатель верховного трибунала, все председатели палат и прокурор республики.

Председатель верховного трибунала назначается президентом республики. Председателем верховного суда могут быть только испанцы, достигшие 40 лет и имеющие ученую степень лиценциата права (ст. 96 конституции). Председатель верховного трибунала назначается на 10 лет.

Организация прокуратуры в основном регулируется ст. 104 конституции. Прокуратура сле-

дит за точным применением законов, составля-ет единый корпус и пользуется теми же га-рантиями независимости, что и судебное управ-ление.

Адвокатура организована в виде сословия. Для вступления в адвокатуру нужно дости-гнуть 21 года и иметь ученую степень лицен-циата права. Во главе адвокатуры стоят сове-ты в городах, где имеются провинциальные суды. Во главе каждого совета — дирекция (хунта), избирающая из своей среды председа-тельствующего. Участие адвокатов обязательно во всех судебных инстанциях.

После образования в Лиге наций Комиссии по «Защите ребенка» 3/VII 1929 г. были в Испании впервые организованы суды по де-лам о несовершеннолетних. Республиканское правительство 30 июня 1931 г. изменило этот закон, внося в него некоторые согласования с УК 1870 г. Во всех главных городах провин-ций были образованы суды по делам о несо-вершеннолетних. Судам этим подсудны: 1) дела по обвинению недостигших 16 лет, если со-вершенные ими деяния караются по УК как преступления или нарушения. 2) Дела недостиг-ших 16 лет, если они занимаются проститу-цией, бродяжничеством и нищенством. 3) Дела несовершеннолетних, достигших 16-летнего воз-раста, если они совершили деяния в отноше-нии недостигших 16 лет. 4) Дела по обвинению родителей и опекунов, обвиняемых в наруше-нии правил в отношении несовершеннолетних. Суд по делам о несовершеннолетних приме-няет в отношении несовершеннолетних воспи-тательные меры, а в отношении взрослых ме-ры, предусмотренные УК. В частности, суд по делам о несовершеннолетних вправе применить следующие мероприятия: 1) помещение в вос-питательные заведения, 2) увещание, выго-вор, 3) отдачу под надзор, 4) назначение охранной опеки, 5) суд по делам о несовер-шеннолетних рассматривает дела в закрытом заседании. Личная явка несовершеннолетнего обязательна. Могут быть привлечены в каче-стве экспертов медицинские специалисты и спе-циалисты по воспитанию детей.

Как указывает профессор Асуа, ненормаль-ная проблема о превенции только тогда полу-чит надлежащее разрешение, когда превенция эта будет обеспечена не одним только зако-ном об опекунов¹.

Как указывалось уже выше, правительство единого народного фронта внесло весьма су-щественные изменения в систему судострой-ства. После увольнения из судебного ведом-ства всех несочувствующих нынешнему режиму по закону от 14 августа 1936 г. было произ-ведено укомплектование судебных учреждений новыми работниками, верными единому наро-дному фронту.

Учрежден народный трибунал, состоящий из 14 судей-заседателей и трех судей про-

фессиональных. По закону от 25/VIII 1936 г. судьи-заседатели выбираются комитетами пар-тий, входящих в единый народный фронт. Народные трибуналы организовываются во всех главных городах провинций и имеют полную юрисдикцию по делам по обвинению в участии в мятеже, бунте или посягательствах на внешнюю безопасность Испании. При рассмо-трении дел по обвинению несовершеннолетних до 16 лет, в состав профессиональных судей входит один судья из опекунского суда.

Судьи-заседатели рассматривают вопрос о факте преступления, а судьи-профессиональные выносят приговор на основании их вердикта. Предварительное следствие производится по правилам ст.ст. 364 и 516 УПК, т. е. в обычном порядке. В течение 24 часов прокурор пред-ставляет в народный трибунал дело с обвини-тельным актом, в котором должно быть ука-зано: 1) изложение фактических обстоятельств дела, 2) квалификация преступления со ссыл-кой на закон, 3) перечень подлежащих вызову в трибунал лиц.

В течение 48 часов с момента поступления дела в народный трибунал должно состояться предание суду. После предания суду обвиняе-мый должен быть извещен, что он имеет право избрать себе защитника или получить такового по назначению и право дополнить список сви-детелей.

Судебное следствие происходит в предусмо-тренном ст. 688 УПК порядке, т. е. в обычном.

Для вынесения приговора, карающего смерт-ной казнью, необходимо абсолютное большин-ство голосов. Приговоры народного трибунала не подлежат обжалованию.

Кроме того, 1/IX 1936 г. в развитие этого же закона о народном трибунале организованы специальные суды по борьбе с мятежами и восстаниями в городах Бильбао, Хаен и Сиу-дад-Реаль. 15/IX 1936 г. закон от 25/VIII до-полнен указанием на то, что народному три-буналу подсудны и дела всех лиц, состоящих в народной милиции по поводу преступлений, которые вносят дезорганизацию в ее ряды.

Таким образом, с конца августа 1936 г. можно констатировать, что правительство еди-ного народного фронта правильно поняло не-обходимость принятия решительных мер по борьбе с врагами народа, с одной стороны, и к укреплению внутренней дисциплины в ря-дах трудящихся масс, — с другой.

Опубликованный 10 октября 1936 г. закон о конфискации земель², принадлежащих участ-никам фашистского мятежа против законного правительства и о передаче этих земель в веч-ное пользование крестьянам-беднякам и сель-скохозяйственным рабочим, является дальней-шим шагом укрепления позиций народного фронта в борьбе с мятежниками.

И. Сангир.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЗАКОН В СЕВЕРНОЙ ИРЛАНДИИ

В буржуазном обществе правовая действи-тельность всегда резко расходилась с теми на-чалами, которые торжественно провозглашались в конституционных актах. Это расхождение стало фазительным, как никогда, после схват-ки народов 1914—1918 гг., что было неизбежным

следствием вызванного войной обострения клас-совых противоречий. Управлять народами и основными либеральными конституций, числ которых после войны выросло, для буржуазии сохранившей свою диктатуру и желающей г что бы то ни стало сохранить прежние капи

¹ Asua Législation protectionnelle sur les mineurs 1934 г., P. 119.

² «Gaseta de Madrid».

² «Изв. ЦИК и ВЦИК» от 10 октября 1936

талы и прибыли, при страшном обеднении масс, стало невозможным. Отсюда — поток исключительных законов, который должен был заполнить пропасть между тем, что, по нормам либеральных конституций, должно было быть и тем порядком, который водворился буржуазией всей мощью захваченной ею власти, под предлогом борьбы с беспорядками. В некоторых странах этот поток имеет самые конституции, которые тоже в порядке исключительного законодательства, т. е. помимо установленных в конституции законодательных органов, были заменены новыми основными законами; в других конституции остались на бумаге нетронутыми, но в то же время, вопреки или даже на основании их, под предлогом чрезвычайных обстоятельств, исполнительной власти присвоены исключительные полномочия, которые дают ей право аннулировать все «гражданские свободы», установленные конституцией.

Так, конституционный порядок на деле уступает место режиму исключительных законов. Мы оставляем здесь в стороне фашистские государства, как например Германию, где царят ничем не ограниченный произвол и полное бесправие трудящихся.

В настоящей статье дается характеристика исключительных законов и их действия в Северной Ирландии.

Совсем недавно вышел в свет отчет «комиссии по изучению задачи действия законов 1922 и 1933 гг. об особых полномочиях гражданских властей в Северной Ирландии». Северная Ирландия — страна маленькая; по переписи 1926 г., в ней около 1 200 000 человек. Однако действие правовых институтов в этой маленькой стране заслуживает не меньшего внимания, чем их действие в какой-нибудь великой державе. В таком политическом микросмосе, какой представляет собой Северная Ирландия, фактический материал, характеризующий функцию правовых институтов, нагляднее и легче поддается изучению и больше дает права на обобщение, чем в ином большом государстве, где труднее собрать данные, относящиеся к различным его частям, и где эти данные и по своей относительной по сравнению с территорией малочисленности и по своей пестроте, в зависимости от различных местных условий, могут в меньшей мере поддаваться обобщению.

Ознакомление с действием исключительных законов в Северной Ирландии представляет тем больший интерес, что эта маленькая страна развивалась не только в тесном соседстве с Англией, но и при резко выраженном политическом тяготении к Англии (в отличие от Южной Ирландии) и под действием прославленных английских конституционных институтов таких, как «Хабес Корпус». Зрелище крушения этих институтов в Северной Ирландии — яркий прообраз того, что может повториться и в Англии при известной политической ситуации, т. е. когда господствующий класс не на шутку испугается за прочность своего положения.

В состав Северной Ирландии вошли по закону 1920 г. «о лучшем управлении Ирландией» 6 из 9 графств Ольстера, самой северной части Ирландии. Ольстер, издавна заселенный эмигрантами из Англии, был всегда оплотом консервативной партии в Ирландии. Протестантский, по преимуществу, Ольстер противопоставляет себя католической Южной Ирландии. В то время как последняя добивалась от-

деления от Англии, в Ольстере всегда было сильно унионистское течение. Для этого были, конечно, достаточные экономические основания. Ольстер с главным городом Бельфастом был единственным развитым в промышленном отношении районом Ирландии: здесь была благоприятная почва для развития рабочего движения, для борьбы с которым сильная власть английского правительства обещала много больше, чем могла дать рожденная в огне и буре национальной революции власть самостоятельного ирландского правительства. Руководителей ольстерской политики гораздо больше интересовало отделение от Южной Ирландии, чем отделение от Англии. Закон 1920 г., который устанавливал два различных парламента, — для Северной и Южной Ирландии, — дал желательное для ольстерских консерваторов раздробление Ирландии. Отвергнутый Южной националистической Ирландией закон был принят Ольстером.

Однако в Ольстере есть католическое меньшинство, тяготеющее своими симпатиями к Южной Ирландии, есть рабочие массы, добивающиеся улучшения условий своего существования, есть «республиканцы», желающие расширения на Ольстер того строя (хотя и не республиканского, но близкого к нему), которого в конце концов добилась для себя Южная Ирландия.

Поэтому правительство «шести графств», как принято называть Северную Ирландию, с самого начала встретилось с довольно серьезным сопротивлением. Началось подавление беспорядков. Для этой цели был издан закон 1922 г. об особых полномочиях гражданских властей. Основанием для издания закона послужила та статья закона 1920 г., которая предоставила парламенту Северной Ирландии издавать законы «для поддержания мира, порядка и хорошего управления».

Действие закона 1922 г. об особых полномочиях было ограничено одним годом. До 1928 г. действие его возобновлялось каждый год. В 1928 г. действие его было продолжено на пять лет. Министр внутренних дел, требуя продолжения закона, ссылался на то, что состояние чрезвычайной опасности еще продолжает существовать. Между тем в течение двух лет перед этим не раз бывало, что судьи являлись в заседания сессий в белых перчатках, что должно было символизировать законопослушность населения во вверенных им районах. Когда, после 1928 г., истек пятилетний срок, статья закона о сроке действия его была заменена постановлением: «Закон 1922 г. будет оставаться в силе, пока парламент не постановит иначе». Так произошло включение чрезвычайного закона, изданного ввиду чрезвычайных обстоятельств, в состав нормального, постоянно действующего законодательства Северной Ирландии. На этот раз превращение чрезвычайного закона в постоянный мотивировалось именно ссылкой на то, что больше уже нет чрезвычайных обстоятельств и что в стране наступило успокоение.

Последствия применения закона 1922 г. были таковы, что они не могли не привлечь к себе внимания существующего в Англии Национального совета для защиты гражданских свобод, состоящего из ряда общественных деятелей и представителей науки, имена которых широко известны и за пределами Англии, как Гавлок Эллис, Кеммингс, адвокат Притт, лорд Марли, профессора Хексли, Ласки и др. Совет послал

ряд своих представителей для собирания сведений в различные местности Северной Ирландии, а потом, признав большую важность вопроса, назначил особую комиссию. Комиссия работала в Бельфасте, где она выслушивала показания свидетелей и собирала другие материалы, которые в большом количестве доставлялись ей пострадавшими. Комиссии в ее работах помогала местная комиссия, составленная из представителей академического, адвокатского и профсоюзного кругов».

На основании собранных ею материалов, комиссия составила отчет, очень сжатый, но красноречивый теми фактами, которые в нем сообщались.

Первая часть отчета посвящена характеристике самого закона 1922 г. об особых, или чрезвычайных полномочиях гражданской власти.

Самыми существенными чертами закона являются следующие: 1) законодательные палаты ирландского парламента делегировали «гражданской власти» то основное полномочие, которое законом 1920 г. предоставлено им, палатам, и только им, а именно: издавать постановления, нужные «для сохранения мира и поддержания порядка»; 2) мало того, парламент не сохранил за собою даже права отменять те постановления, которые будут изданы министром внутренних дел; он удовлетворяется правом просить министра об отмене его постановлений; 3) парламент предоставил министру внутренних дел право дальнейшей делегации, т. е. перенесения на другой орган предоставленных ему полномочий.

Как констатирует комиссия, «результатом закона об особых полномочиях был отказ законодательных палат от всякой власти в указанном выше отношении (т. е. власти устанавливать нормы в целях сохранения мира и поддержки порядка) в пользу исполнительной власти, — отказ, соединенный с неограниченными правом делегации».

Гражданская власть, наделенная чрезвычайными полномочиями, — это в первую очередь министр внутренних дел.

Уже к самому закону 1922 г. было присоединено приложение (шедула), содержащее в себе около тридцати постановлений, перечисляющих отдельные частные полномочия гражданской власти. Не удовлетворяясь этим, министр внутренних дел издал очень скоро после наделения его чрезвычайными полномочиями ряд постановлений, присваивавших органам исполнительной власти такие права, о которых и речи не было при обсуждении и принятии проекта закона об особых полномочиях. Так, например, очень скоро после издания закона об особых полномочиях гражданской власти министр внутренних дел издал постановление, уполномочивавшее органы исполнительной власти просматривать банковые счета и книги и подвергать конфискации деньги и иное имущество, помещенные в банк.

Отчет комиссии говорит прямо, что закон 1922 г. открыл путь к ничем не ограниченной диктатуре министра внутренних дел.

Действительность вполне оправдала предсказание одного из членов северо-ирландского правительства, который, возражая против проекта закона 1922 г., говорил: «Министр внутренних дел будет иметь власть делать все, что ему заблагорассудится, или предоставлять кому-либо другому также делать то, что ему заблагорассудится».

Специально с точки зрения уголовного права следует отметить, что законы об особых полномочиях предусматривают ряд преступлений, в том числе и таких, которые и без того предусмотрены общеуголовным законодательством. Так, законы об особых полномочиях предусматривают телесное наказание за некоторые преступления, связанные с владением или пользованием огнестрельным оружием или взрывчатыми веществами, за поджог или иное злоумышленное имущественное повреждение, а при известных условиях и наказание смертной казнью за некоторые преступления, связанные с владением и пользованием взрывчатыми веществами, хотя и не сопровождавшиеся убийством.

Не довольствуясь созданием множества новых преступлений, закон 1922 г. предусматривает общим образом: «Если кто-либо совершит действие такого свойства, что им может быть причинен ущерб делу сохранения мира или поддержания порядка в Северной Ирландии, то, хотя бы это действие не было специально предусмотрено обязательными постановлениями, он будет считаться виновным в преступлении против обязательных постановлений».

Этим постановлением, как замечает комиссия, дается исполнительной власти *carte blanche* преследовать всякое лицо, деятельность которого ей будет не по вкусу, хотя бы оно и не совершило никакого преступления. Для граждан опасность преследования со стороны органов исполнительной власти усугубляется еще тем, что министр внутренних дел особым постановлением присвоил себе право подвергать лиц, угрожающих общественному порядку и спокойствию, задержанию и интернированию на неопределенное время без направления дела в суд.

Не очень определенное выражение «гражданская власть» обнимает, вслед за министром внутренних дел, подчиненные ему органы полиции, которые, частью по самому закону об особых полномочиях гражданской власти, частью по нормам, содержащимся в постановлениях, приложенных к нему (в шедуле), частью по постановлениям, изданным министром внутренних дел, на основании закона и приложенный к нему шедулы, имеют право производить аресты без судебного приказа, по подозрению в совершении преступления (ст. 7 закона), останавливать где бы то ни было лиц и экипажи и обыскивать их (постановления 3 и 21 шедулы), обыскивать помещения без судебного приказа, налагать арест на имущество, подвергать без судебного приказа аресту лиц, «подозреваемых в том, что они действуют, совершили действие или собираются совершить поступок, угрожающий общественному спокойствию».

Несмотря на то что закон 1922 г. назван законом об особых полномочиях гражданской власти, приложенная к нему шедула наделает особыми полномочиями и военные власти.

Законом об особых полномочиях созданы специальные суды, которым под судны преступления, преследуемые на основании об особых полномочиях, поскольку предусмотренные за них наказания не превышают карательной власти этих судов. Хотя это довольно суровые наказания — тюрьма до 2 лет и штраф до 100 фунтов, — тем не менее лица, привлеченные к ответственности за эти преступления, ни в каком случае не могут требовать передачи их дел в суд с присяжными заседателями. Таким образом, заключает комиссия, «одним расчер-

ком пера северо-ирландского правительства уничтожено право, которое до сих пор рассматривалось, как основное право каждого британца».

Специальные суды состоят из двух резидентов-магистратов, облеченных одновременно весьма важными административными полномочиями: например, правом запрещать как открытые, так и закрытые собрания.

Для назначения на должность резидента-магистрата не требуется юридического образования. Половина из 11 имеющихся в настоящее время резидентов-магистратов ранее были полицейскими или армейскими офицерами. Увольнение их от должности зависит всецело от исполнительной власти.

Так как для заседаний специальных судов время и место заранее не предусмотрены и публикаций о них не делается, то, хотя заседания их и считаются публичными, фактически они протекают при очень малочисленной публике. При этом правила о специальных судах не содержат в себе никаких гарантий защиты обвиняемого или оказания ему юридической помощи в суде или до суда.

В отсутствие от принятого в английском процессе начала гласности предварительного рассмотрения дела судьей, постановление, изданное на основании закона об особых полномочиях, предусматривает негласный допрос лиц, «относительно которых есть основание считать, что они дадут существенное показание». Отказ отвечать на вопрос при таком негласном допросе составляет преступление, доказываемое простым удостоверением лица, производившего допрос. При этом постановлением министра внутренних дел предусмотрено, что «лицо, допрашиваемое на основании этого постановления, не может уклоняться от ответа на вопрос на том основании, что ответ может изобличать или служить к изобличению его самого. Говоря словами комиссии, этим постановлением нанесен сорр de grace тому принципу английской юстиции, согласно которому никто не может быть принуждаем к изобличению себя самого или подвергать себя опасности самоизобличения».

Наконец, нарушается в специальных судах и то, считавшееся ранее аксиоматическим, положение, согласно которому каждый предполагается невиновным до тех пор, пока противное не будет доказано. По ст. 2 закона 1922 г., «если на основании изданных постановлений действие, совершенное без законного разрешения или при отсутствии условий, освобождающих от ответственности, представляется преступлением, то бремя доказательства того, что действие было совершено с законного разрешения, лежит на лице, обвиняемом в преступлении».

Самыми важными постановлениями законов об особых полномочиях комиссия считает те, которые имеют значение приостановки действия «Хабеас Корпус акта».

Такое значение имеют нормы, устанавливающие следующие «особые полномочия»: право задержания и заключения, право высылки, право интернирования, право ареста свидетеля. Остановимся на каждом из этих полномочий.

1. Право задержания и содержания под стражей лиц, только подозреваемых в том, что они совершили, совершают или собираются совершить действия, угрожающие делу сохранения мира и поддержания порядка. Задержанный может быть содержим под стражей неопреде-

ленное время. У него нет права быть отпущенным на поруки. Освобождение его под поручительство всецело зависит от гражданской власти. Он может быть содержим под стражей неопределенное время без предъявления ему обвинения и без передачи в суд. В случае, если дело все-таки будет направлено в суд, он должен быть поставлен в известность об обвинении, которое ему предъявляется, за 24 часа.

Для обнаружения «подозрительных лиц» время от времени устраиваются полицейские облавы или, как выражается комиссия, практикуется «метод облав», немногим отличающийся от «сходных приемов, применяемых в странах фашистского режима. «Метод» этот состоит в том, что поздно ночью или рано утром вооруженный отряд полиции в закрытых грузовых машинах производит налет на определенную часть населенного места, где участники налета рассыпаются по домам и производят обыски, конечно, без судебных приказов, поднимают жителей с постелей и всех, кто покажется подозрительным, подвергают задержанию.

Случается, что при обысках пропадают вещи; не только взрослые и здоровые, но дети и инвалиды подвергаются грубому обращению.

Большинство задержанных через более или менее продолжительное время освобождаются без предъявления им каких бы то ни было обвинений, без объяснения причин задержания и, разумеется, без извинения. В октябре 1933 г. к такой облаве правительство прибегло ввиду предстоявших местных выборов; было задержано около 50 человек; никаких обвинений первоначально им не было предъявлено, но вскоре после этого было издано упомянутое выше постановление, предусматривающее наказание за отказ отвечать резиденту-магистрату при негласном допросе; на основании этого-то постановления они были привлечены к ответственности и по простому удостоверению резидента-магистрата приговорены к тюремному заключению на разные сроки за отказ отвечать на его вопросы.

2. Право высылки. Так как высылка за пределы Северной Ирландии противоречила бы основному закону «о лучшем управлении Ирландией», то правительство обходит этот закон, указывая в приказе о высылке очень незначительную и притом точно определенную территорию, где высланный может жить, с явным расчетом на то, что, лишенный возможности существовать в указанных ему пределах, высланный вынужден будет выслаться за пределы Олстера. Высылка — это одна из наиболее распространенных мер, которыми пользуется ирландское правительство против «нежелательных элементов».

3. Право интернирования. Интернирование отличается от заключения в сущности только тем, что интернированные содержатся не в тюрьме, но так же, как и заключенные, они не имеют права ни принимать посетителей без разрешения установленных органов власти, ни получать корреспонденцию без их разрешения и без их просмотра.

Министр внутренних дел вскоре после издания закона 1922 г. об особых полномочиях привнес в себя своим постановлением право интернирования подозрительных лиц на тот или иной срок. Так как отдавая распоряжение об интернировании, министр внутренних дел, согласно его же постановлению, не должен руководиться ничем, кроме собственного усмотре-

ния, то этим исключаются и проверка судом оснований задержания и возможность обжалования распоряжения министра.

Вскоре после издания постановления об интернировании правительство нашло следующий повод для его применения. С помощью упомянутого «метода облав» правительство захватило несколько сот своих политических противников, при том даже в самых спокойных частях Ирландии. Они, по распоряжению министра внутренних дел, были интернированы в большинстве на два года. Никаких оснований для такого распоряжения в приказах об интернировании не было указано. Первоначально местом интернирования был старый корабль «Аргента», где интернированные содержались в наихудших условиях: работать и даже читать было в высшей степени затруднительно среди интернированных. Некоторые были освобождены под условием оставления пределов Северной Ирландии (вопреки основному закону 1920 г.) на тот или иной срок. Остальные были переведены в другие места заключения. Освобождение последовало только в 1924—1925 гг.

С 1925 г. интернирование, правда, на практике не применяется, но в этом правительство и не нуждается при наличии у него права заключений. В то же время право интернирования стало из временного, каким оно было при действии закона 1922 г., постоянным.

4. **Право ареста свидетеля.** Свидетель относительно которого существует предположение, что он может дать показание о каком-либо (хотя бы также только предполагаемом) совершенном, совершаемом или будущем пре-

ступлении, может быть подвергнут аресту без судебного приказа и затем задержан на все время его допроса.

На практике допрос нередко производится поздней ночью и продолжается до тех пор, пока свидетель не доводится до полного истощения (см. отчет, стр. 27).

Приведенный перечень полномочий исполнительной власти отчет заканчивает таким выводом: «По мнению комиссии, в результате приведенных постановлений (которыми эти полномочия присвоены органам власти) совершенно отменяются принципы «Хабеас Корпус», которые являются основными принципами британской конституции. Этот факт, в связи с распадом правового режима в 6 графствах, ставит исполнительную власть в положение, которое может быть сравнимо только с континентальной диктатурой».

Чтобы оценить этот вывод, надо иметь в виду, что в комиссии совсем не представлены «экстремистские (крайние) элементы» и что, следовательно, ее заключение опирается на факты, которые сделали его неизбежным для весьма, в сущности (как это видно и из самого отчета), умеренных политических и общественных деятелей.

Приведенный материал — прекрасная иллюстрация процесса ломки буржуазной законности, так гениально предуказанной Владимиром Ильичем, ломки, показывающей всю глубину обострения противоречий капиталистического общества.

Н. Полянский.

Биография

А. Я. ВЫШИНСКИЙ, «Обвинительная речь на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра».

ОГИЗ — Советское законодательство, 1936 г. стр. 64, цена 30 коп.

Обвинительная речь государственного обвинителя, прокурора Союза ССР т. Вышинского, произнесенная в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, представляет собой полное выражение мнения народа, воли народа, требования народа.

По всей стране в дни процесса бушевала буря всенародного гнева. Каждый трудящийся Советского союза носил в своем сердце чувство глубокой ненависти и презрения к врагам народа. Единoduшно было требование народа раздавить гадин, уничтожить бешеных собак.

В лице прокурора Союза ССР т. Вышинского высказывались миллионные массы трудящихся, как никогда сплоченные вокруг великой партии Ленина—Сталина.

В речи прокурора Союза ССР т. Вышинского сказано все, что говорил каждый трудящийся, что говорил весь советский народ об этой своре чудовищ.

Речь государственного обвинителя полностью раскрыла цепь чудовищных преступлений, в сравнении с которыми бледнеют самые крова-

вые и самые грязные события мировой истории.

«Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей Советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова» (Вышинский).

Процесс по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра со всей очевидностью показал, как дьявольски хитро маскируется враг, как он прикрывает свою злодейскую личину, чтобы легче было вести контрреволюционную террористическую работу. Этот процесс показал, что «каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас

все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отвратительные, самые ответные и разложившиеся бесчестные элементы» (Вышинский).

Процесс троцкистско-зиновьевских палачей полностью и отчетливо доказал всю гениальность предсказаний товарища Сталина о неизбежности сопротивления делу социализма враждебных элементов, «о возможности оживления троцкистских контрреволюционных групп».

Обвинительная речь государственного обвинителя вскрыла до конца и еще раз доказала «как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма» (Вышинский).

История классовой борьбы знает бесконечное количество всяких измен, коварство, предательство, но все это превзошла троцкистско-зиновьевская шайка убийц.

С предельной точностью, не оставляющей никаких сомнений, обвинительная речь установила, что выброшенная за борт ходом исторического развития и построением социализма в нашей стране, политический изверг разбитая троцкистско-зиновьевская террористическая банда, не имея ничего за душой, кроме озверелой и оголтелой ненависти к успехам социализма, перешла по указанию Троцкого к шпионским, бандитским, террористическим методам борьбы.

«Готовясь убить вождей народа, троцкистско-зиновьевские бандиты покушались на весь народ, на построенный им счастливый, социалистический строй, для того чтобы восстановить проклятый гнет капитализма. Вот для чего объединились остервенелые враги народа: обер-бандит Троцкий, главы троцкистов, прожженные мастера двурушничества и измены: Зиновьев и Каменев, их подручные Пикель, Евдокимов, матерые троцкисты Смирнов, Марчковский, Тер-Ваганян, Рейнгольд, присяжные убийцы Бакаев и Дрейцер, агенты германской охраны (гестапо) Ольберг, Моисей и Натан Лурье, диверсанты и террористы, посланные Троцким, Фриц Давид, Гольцман, Берман-Юрин (передовая статья «Большевик» № 18, стр. 19—20).

Они, эти негодяи, подняли и вели борьбу против руководства нашего правительства и нашей партии, против товарища Сталина и его главных соратников — товарищей Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе, Кагановича, Жданова, Косиора, Постышева, Ежова.

Они, эти мерзавцы, подымали руку на товарища Сталина, являющегося олицетворением нашего великого народа, на величайшего человека социалистической эры развития человечества, гениального продолжателя дела Ленина, творца счастливой жизни, воплощающего лучшие чаяния человечества, имя которого звучит призывом к прекрасному.

Они, эти двурушники и предатели, подымали руку на нашу военную мощь, на нашу доблестную Красную армию, ее славного руководителя — Клим Ворошилова.

Они, эти презренные люди, подымали руку на нашу прекрасную тяжелую индустрию, ее железного командарма — Серго Орджоникидзе.

Они, эти проклятые враги народа, подымали руку на лучших соратников великого Сталина, Кагановича, Косиора, Постышева, Жданова.

Иуды-предатели, подлые люди Троцкий, Зиновьев, Каменев и К^о, на руках которых еще не высохла кровь пламенного трибуна проле-

тарской революции Сергея Мироновича Кирова, — они, эти мерзавцы, готовили убийство товарища Сталина.

Убив т. Кирова и поднимая руку на великого Сталина и на других руководителей партии и правительства, Троцкий, Зиновьев, Каменев и К^о ставили перед собой задачу «Уничтожения советской власти, уничтожении социалистического строя, полного восстановления капитализма, власти помещиков и фабрикантов» (передовая статья «Большевик» № 18, стр. 17).

Как ни старались даже на самом суде главари этой фашистской банды скрыть свою политическую программу, как ни стремились замаять этот вопрос и представить дело так, что якобы ничего подобного у них не было, однако, факт остается фактом: «Подлинным знаменем троцкистско-зиновьевского, террористического центра была реставрация капитализма на той части земного шара, где капиталистический строй был свергнут в октябре 1917 года и где свободный народ под руководством Ленина-Сталина построил социалистическое общество» (передовая статья «Большевик» № 18, стр. 9).

Речь прокурора осветила ярким светом международные связи этой банды, установила с абсолютной точностью, что в преступной своей деятельности шайка террористических убийц полностью слилась с фашизмом.

Обвинительная речь с исчерпывающей полнотой вскрыла нити, связывающие троцкистско-зиновьевское подполье с фашистской охранкой — гестапо.

Речь идет не только об идейной и политической смычке с фашизмом, а о прямой работе троцкистов-зиновьевцев вместе с фашистскими диверсантами и шпионами. Сошлись пути троцкизма, передового авангарда международной контрреволюционной буржуазии с фашизмом. Таковая логика истории.

Обвинительная речь полностью раскрыла разговор жалких и отвратительных пигмеев, разоблачила сеть диверсантов-предателей, показала методы их деятельности.

Убийство и предательство, диверсионные акты и шпионаж, обман и лицемерие, подобных которым не знала еще мировая история, — таковы методы этих гнусных убийц.

Обвинительная речь твердо установила чудовищно преступную роль инициатора и руководителя в этом деле — Троцкого.

Это он, заклятый враг Советского союза, Троцкий, с 1931 года посылает инструкции своим сторонникам в Союз ССР о переходе к фашистскому террору. Это он, Троцкий, посылал агентов гестапо для убийства товарищей Сталина и Ворошилова.

Это он, Троцкий, дает директивы своим агентам развернуть работу по организации ячеек в армии.

Это он, Троцкий, ставит ставку на поражение Советского союза в будущей войне.

«Верховный Суд свое авторитетное слово об этой роли Троцкого сказал, точно и категорически сформулировав в соответствии с требованиями Советского закона свое постановление о предании Троцкого и его сына Седова, в случае их задержания на территории Союза ССР, суду Военного Трибунала» (из статьи Вышинского в «Большевике» № 18).

Где бы ни был Троцкий, этот организатор убийств, союзник Гестапо, он не уйдет от карающей руки победившего мирового пролетариата.

Ясно и точно, опираясь исключительно на доказанные факты, с железной последовательностью разоблачила обвинительная речь историю образования, внутреннего строения и личный руководящий состав троцкистско-зиновьевской организации.

Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана.

«Я считаю абсолютно доказанным, — заявил т. Вышинский на суде, — личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгая самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова» (Вышинский).

«... с исключительной юридической четкостью, точностью и безупречностью были доказаны и обоснованы факты преступления и вина каждого подсудимого» (из статьи Вышинского в «Большевике» № 18).

Обвинительная речь представителя государственного обвинения приговаривала к позорному столбу каждого из обвиняемых в отдельности и всех вместе взятых, сорвала с них маски и назвала их тем именем, какое только и могут носить эти презренные люди.

«Враг коварен! — заканчивает т. Вышинский свою речь. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов.

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применив к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!».

Выражая требования многомиллионного советского народа, нашедшие свое полное отражение в речи прокурора т. Вышинского, карающая рука советского правосудия опустилась на голову злодеев из троцкистско-зиновьевской террористической банды.

Расстрел взбесившихся собак является не чем иным, как возведенной в приговор суда волей великого советского народа.

Трижды проклятые, продажные агенты фашизма, изменники советской родины, иуды-предатели — уничтожены.

Никому не остановить наше победоносное движение вперед, никому не свергнуть нас с нашего пути!

Социалистическое государство рабочих и крестьян, государство нашего великого народа и впредь будет беспощадно уничтожать всякого, кто попытается посягнуть на нашу советскую родину, всякого, кто попытается задер-

жать ход истории, наступательное движение социализма.

Обвинительная речь государственного обвинителя, прокурора Союза по делу троцкистско-зиновьевского контрреволюционного центра имеет огромное политико-воспитательное значение.

Особое значение эта речь имеет для работников советского суда и прокуратуры. Она является образцом не только единственно правильного по существу анализа и квалификации совершенных названными выше бандитами преступлений, но и образцом единственно правильного по форме построения и изложения обвинительной речи.

Речь т. Вышинского является примером того, как нужно советскому прокурору, стоящему на страже революционной законности, выступать на процессе, эркой охраняя нашу социалистическую родину.

В. Чхиквадзе.

Замечательная книга

И. Л. АВЕРБАХ, «От преступления к труду» Москва, «Советское Законодательство», 1936 г., стр. 226, цена 6 руб.

Велики и многогранны успехи социалистического строительства в Стране советов, руководимой величайшим гением и вождем мирового пролетариата — товарищем Сталиным.

С каждым годом уверенной поступью приближаются народы Союза ССР к осуществлению своей заветной цели — построению бесклассового социалистического общества. В буре революционной борьбы, в обстановке ожесточенного классового сопротивления остатков эксплуататоров и их агентуры уничтожаются остатки старого мира, прячущие в норах нового общества свои отвратительные маски.

Идущий успешно процесс уничтожения классов, окончательное уничтожение эксплуатации, нищеты и безработицы не могли не привести к снижению преступности, являющейся одним из самых тяжелых наследий прошлого. Однако этот процесс проходит далеко не самоотечком: исключительная роль в искоренении преступлений и преступников принадлежит исправительно-трудовой политике пролетарского государства, которая является в наших руках мощным орудием перековки бывших преступников, способствуя их возвращению в общество трудящихся полноценными строителями социализма.

Работа наших исправительно-трудовых учреждений показывает блестящие образцы успехов в деле перевоспитания бывших преступников. Постройка Беломорско-Балтийского канала, завершение постройки канала Волга — Москва, целый ряд других крупнейших строений, проведенных руками заключенных, вписывают блестящую страницу не только хозяйственных побед, но и торжества советской исправительно-трудовой политики.

Несмотря на прямое указание об особом значении исправительно-трудовой политики, сделанное т. Постышевым в своем выступлении на VI совещании работников юстиции, несмотря на огромный интерес, который проявляется к нашим исправительно-трудовым учреждениям всей советской общественностью и за границей, литература, освещающая работу исправительно-трудовых учреждений, очень малочисленна. Эта литература ограничивается небольшим количеством учебных пособий и, помимо их: сборником «От тюрем к воспитательным учреж-

дениям» и изданным докладом т. Фирина, сделанном им в Комкадемии о Беломорско-Балтийском канале. Сборник «От тюрем к воспитательным учреждениям» дал очень ценный материал о работе исправительно-трудовых колоний, совершенно не затрагивая деятельности лагерей, которые по существу являются основным звеном исправительно-трудовых учреждений.

Таким образом, в литературе по исправительно-трудовой политике имелся крупнейший пробел, заключавшийся прежде всего в том, что почти совершенно не была освещена работа исправительно-трудовых лагерей. Этот пробел очень удачно заполняет книга т. Авербах «От преступления к труду», которая на живом и очень интересном конкретном материале строительства заключенными Дмитровского лагеря канала Волга—Москва, раскрывает содержание деятельности и методов работы исправительно-трудовых лагерей, ставя одновременно целый ряд вытекающих непосредственно из практики крупнейших теоретических вопросов советской исправительно-трудовой политики.

Основной вопрос, поставленный в книге, — это вопрос о путях переделки сознания бывших профессиональных преступников, так называемых тридцатилетников, вопрос о путях превращения их в активных строителей нового социалистического общества. Как правильно подчеркивает автор (стр. 4), этот вопрос теснейшим образом связан с разрешением величайшей задачи, поставленной вторым пятилетним планом, задачи искоренения пережитков капитализма в экономике и в сознании людей.

Необходимость изменения в этом направлении всех методов работы исправительно-трудовых учреждений, была с особенной силой подчеркнута в выступлении т. Постышева на VI совещании работников юстиции РСФСР. Автор правильно сосредоточив свое внимание на вопросах перековки именно профессиональных преступников, ибо переделка этих людей, представляющих собой кадры элементов разложения старого общества, — другую сторону медали капиталистического общества, по выражению Ленина, концентрирующей в себе все противоречия капитализма — является делом особенно сложным, особенно трудным и, конечно, совершенно невозможным в условиях капиталистического общества. Взгляд на профессионального преступника, как на неисправимого, который характерен для большинства буржуазных теорий и в первую очередь для теорий, в той или иной степени связанных с учением антропологической школы, выражает собой не только теоретическое обоснование усиления репрессии и методов прямой расправы, но и служит одновременно показателем открытого признания своего бессилия в борьбе с профессиональной преступностью. Только в советских условиях, в обстановке победы социализма, победы общества, в котором уничтожена эксплуатация человека человеком, в котором формируется новое сознание, новое отношение к своим обязанностям, человека к человеку, — возможна переделка сознания также и профессиональных преступников. Автор правильно указывает, что «Проблема переделки сознания преступников ставит перед марксистом чрезвычайно сложную и интересную методологическую задачу. Все мы знаем старую марксистскую формулу, испытанную и проверенную всем ходом исторического раз-

вития, всем ходом классовой борьбы: «бытие определяет сознание». Это классическая формула ставит перед нами вопрос, каким же образом можно переделать сознание, враждебное социализму, сознание классового врага, а также сознание деклассированных, сознание представителей стихийной мелкобуржуазной анархичности, если в условиях жизни на свободе это сознание сложилось в враждебное для социализма. Ведь в условиях лишения свободы принуждение должно усиливаться как насилие и может только усиливать вражду. Следовательно, казалось бы, по условиям бытия в местах лишения свободы, в лагерях неминуема переделка сознания в интересах социализма. Лагери показывают, однако, что эта неразрешимая на первый взгляд задача осуществляется в практике нашей работы, но реализация ее далеко не проста». (стр. 16—17).

Основной метод разрешения этой задачи — общественно-полезный труд, осуществляемый в особых специфических условиях. Не просто труд как метод исправления, а труд общественно-полезный, труд, включающий заключенного в социалистическое строительство на определенном его участке, труд, осуществляемый на гигантских объектах, захватывающих заключенного своей грандиозностью, труд, осуществляемый в новых формах при максимальномощении соревнования, ударничества, стахановских методов работы, труд, базирующийся на принципе коллективной работы заключенного — является основой перековки.

Важнейший принцип применения труда в лагерях, как указывает автор, «это целостность работы. Работа ведется лагерниками не на деталях, не на отдельных участках, как в большинстве случаев это приходилось делать в исправительно-трудовых колониях НКВД. Работа ведется лагерниками таким образом, что они участвуют в ней от начала до конца. Это дает возможность каждому лагернику почувствовать весь политический резонанс своего личного труда как части громадного целого. Это дает возможность наглядно ощутить величие этого целого, созданного от начала до конца при участии его личного труда. Такие факты, как выкладывание стен Беломорско-Балтийского канала камнями для красоты, добровольное закрепление на работе досрочно освобожденных до окончания стройки показывают громадное методическое значение и этого принципа — принципа целостности работы» (стр. 24).

Трудовые процессы в лагерях осуществляются в обстановке строжайшей дисциплины, в обстановке установленного режима, который сам по себе является важнейшим опосредством воздействия на сознание заключенного, приучения воспитания в нем нового отношения к требованиям дисциплины. Как указывает автор, «...в отличие от буржуазных тюрем, основная ставка делается на личную инициативу и коллективную деятельность самих заключенных... Этот охват и подчинение дисциплине начинается с использования в социалистических интересах старых узко личных, эгоистических мотивов. Личная заинтересованность, начиная с самых примитивных ее форм, заинтересованности в улучшении пайка и т. д. постепенно приводит к использованию уже таких форм заинтересованности, которые сами по себе носят характер социалистической заинтересованности».

От моментов личной заинтересованности идет незаметный переход к воспитанию личной ответственности. Здесь тоже путем вырастания количественных изменений происходят и изменения качественные в сознании лагерниками своих обязанностей и в понимании ими своих прав. Сначала выполнение работы, чтобы не подвергнуться административному взысканию, чтобы не получить снижения пайка, а затем борьба за красное знамя, за досрочное освобождение; наконец, такие проявления личного героизма, выходящие за отношения прав и обязанностей в теоретическом правовом смысле этого слова, как самозакрепление досрочно освобожденных на строительстве» (стр. 26).

В деле воспитания заключенных к дисциплине огромную роль играют коллективы. Автор посвящает целый ряд очень ярких страниц характеристике работы коллективов заключенных, приводит целый ряд примеров того, как действует коллектив на сознание самых закоренелых преступников, являющихся вначале отказчиками, т. е. лицами, уклоняющимися от всякой работы.

Говоря о труде, как методе переделки, нужно иметь в виду, что труд в лагерях тяжел, дисциплина строжайшая, новые методы применения труда не исключают того, что труд в лагерях носит репрессивный характер, а в этих условиях роль коллектива, роль воспитателя, который проводит свою работу через коллектив, приобретают особое значение.

Огромную роль в деле перековки играет организованная в лагерях культурно-воспитательная работа. Одной из основных задач культурно-воспитательной работы, как подчеркивает автор, является создание обстановки для максимального проявления инициативы самих лагерников. Как указывает автор, «культурно-воспитательный аппарат лагерей организует всю массу заключенных, руководит их инициативой, направляя ее в сторону наиболее успешного выполнения производственной программы и превращения лагерника в сознательного и активного дружка» (стр. 35).

Автор подчеркивает совершенно правильно двуединую задачу культурно-воспитательной работы заключенных, которая связывает политическую и производственную перековку заключенных. Особое место в книге занимает роль воспитателя — руководителя культурно-воспитательной работы. На работу воспитателя выдвигаются наиболее сознательные и подготовленные заключенные. В своей работе воспитатель опирается на сознательность заключенных. Методы культурно-воспитательной работы самые разнообразные, начиная от ликвидации неграмотности, малограмотности, организации профессионально-технического обучения, развертывания внешкольной работы и организации отдыха, создания специальных агитбригад, стенных и печатных газет. Иными словами — здесь налицо умелое использование всех методов литературной и художественной пропаганды.

Лейт-мотив всех форм культурно-воспитательной работы, происходящей в условиях лагеря, процесс перелома в сознании заключенного, разрыв его с прошлыми традициями и навыками.

Замечательно символизирует смысл и содержание культурно-воспитательной работы концовка песни инсценировки, написанной коллек-

тивным агитбригады Дмитровского района (2 участок) Дмитровского лагеря:

«... Раньше жизнь проходила в угаре от «скачка»¹ и до новой «буры»², а теперь заиграйте, гитары, песню новой, веселой поры. В ней душа через край моя плещет, будто солнце играет в волне. Нет на свете приятнее вещи — быть полезным советской стране» (стр. 84).

Говоря о роли культурно-воспитательной работы, надо особо отметить значение печати заключенных, которая является мощным оружием разрывания самокритики в местах заключения свободы. В буржуазной тюрьме невозможна какая-либо критика действий администрации со стороны заключенных; да и сама постановка такого вопроса — бессмыслица в условиях буржуазного общества, ибо малейшая критика со стороны заключенных вызывает репрессии, расценивается как бунт против государственной власти.

В лагерях, в местах лишения свободы развита разносторонняя самокритика заключенных, критикующих как отрицательные стороны своего быта и жизни, так и недочеты в работе администрации. Особенно бичуется грубое отношение к заключенным, нераспорядительность, неумение как следует расставить силы. Характерно обращение редакции газеты «Перековка» (печатная газета Дмитровского лагеря), которая прямо призывает к тому, «чтобы беспощадно вскрывать конкретных виновников всякого рода беспорядков и ненормальностей».

Весь процесс культурно-воспитательной работы строится на основе самостоятельности лагеря. Это не означает, конечно, что этой самостоятельностью не руководят. «Переделка сознания лагерников проходит под руководством администрации, под руководством чекистов, но совершается в значительной степени руками самих лагерников. Перевоспитание — это не только дело для лагерников, но и дело их самих, и это — самое главное» (стр. 101).

Принцип коллективности как важнейший метод перековки господствует и здесь; при этом, как правило, учитываются индивидуальные наклонности и потребности каждого заключенного.

Именно благодаря этому возможно переключение преступной героики, которая захватывала заключенного в прежней его преступной деятельности, на пафос строительства и героизма в работе. Это очень хорошо отражает сложная тридцатилетняя песня:

Наш лозунг — прошлое забудь,
Брось старые привычки:
Забудь притоны и вино,
И сверла, и отмычки.
Стань в трудовой рабочий строй —
На бой за пятилетку
Пойдем дорогою одной...

При всем этом величайшей «маниловщиной» и глубочайшей наивностью было бы представить себе в розовых красках процесс перековки. Это очень сложный процесс, который требует прежде всего беспощадного подавления сопротивления классово враждебных элементов, которые продолжают вести в местах заключения свою подрывную деятельность.

¹ «Скачок» — кража со взломом.

² «Буря» — картежная игра.

В V главе «Классовая дифференциация в лагере», автор приводит ряд очень ярких фактов, показывающих самые разнообразные формы классовой борьбы, к которым прибегают остатки разгромленного классового врага, после заключения их в лагерь с тем, чтобы сорвать дело перековки, действуя преимущественно методом «тихой сапы». Здесь мы находим все знакомые нам формы сопротивления буржуазной и мелкобуржуазной стихии: тут и прямое вредительство, тут и контрреволюционная агитация и пропаганда, злостное нарушение дисциплины, отказ от работы вплоть до применения членовредительства. Характерен следующий, приводимый автором факт: «В Хлебниковском районе Дмитровского лагеря самими лагерниками был разоблачен и снят с работы заключенный Аскеров, который сумел пролезть в бригады. Этот «бригадир» систематически уговаривал свою бригаду отказываться от работы, ссылаясь то на чрезмерность и невыполнимость норм, то на необеспеченность одеждой, то на различные, выдумывавшиеся им, причины. В частности, по заявлениям лагерников, дававших рекордную выработку, Аскеров убеждал их снизить темпы работы. Аскеров доказывал подлинным ударникам, что они своей хорошей работой подводят остальных членов бригады, принуждая их подтягиваться за лучшими. В результате разоблачения и снятия этого классового врага с должности бригадира и перевода его в сборную подконвойную бригаду, освободившаяся от такого руководителя бригада намного улучшила свою работу и начала давать высокие производственные показатели» (стр. 185—186).

Несомненно, что с этими элементами нужно вести беспощадную борьбу, и работники лагерей должны проявлять особую бдительность для того, чтобы своевременно вскрывать, разоблачать подобные явления.

Особый интерес представляет данный в книге автором анализ психологии профессиональных преступников-тридцатипятичников. Подчеркивая то, что в основной своей части это — элементы разложения старого капиталистического общества, враждебные пролетарской диктатуре, автор правильно указывает, что вместе с тем в лагере эти люди начинают по-иному относиться к своей прошлой жизни; и именно в силу своего социального положения в прошлом прежде всего, пытаются «отмежеваться» от контрреволюционного кулачества и других контрреволюционных элементов.

Автор указывает, что «Тридцатипятичники, несмотря на то что, будучи на свободе, фактически являлись врагами пролетарской диктатуры, неоднократно подчеркивают, что они не

борются против пролетарского государства. Этим они мотивируют свое резко отрицательное и презрительное отношение к осужденным за контрреволюционные преступления и к бывшим кулакам» (стр. 192).

Это несомненно облегчает, несмотря на всю его сложность, процесс перековки этих каторжников-преступников.

Сложность работы по перековке ставит со всей остротой вопрос об умении сочетать и в лагере принуждение и убеждение. Опираясь на актив заключенных, всемерно используя все формы проявления самодеятельности и инициативы, руководство местами заключения должно сочетать развернутую систему убеждения с применением самых суровых мер принуждения по отношению к лицам, продолжающим в лагере свою враждебную работу.

Совершенно правильно в заключительной главе книги результаты перековки автором связываются с организацией закрепления перековки после освобождения заключенного из лагеря. Нужно с особой остротой подчеркнуть что мы, к сожалению, в очень малой степени занимаемся вопросом дальнейшей судьбы заключенных, после их освобождения из лагеря. Между тем практика показывает, что в целом ряде случаев освобожденный преступник попадает вновь под влияние враждебных нам элементов и становится на путь совершения новых преступлений. Мероприятия, которые по этой линии предпринимались Управлением лагерями до последнего времени носили по существу, случайный характер и главным образом шли по линии группового устройства освобождаемых заключенных.

Автор не намечает конкретных организационных мероприятий, которые могли бы разрешить этот вопрос, но его заслугой является уже то, что со всей остротой этот вопрос в книге поставлен.

Надо отметить некоторые недочеты рецензируемой книги: прежде всего неровный характер изложения; автор местами повторяется, недостаточно систематизирован материал в отдельных главах. Однако эти недочеты не снижают общей ценности книги, которая является крупным вкладом в марксистско-ленинскую литературу по исправительно-трудовой политике и показывает яркий образец умелого сочетания марксистско-ленинской теории и революционной практики. Желателен перевод этой книги на иностранные языки, который сделал бы ее доступной для широких кругов читателей буржуазных стран, очень живо интересующихся советской исправительно-трудовой политикой.

А. Шляпочников.

Официальный отдел

Приказы, циркуляры прокурора
Союза ССР

О деле Прокуратора

По заданию Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Прокуратурой Союза ССР про-

изведено на месте, в Воронежской области, расследование причин безобразной волокиты по делу народного суда Инжавинского района по обвинению Прокуратора и др. по закону 7 августа 1932 г.

В октябре 1932 г. в Инжавинском отделении б. ОГПУ возникло дело по обвинению заведу-

щего орсом Прокуратова и ряда других работников в расхищении имущества орс.

Следствием было установлено, что работники орс систематически незаконно снабжались продуктами. Приобретая продукты питания, дрова, строительный материал, обувь и сукно, обвиняемые по предварительному сговору между собой, в счетах и расписках увеличивали выплачиваемые суммы, обращая разницу в свою пользу.

На предварительном следствии преступления были доказаны признанием обвиняемых, приобщенными к делу подложными документами и рядом свидетельских показаний.

Несмотря на ясность дела, оно было в связи с жалобами Прокуратова на необъективность следствия изъято из производства райотделения ГПУ и передано в Тамбовский окресток ОГПУ, где дело было проверено с участием прокурора и направлено для рассмотрения в тройку ГП ОГПУ.

4 апреля 1933 г. дело было передано в областную прокуратуру для направления в суд. Но здесь было решено вновь доследовать дело, и оно с апреля 1933 г. по 16 декабря 1935 г., т. е. в течение 2 лет 8 месяцев пересылалось из областной прокуратуры в районную прокуратуру. Оттуда в областную суд, областную прокуратуру, прокурору оперативного сектора ОГПУ, опять в районную прокуратуру, затем в народный суд, но фактически никакого доследования произведено не было. Народный следователь Насонов 4 мая 1933 г. вынес постановление об отказе обвиняемым в производстве дополнительного следствия и решил, очевидно, что это его постановление заменяет собой обвинительное заключение, так как приложил к нему список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Вторым и последним следственным актом по делу было постановление народного следователя Андросова от 27 февраля 1934 г. в котором зафиксировано, что обвиняемые (какие — не указано) по вызову на допрос не явились, а поэтому постановлено «объявить розыск через Инжавинское управление РУМ с приводом обвиняемых». Фактически розыск объявлен не был.

Только исключительной небрежностью и бюрократическим отношением к делу со стороны лиц, производивших исследование, наблюдавших за следствием, посылавших дело на исследование и рассматривавших его, можно объяснить подобное прохождение этого дела не только через органы прокуратуры, но и через суд.

В народном суде Инжавинского района, куда дело попало наконец в мае 1934 г., оно 5 раз назначалось к слушанию: 19 июня 1934 г. дело было отложено за неявкой 9 обвиняемых (кого именно — не указано); 15 августа не явилось 8 обвиняемых, вследствие чего суд объявил розыск неявившихся и в отношении всех обвиняемых производство приостановил; 19 ноября 1935 г. в судебное заседание явились Прокуратов и Глебов. Сведений о вручении или посылке повесток обвиняемым и свидетелям в деле нет; 10 декабря 1935 г. в судебное заседание явился только один Прокуратов и заявил через защитника ходатайство о производстве судебного-психиатрической экспертизы по вопросу о его вменяемости. Суд определил ходатайство удовлетворить; 16 декабря 1935 г. в суд явился обвиняемый Прокуратов и свидетель Ерофеев. Судебно-психиатрическая экспертиза не

была произведена. Прокуратов отказался от всех предыдущих показаний по делу и виновным себя не признал. Свидетель Ерофеев, показания которого на предварительном следствии полностью подтвердили факты расхищения в орс, засвидетельствовал суду лишь о том, что постановка учета была удовлетворительна. И суд, не проверив как следует материалов дела, вынес оправдательный приговор. Об остальных обвиняемых народный судья Беднов сообщил областному суду, что они скрываются и объявлен розыск их в то время, как пятеро из них до сих пор проживают по адресам, указанным в их подписках, шестой осужден по другому делу, и только на остальных 6 человек объявлен розыск.

12 июля 1936 г. прокурор отдела по Специальным делам Прокуратуры Союза ССР т. Беляков, при производстве расследования этого дела предъявил Прокуратову имевшиеся в деле подложные документы и заявления Прокуратова на имя прокурора РСФСР с признанием им совершенных преступлений, а также изъятые из партийного дела заявления Прокуратова на имя секретаря райкома ВКП(б), в котором он также признавал свои преступления. В результате Прокуратов признал себя виновным во всех преступлениях, инкриминируемых по делу.

Все изложенное свидетельствует о недопустимой волоките и безответственном отношении работников прокуратуры и суда к порученному делу, об отсутствии самого элементарного надзора за прохождением дел в следствии и суде.

Ввиду этого:

1. За волокиту и безответственное отношение к порученному делу, б. райпрокурору Инжавинского района, ныне работающему прокурором г. Курска т. Сергееву объявляю строгий выговор; народным следователям Насонову и Андросову объявляю выговор.

2. Прокурору Воронежской области предлагаю поставить перед председателем облсуда вопрос о наложении взыскания на народного судью района, рассматривавшего настоящее дело.

3. Ограничиваясь наложением этих дисциплинарных взысканий и не считая целесообразным ввиду давности предание суду виновных в волоките, предлагаю проработать настоящий приказ на оперативных совещаниях всех прокуратур и выработать конкретные мероприятия, совершенно исключающие в дальнейшем волокиту и безответственность в работе прокуратуры.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.
17 сентября 1936 г.
№ 571.

О сокращении расходования культурных сортов бумаги

В связи с письмом заместителя председателя СНК Союза ССР т. Антипова от 27 августа 1936 г. № 930 о наблюдающихся случаях неэкономного расходования культурных сортов бумаги и предложением т. Антипова безотлагательно сократить расходование отпущенных фондов культурных сортов бумаги, приказываю:

1. Всем прокурорам союзных республик провести все необходимые мероприятия по сокращению расходования отпускаемых в их распоряжение фондов культурных сортов бумаги.

2. Прокурорам союзных республик дать одновременно необходимые об этом указания подчиненным им периферийным органам.

3. О результатах проведенных мероприятий сообщить в Прокуратуру Союза не позднее 15 ноября 1936 г.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

20 сентября 1936 г.

№ 582.

О деле Ложкина

В октябре 1934 г. прокуратурой Удмуртской автономной области были преданы суду по ст. 59—3 УК гр-не Ложкин и Кекишев. Областной суд, признав их виновными в убийстве артиста Семенова, вынес обвинительный приговор. Между тем, ни предварительным, ни судебным следствием не было добыто достаточно необходимых улик для обвинения Ложкина и Кекишева в столь тяжком преступлении. Вследствие этого, УИК Верховного суда РСФСР 22 ноября 1934 г. приговор по делу Ложкина и Кекишева отменила, направив дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

Доследование дела, являвшегося сложным и запутанным, было поручено старшему следователю прокуратуры Удмуртской автономной области т. Рублеву, который в сравнительно короткое время сумел собрать исчерпывающие данные против действительных убийц артиста Семенова—Ялунина и Романченко, в отношении виновности которых ранее вопрос совершенно не возникал. Под тяжестью бесспорных улик Ялунина и Романченко сознались в совершенном ими преступлении. Одновременно т. Рублевым была установлена полная непричастность Ложкина и Кекишева в приписываемом им преступлении.

Указанный факт образцовой работы старшего следователя т. Рублева стал мне известен только лишь теперь, в связи с просмотром архивных дел в порядке надзора.

Отмечая вдумчивое и добросовестное отношение т. Рублева, ныне старшего следователя прокуратуры Удмуртской автономной советской социалистической республики, к порученному ему делу, объявляю ему благодарность и премирую его полторамесячным окладом.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

26 сентября 1936 г.

№ 599.

О пожаре в Саранском народном суде

В ночь на 29 апреля 1936 г. в г. Саранск произошел пожар здания народного суда, в результате которого сгорело около 40 уголовных дел. Тогда же было установлено, что пожар произошел в результате поджога.

В ночь на 16 мая вторично был произведен поджог здания народного суда, причем была убита сторожиха Стелина, труп которой был после этого обложен делами и подожжен. В результате второго пожара сгорели почти все дела народного суда за 1934—1936 гг. и уничтожены были алфавиты и картотека, что исключало возможность восстановления дел.

В дальнейшем в течение около пяти месяцев местные органы НКВД, Угрозыска и прокуратуры не могли раскрыть этого преступле-

ния, в связи с чем по просьбе уполномоченного КПК по Куйбышевскому краю т. Френкеля мною были командированы на место следователь по важнейшим делам т. Шейнин и старший лейтенант Московской городской милиции т. Осипов.

В течение одной недели названные работники произвели на месте расследование и установили действительных виновников убийства и поджогов.

Учитывая проявленные следователем по важнейшим делам Шейниным Л. Ф. и старшим лейтенантом милиции Осиповым Ф. большую оперативность, инициативу и высокое качество расследования, приказываю:

1. Следователю по важнейшим делам т. Шейнину Льву Романовичу за раскрытие этого преступления объявить благодарность, 2) старшему лейтенанту милиции т. Осипову Николаю Филипповичу выдать вознаграждение в размере 1.000 рублей.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

1 октября 1936 г.

№ 612.

О судебно-следственных экспертизах

Практика производства судебно-следственных экспертиз при расследовании дел о хищениях общественной собственности, растратах и других должностных преступлениях показывает, что отдельные работники прокуратуры и органов расследования неправильно понимают задачи и порядок производства бухгалтерской экспертизы.

Организованные в настоящее время местные бюро судебно-бухгалтерской экспертизы, подчиненные Центральному бюро СБЭ при Прокуратуре Союза ССР, направляют по вызовам следователей экспертов-бухгалтеров в порядке ст. 64 УИК РСФСР и соответствующих ст.ст. УИК других союзных республик для дачи заключения на основе имеющихся у следователей материалов.

Эксперт-бухгалтер, как и всякий эксперт, не обязан и не имеет права самостоятельно добывать новые, отсутствовавшие у следователя материалы. Между тем, следователи иногда требуют от эксперта-бухгалтера самостоятельной работы по изъятию в потерпевшей организации дополнительных документов, по проверке и восстановлению учета, по проверке записей встречных документов в других организациях и т. д., используя эксперта, таким образом, как бухгалтера-ревизора. В отдельных случаях следователи допускают прямую подмену себя экспертами, поручая эксперту-бухгалтеру вести непосредственные (без участия следователя) переговоры с обвиняемыми и свидетелями. Имел место случай, когда один из народных следователей г. Москвы передал эксперту-бухгалтеру газетную вырезку о злоупотреблениях на деревообделочной фабрике № 2 и предложил ему самому разобраться в приводимых в заметке фактах.

Нередко следователи вызывают эксперта-бухгалтера преждевременно, в самом начале расследования дела, когда еще не собраны материалы, достаточные для дачи заключения. Точно так же встречаются случаи вызова экспертов, когда материалы, необходимые для

экспертизы, хотя и имеются уже в деле, но еще не изучены самим следователем, в результате чего не могут быть надлежащим образом сформулированы вопросы, подлежащие разрешению экспертизы. В этих случаях следователь иногда даже поручает самому эксперту формулировку вопросов на основе изучения материалов следственного дела. Имеют место также случаи постановки эксперту множества вопросов (в г. Москве по одному сравнительно несложному делу эксперту было предложено свыше 50 вопросов), большинство из которых иногда не имеет значения для дела и не может влиять на его исход. Здесь же надо отметить случаи постановки эксперту-бухгалтеру вопросов, выходящих за пределы его компетенции, как например, заданный по одному из дел вопрос «откуда появились у заведующего магазином спрятанные рулоны» или «установить причину взлома кассы».

В практике расследования не редки случаи, когда следователь, передав вопросы и имеющиеся материалы эксперту-бухгалтеру, не следит затем за работой эксперта. Именно в этих условиях бесконтрольной работы создается почва для перерастания экспертизы в самостоятельное параллельное расследование. Разумеется, было бы совершенно неправильным ограничить инициативу эксперта или требовать от следователя прямого «руководства» экспертизой. Следователь должен предоставить эксперту полную возможность самостоятельно вести изучение всех имеющихся материалов, должен помочь эксперту путем истребования необходимых дополнительных материалов по линии эксперта; должен предоставить эксперту возможность получить объяснения обвиняемого или свидетеля, оформляя путем составления протоколов все заявленные обвиняемым ходатайства, сделанные им замечания и показания свидетелей, данные в связи с экспертизой.

В тех случаях, когда эксперт-бухгалтер, установив недостаточность собранных следователем по делу материалов для дачи заключения, составляет в порядке примечания к ст. 171 УПК акт о невозможности дать заключение, следователь иногда поручает ему же собирать дополнительные материалы вместо того, чтобы обязать соответствующую хозорганизацию представить эти материалы, производя необходимые работы, путем ведомственной ревизии, или путем поручения ревизионной работы местному бюро СБЭ. Эти случаи свидетельствуют о том, что отдельные работники органов расследования не умеют правильно ограничить экспертизу от ревизии. Бухгалтерская экспертиза производится экспертом, направленным по вызову следователя местным бюро СБЭ, на основе материалов, имеющихся у следователя, и подлежит оплате за счет прокуратуры. Бухгалтерская ревизия производится хозорганизацией в ведомственном порядке (или по поручению хозорганизации — местным бюро СБЭ) на основе материалов хозорганизации и за счет хозорганизации. По делам о недостачах и растратах, а иногда и по делам о хищениях ведомственная бухгалтерская ревизия со стороны вышестоящей организации обычно предшествует возбуждению уголовного дела, а материалы ее направляются следователю. Эти материалы, как правило, состоящие из акта ревизии, объяснений подозреваемого и заключения бухгалтерии потерпевшей организации, должны быть приобщены следователем к делу. А акты ведомственной ревизии должны явиться

материалом для последующей судебно-бухгалтерской экспертизы. Требуя высокого качества, полноты и объективности этих актов ведомственной ревизии, следователь должен стремиться создать для эксперта возможность работы, не прибегая к составлению акта в порядке примечания к ст. 171 УПК и не требуя производства дополнительной ревизионной работы. Разумеется, в отдельных случаях, когда работа, необходимая для восполнения имеющихся материалов, является несложной и незначительной по объему, эксперт может, не составляя акта, потребовать (через следователя) от хозорганизаций нужный материал для приобщения к делу и дачи заключения.

В целях установления правильных взаимоотношений органов расследования с судебно-бухгалтерскими экспертами, предлагаем:

1. Приобщать к делу акты ведомственных ревизий вышестоящих организаций, с объяснением подотчетных лиц (подозреваемых) и заключением руководителя бухгалтерии вышестоящей организации о причинах образования недостачи денежных сумм или имущественных ценностей, о точных размерах недостачи и о лицах, ответственных за недостачу.

2. При отсутствии или существенной неполноте актов ведомственной ревизии, требовать от руководства вышестоящей хозорганизации производства ревизии и представления ревизионного акта.

Примечание. Ревизионная работа может быть произведена, как самой хозорганизацией, так и местным бюро СБЭ по поручению и за счет хозорганизации.

3. Вызов эксперта-бухгалтера производить в порядке ст. 64 УПК РСФСР и соответствующих мест. УПК других союзных республик через местные бюро СБЭ, после сосредоточения в деле всех имеющихся материалов ведомственной ревизии и после изучения их самим следователем, когда уже могут быть сформулированы вопросы экспертизе.

Примечание. Если ревизионная работа производилась местным бюро СБЭ, то в качестве эксперта бюро СБЭ не может быть направлено по вызову следователя лицо, работавшее в качестве ревизора.

4. Вопросы эксперту формулировать кратко, ясно, в пределах, необходимых для расследования дела, допуская по особо сложным делам, метод совместного с экспертом редактирования намеченных следователем вопросов.

5. Категорически воспретить переложение на эксперта несвойственных ему функций следователя, как-то: поручение эксперту самостоятельного изыскания документов, производство осмотров и выемок, самостоятельные переговоры эксперта с обвиняемыми и свидетелями и т. д.

6. Оказывать полное содействие эксперту в его работе путем истребования необходимых для дачи заключения документов, путем осмотров в присутствии эксперта и выемки по его указанию нужных материалов, путем вызова обвиняемых и свидетелей для дачи следователю показаний по предложенным экспертом вопросам.

7. При производстве экспертизы предоставлять обвиняемому возможность давать объяснения эксперту, ставить перед ним вопросы

(под контролем следователя) и знакомиться с актом экспертизы.

8. В случае составления экспертом в порядке применения к ст. 171 УПК РСФСР и соответствующих ст.ст. УПК союзных республик акта о невозможности дать заключение ввиду недостаточности имеющихся в деле материалов, принимать меры к восполнению материалов следующими способами:

а) если необходимые материалы имеются в готовом виде в потерпевшей или иной организации — путем истребования или выемки их;

б) если материалы, необходимые эксперту, могут быть получены лишь после предварительной обработки их, восстановления учета или ревизионной работы — поручать соответствующей хозорганизации произвести ревизию с назначением краткого, необходимого по объему работы срока.

9. Оплата экспертов, привлеченных по назначению прокуратуры или следователей, производить за счет кредитов прокуратуры, местного бюро СБЭ, направившему эксперта, — по ставкам б. ВОСУ (в размере от 2 руб. до 7 руб. за час работы); оплата ревизий, производимых бюро СБЭ по поручению хозорганизаций, производят последние.

Всем прокурорам союзных и автономных республик, краев, областей, военных округов, железных дорог и водных бассейнов обсудить настоящее письмо на камерных совещаниях с привлечением следователей, заведующих бюро СБЭ и экспертов-бухгалтеров.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ

7 октября 1936 г.

№ 61/19.

О незаконных изъятиях имущества у потребительской кооперации

Несмотря на неоднократные указания правительства о недопустимости изъятия имущества из средств у организаций потребительской кооперации, местные органы власти продолжают незаконно отбирать имущество у потребительской кооперации.

Так например, в июле 1936 г. райисполком Западносибирского края было отобрано принадлежащее райпотребсоюзу торговое помещение; в августе 1936 г. у Баш. потребсоюза отобрано здание, занимаемое кооперативным техникумом; в Оренбургской области было

отобрано имущество у целого ряда райпотребсоюзов (Павловский, Грачевский и другие районы).

Акты незаконного изъятия имущества у потребительской кооперации свидетельствуют о том, что прокуроры на местах не принимают своевременно мер к пресечению нарушения местными органами прав потребительской кооперации.

Наряду с этим, руководители организаций потребительской кооперации примиренчески относятся к изъятию у них имущества и зачастую не принимают мер к опротестованию неправильных действий местных органов.

Прокуратура Союза ССР и президиум Центросоюза Союза ССР и РСФСР предлагают:

1. Председателям республиканских, краевых, областных и райпотребсоюзов не допускать выполнения незаконных постановлений и распоряжений местных органов об изъятии имущества или средств у потребительской кооперации, опротестовывая через прокурорские органы каждое такое постановление или распоряжение и одновременно сообщая об этом президиуму Центросоюза.

За непринятие мер к предотвращению незаконного изъятия имущества потребительской кооперации руководители потребсоюзов будут привлекаться к строгой ответственности.

2. Прокурорским органам на местах, по получении сведений о незаконном изъятии имущества или средств потребительской кооперации немедленно опротестовывать соответствующие постановления или распоряжения местных органов власти в вышестоящие органы, с одновременным возбуждением дисциплинарного преследования против лиц, виновных в незаконных изъятиях.

В тех случаях, когда незаконные изъятия имущества у потребительской кооперации имели место, несмотря на протест органов прокуратуры или были связаны с повреждением имущества или прекращением деятельности предприятий потребительской кооперации, а также в других случаях злостного нарушения прав потребительской кооперации, виновные в этих действиях подлежат привлечению к уголовной ответственности по ст. 110 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Прокурор Союза ССР А. ВЫШИНСКИЙ.

Зам. председателя президиума Центросоюза СССР и РСФСР

М. МАЙОРОВ

9 октября 1936 г.

№ 62/Н 3013.

Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР

О дополнении ст. 20 Уголовного кодекса РСФСР и ст.ст. 28 и 79 Исправительно-трудового кодекса РСФСР

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. «О дополнении Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (СЗ 1936 г. № 44, ст. 370) Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров РСФСР постановляют:

1. Дополнить ст. 20 Уголовного кодекса

РСФСР примечанием следующего содержания:

«Примечание: Верховному суду Союза ССР, Верховному суду РСФСР, краевым и областным судам, железнодорожным и водно-транспортным судам и военным трибуналам принадлежит право в отношении лиц, осужденных за наиболее опасные преступления, определять лишение свободы в виде заключения в тюрьму».

2. Дополнить ст. 28 Исправительно-трудового кодекса РСФСР примечанием следующего содержания:

«Примечание: Направление осужденных к лишению свободы для отбывания наказания в тюрьму может иметь место лишь при том условии, если в приговоре суда есть специальное указание о заключении осужденного в тюрьму».

3. Дополнить ст. 79 Исправительно-трудового кодекса РСФСР примечанием следующего содержания:

«Примечание: Органам НКВД Союза ССР предоставляется право переводить в дисциплинарном порядке в тюрьму лиц, отбывающих наказание в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях и систематически нарушающих в этих местах лишения свободы распорядок, совершающих побеги и т. п. Перевод этих лиц в тюрьму может иметь место по постановлению начальника республиканского, краевого или областного Управления НКВД Союза ССР на срок до одного года с санкции прокурора соответствующего лагеря

и по постановлению начальника ГУЛАГ НКВД Союза ССР на срок до 2 лет с санкции прокурора Союза ССР.

В случае опротестования Прокуратурой постановления органов НКВД Союза ССР о направлении заключенного в тюрьму, исполнение этого постановления приостанавливается».

За председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета

Зам. председателя Совета
народных комиссаров РСФСР

Зам. секретаря Всероссийского
центрального исполнительного комитета
НОВИКОВ

Москва, Кремль,
20 сентября 1936 г.

Сводка важнейших постановлений Правительства Союза ССР

За август и сентябрь месяцы 1936 года

1. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. Об изменении структуры народного комиссариата Водного транспорта и управлений морских и речных пароходств — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 373).

2. О VIII съезде советов Союза ССР и о порядке выборов и созыва съездов советов на местах — пост. ЦИК Союза ССР от 2 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 374).

3. О структуре и порядке финансирования Главного управления шоссейных дорог Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР и его местных органов — пост. СНК Союза ССР 2 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 378).

4. О структуре Главного управления лесохраны и лесонасаждений при СНК Союза ССР — пост. СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 379).

5. Об организации банка финансирования капитального строительства торговли и кооперации — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 17 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 45, ст. 385).

6. Об изменении организационной структуры лесозаготовительных организаций Народного комиссариата лесной промышленности — пост. СНК Союза ССР от 2 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 46, ст. 395).

7. Об образовании в составе Народного комиссариата тяжелой промышленности Главного управления по лесозаготовкам и лесовывозке — пост. СНК Союза ССР от 2 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 46, ст. 396).

8. Об организации Главного управления по каучуку при Народном комиссариате тяжелой промышленности — пост. СНК Союза ССР от 11 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 46, ст. 397).

9. О формах учета хода и результатов выборов на районные, областные, краевые, рес-

публиканские съезды Советов и на VIII чрезвычайный всесоюзный съезд Советов — пост. ЦИК Союза ССР от 7 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 49, ст. 406).

2. Военное и морское дело

10. О понижении призывного возраста на действительную военную службу — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 11 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 46, ст. 392).

3. Здравоохранение

11. О подготовке средних медицинских, зубо-врачебных и фармацевтических кадров — пост. СНК Союза ССР от 8 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 47, ст. 401).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

12. Об изменении Положения о государственных промышленных трестах — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 371).

13. Об изменении постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 8 мая 1929 г. «О золотой и платиновой промышленности и о хранении и обращении золота и платины» — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 372).

2. Земля и сельское хозяйство

14. О государственном плане озимого сева на 1936 г. — пост. СНК Союза ССР от 29 июля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 376).

15. О плане зяблевой пахоты под яровые по-

сезы 1937 г.—пост. СНК Союза ССР от 1 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 377).

III. ФИНАНСЫ

16. О дополнении постановления СНК Союза ССР от 4 июня 1936 г. «Об изменении системы кредитования товарооборота» — пост. СНК Союза ССР от 5 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 380).

17. О работе Госстраха по добровольному страхованию — пост. СНК Союза ССР от 5 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 46, ст. 398).

18. О бюджете государственного социального страхования на 1936 г. — пост. СНК Союза ССР от 4 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 48, ст. 404).

19. О порядке производства внеплановых капиталовложений — пост. СНК Союза ССР от 13 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 48, ст. 405).

IV. КООПЕРАЦИЯ

20. О ликвидации интегральной (смешанной) кооперации и развитии советской торговли на Крайнем севере — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 17 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 45, ст. 386).

V. СУДОУСТРОЙСТВО, СУДОПРОИЗВОДСТВО, УГОЛОВНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

21. О дополнении «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 8 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 370).

22. О порядке взыскания с заготовительных организаций задолженности колхозам за сданную ими продукцию — пост. СНК Союза ССР от 19 июля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 381).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

23. О порядке и сроках регистрации рождений и смертей — пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июля 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 369).

24. О переименовании острова Удд в остров Чкалов, острова Лангр — в остров Байдуков, острова Кевос — в остров Беляков — пост. ЦИК Союза ССР от 13 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 45 ст. 389).

25. О правильном начертании названий населенных пунктов — пост. ЦИК Союза ССР от 17 августа 1936 г. (СЗ 1936 г. № 44, ст. 393).

26. Об установлении звания Народного артиста Союза ССР — пост. ЦИК Союза ССР от 6 сентября 1936 г. (СЗ 1936 г. № 47, ст. 400).

ПОПРАВКИ

В номере 10 журнала имели место следующие опечатки:

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Следует читать
6	1	20 сверху	пятьдесят	пять — десять
10	2	24—25 сверху	чтобы	нужно ли
11	1	20 сверху	ползущие	ползающие
11	1	7—6 снизу	способные	способны
11	2	10 сверху	незаконностью	ревзаконностью
11	2	26 сверху	это неправильно.	думают неправильно.
11	2	25 снизу	моментами	данными
11	2	20 снизу	уверять	уверить
12	1	4 сверху	тайное право	тайное избирательное право как новый принцип выборов народных судов
12	2	2 сверху	были бы тоже	были тоже

Редакция просит авторов, не получивших до сих пор гонорара за статьи, опубликованные в вышедших номерах журнала, сообщить Редакции свой, точный адрес, имя и отчество, без чего гонорар не может быть переведен.

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Отв. редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ

Рукопись поступила в издательство 25/X—13/XI 1936 г.

Слано в производство 27/X 1936 г.

Подписано к печати 1/XII 1936 г. 6¹/₄ п. л.; 16,3 авт. листа.

В одном бум. листе 231000 печ. знаков

Формат бум. 72×110/16

С—04 п.; № 662.

Технический редактор Н. Журавлев

Уполном. Главлита Б—30826

Заказ № 1502.

Тираж 17100

15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ „ПАРТКНИГА“

ПОСТУПИЛИ И ПОСТУПАЮТ В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ В ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЯХ И ДЕКРЕТАХ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1917 — 1936). Составил С. Студеникин. Под редакцией А. А. Алымова (Институт советского строительства и права Академии наук СССР). Стр. 407. Цена 6 р. 50 к. в переплете.

ВЫШИНСКИЙ А. Я. Государственное устройство СССР. Стр. 48. Цена 38 коп.
КРЫЛЕНКО Н. В. Советское правосудие (суд и прокуратура в СССР). Стр. 20. Цена 18 коп.
КРЫЛЕНКО Н. В. Сталинская Конституция в вопросах и ответах. Стр. 64. Цена 48 коп.
БЕРМАН Я. Л. Общественное устройство СССР. Права и обязанности советских граждан. Стр. 48. Цена 28 коп.

ШОСТАК Г. К. Советская избирательная система. Стр. 48. Цена 35 коп.

Новый закон о матери и детях. Стр. 32. Цена 10 коп.

ПАРТИЗДАТ ЦК ВКП(б)

ЛЕНИН, СТАЛИН. Решение партии и правительства о советской Конституции. Сборник материалов и документов. Составил Алымов. 40 л. Цена 5 руб. (печ.).

КОНСТИТУЦИЯ (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Проект Конституции Союза (СР, представленный Конституционной Комиссией ЦИК Союза ССР и одобренный Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на рассмотрение Всесоюзного съезда советов. Стр. 32. Цена 15 коп.

КАРПИНСКИЙ В. Наша конституция. 2 л. Цена 20 коп. (печ.).

КРЫЛЕНКО Н. В. Права и обязанности советского гражданина. Стр. 55. Цена 25 коп.

СТЕЦКИЙ А. Победа социализма в СССР и новая советская Конституция. Стр. 167. Цена в переплете 1 р. 10 к. и 2 руб.

СТЕЦКИЙ А. Конституция социалистического государства. Стр. 62. Цена 20 коп.

УНШЛИХТ И. Государственное устройство СССР и национальная политика советской власти. Стр. 40. Цена 20 коп.

ЧЕЛЯПОВ Н. Высшие органы государственной власти СССР. Стр. 39. Цена 20 коп.

ШВЕРНИК Н. Социализм и право на труд. Стр. 30. Цена 25 коп.

СОЦЭНГИЗ

ГЕОРГИАДИ Я. Г. Дружба народов СССР. Стр. 48. Цена 25 коп.

ДЕГТЯРЕВ Ф. Право на социальное обеспечение. Стр. 32. Цена 20 коп.

ЛУРЬЕ ДАВИД. Две формы собственности в СССР. 2 л. Т. 50.000. Цена 30 коп. (печ.).

СЕМАШКО Н. А. Право на отдых. Стр. 32. Цена 20 коп.

СМУЛЕВИЧ Б. Материнство при капитализме и социализме. 5 л. Цена 75 коп. (печ.).

Советский народ о сталинской Конституции. Сост. Давидюк, Галин и др. 14 л. Т. 20000. Цена 4 руб. (печ.).

ЧЕЛЯПОВ Н. Марксистско-ленинское учение о равенстве. 7 л. Цена 1 руб. (печ.).

ГАНЗ

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Сталинская Конституция и вопрос о религии. Следует ли ограничивать служителей культа в гражданских правах. Стр. 16. Цена 12 коп.

Госплан СССР

СМИРНОВ Г. Об экономической основе СССР. Стр. 99. Цена в переплете 1 р. 50 к.

Требуйте во всех книжных магазинах и киосках КОГИЗа и райнульмагах потребкооперации

Почтовые заказы направляйте по адресу: **МОСКВА, МОГИЗ, „КНИГА-ПОЧТОЙ“**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1937** год

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛ

Собрание законов и распоряжений выходит на русском

языке и на языках союзных республик

В Собрании законов и распоряжений публикуются постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР, ЦИК и СНК СССР, ЦИК СССР, СНК СССР и СТО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО ИЗДАНИЯ: на 12 мес. — 10 руб., на 6 мес. — 5 руб.

Выходит по мере поступления законодательных материалов

Отдельные номера в розничную продажу не поступают

СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ И РАСПОРЯЖЕНИЙ

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ВТОРОЙ ОТДЕЛ

Опубликовываются международные договоры, конвенции и соглашения, постановления о награждении орденами, уставы юридических лиц, утвержденные правительством СССР, и назначения личного состава высших правительственных учреждений СССР

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

Выходит по мере поступления законодательных материалов

Отдельные номера в розничную продажу не поступают

СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР

Опубликовываются постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета, Совета народных комиссаров и Экономического совета Российской социалистической федеративной советской республики

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 8 руб., на 6 мес. — 4 руб.

Выходит по мере поступления законодательных материалов

Отдельные номера в розничную продажу не поступают

СОКРАЩЕННОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ СССР и РСФСР для сельских советов

Опубликовываются важнейшие акты правительства Союза ССР, ВЦИК, СНК и ЭКОСО, РСФСР, имеющие отношение к деятельности сельсоветов, с приложением ведомственных материалов

„Сокращенное собрание законов“ обязательно к получению всеми сельсоветами

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 12 мес. — 6 руб., на 6 мес. — 3 руб.

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЕСЯЦ

Отдельные номера в розничную продажу не поступают

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

отделениями, магазинами, киосками, уполномоченными КОГИЗа и во всех почтовых пунктах СССР

Подписку и деньги в издательство направлять не следует, издательство подписки не принимает и рассылки изданий не производит.

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрировано в реестре юридических лиц под № 288

Московская Государственная Контора по материально-техническому снабжению местной промышленности Московской области

„МОСМЕСТПРОМСНАБ“

Адрес: Москва, Кузнецкий, 14

52

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 29 июня 1936 г. под № 527 (пятьсот двадцать седьмым)

Транспортный отдел МОСПО,

находящийся в ведении Московского областного союза погребительских обществ

Адрес: Москва, ул. Кирова, 43

70

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 4 июня 1936 г. под № 513 (пятьсот тринадцатый)

Московская контора материально-технического снабжения

„СОЮЗСНАБТОРГА“ НКВТ СССР,

находящаяся в ведении Ресоюзной государственной конторы матер.-тех. снабжения

«Союзснабторг» НКВТ СССР

Адрес: Москва, ул. Горького, 16, тел. К-2-26-38

73

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 592 (пятьсот девяносто вторым)

Кооперативная артель инвалидов

„КОМБМИНВОД“,

находящаяся в ведении Мособлкоопинсоюза

Адрес: Москва, 1-я Мещанская, 20,
Тел. К-5-41-75

77

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, № 8 стр. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в реестре юридических лиц под № 3579 (три тысячи пятьсот семьдесят девятым)

Государственный Всесоюзный лесопромышленный трест

„МОСГОРТОП“,

находящийся в ведении Наркомлеса Союза ССР

Адрес правления треста: гор. Москва, угол ул. Куйбышева и Б. Черкасского пер., № 10/11

74

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР за 1931 год, статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 20 июля 1936 г. под № 559 (пятьсот пятьдесят девятым)

Закупочная база Всесоюзного Объединения торговли и столовых на железнодорожном транспорте, находящаяся в ведении Всесоюзного объединения

„СОЮЗТРАНСПОРТПИТ НППС“

Адрес: Москва, ул. К. Маркса, 12, тел. Е-1-31-23

78

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 28 января 1936 г. под № 365 (триста шестьдесят пятый)

Московская контора анч. Камчатского общества,

находящаяся в ведении и управления АКО

системы Наркомпищепрома СССР

Москва, ул. 25 Октября, д. 6, тел.: Упр. к-р й 7-27, Секретариат 4-35-80, Финчасть 5-55-56

75

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 14 мая 1936 года под № 223 (двести двадцать третьим)

Московский государственный областной трест промшленн. строительства

„МОСБЛПРОМСТРОЙ“,

находящийся в ведении Моск. обл. Управл. Местной Промышленности «МОУМП»

Адрес: Москва, проезд Владимирова, дом 1,
тел. 5-79 88

79

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 4 мая 1936 г. под № 481 (четырееста восемьдесят первым)

Бюро по охране авторских прав при Всерос. Кооперативном Союзе „ВСЕКОХУДОЖНИК“, находящееся в ведении Всерос. Кооп.; объедин. «Всекохудожник»

Адрес: Москва, Кузнецкий мост, 11, телефон К-2-90-56

80

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансов и хозяйствен. законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3848 (три тысячи восемьсот сорок восьмым)

Государственная союзная Мосновская чаеразвесочная фабрика,

находящаяся в ведении Главного управления чайной промышленности «Главчай» Наркомпищепрома СССР

Адрес: Москва, Боровая, 3

81

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 3 июля 1936 года под № 667 (шестьсот шестьдесят седьмым)

Государственная дорожно-эксплуатационная контора Дзержинского района, г. Москвы,

находящ. в ведении Дзержинского Райсовета

Адрес: Москва, Трубная ул. дом № 21

82

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 1 июля 1936 года под № 663 (шестьсот шестьдесят третьим)

Государственная контора коммунального хозяйства Дзержинского района, г. Москвы,

находящаяся в ведении Дзержинского райсовета

Адрес: Москва, Трубная ул. 22

83

НКФ СССР на основании положения и правил о государственной регистрации (СЗ СССР 1931 г., ст. 99 и Бюлл. фин. и хоз. законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц 20 июля 1936 г. под № 3586 (три тысячи пятьсот восемьдесят шестым)

Государственная Всесоюзная контора по производству, использованию и внедрению учебно-технических фильмов, фото, диапозитивов и радио „УЧТЕХФИЛЬМТЯЖПРОМ“,

находящаяся в ведении НКТП СССР

Адрес: Серебрянская набережная, Серебрянский пер. дом 15/17

84

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 465 (четырееста шестьдесят пятым)

Московская областная контора по снабжению и сбыту „ГУТАП“,

находящаяся в ведении Государственного Управления Автотракторной Промышленности «ГУТАП»

Адрес: Москва, Нижне-Сыромятинская ул. д. № 1, тел. Ж-1-24-74

85

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. законов и распоряж. правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законод.» 1931 г. № 12) зарегистрировано в государственном реестре юридических лиц 10 августа 1936 г. под № 577 (пятьсот семьдесят седьмым).

Эксплуатационное управление Мосдорнаб-отдела,

находящегося в ведении отд. строительства и эксплуатации дорог и набережных при президенте Моссовета «Мосдорнаботдел»

Москва, Разгуляй, Добролюбовский пер., 14 тел. Е-1-02-87 и Е-1-14-25

86

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил о государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финанс. и хоз. законод.» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 457 (четырееста пятьдесят седьмым)

Буфетный комбинат треста „КАФЕ“,

находящийся в ведении Московского треста «Кафе»

Адрес: Москва, Лабазная ул., 6, тел. В-1-73-00

87